

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР

**Institute for the Study of the USSR*Institut zur Erforschung der UdSSR
Institut d'études sur l'URSS**

**IX КОНФЕРЕНЦИЯ
Института по изучению СССР**

(Мюнхен, 26-27 июля 1957 г.)

40 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Мюнхен

1957

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР

Institute for the Study of the USSR*Institut zur Erforschung der UdSSR

Institut d'études sur l'URSS

IX КОНФЕРЕНЦИЯ

Института по изучению СССР

(Мюнхен, 26-27 июля 1957 г.)

40 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Мюнхен

1957

**Труды Конференций Института редактируются Издательской Коллегией
Ученого Совета Института.**

**Перепечатка материалов из Трудов Конференции разрешается при
условии указания источника.**

Издательская Коллегия

**Herausgeber: Institut zur Erforschung der UdSSR, e. V., München 26, Schließfach 8.
Verantwortlicher Redakteur: Prof. B. Iwanow, München 22, Mannhardtstr. 6.
Druck: Buchdruckerei EINHEIT, Inh. I. Baschkirzew, München 8, Hofangerstr., 73**

Printed in Germany

ОТ КОМИССИИ ПО СОЗЫВУ IX КОНФЕРЕНЦИИ ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР

26 и 27 июля 1957 г. в Мюнхене состоялась очередная IX научная Конференция Института по изучению СССР.

Конференция была тематически посвящена сорокалетней годовщине существования советской власти, — результатам усилий КПСС осуществить на практике программные предначертания марксизма-ленинизма.

Конференция не стремилась подвести итоги положению во всех отраслях жизни в СССР за сорок лет. Ее задачей было осветить наиболее важные вопросы, касающиеся идеологических установок большевизма и их изменений, а также проанализировать практическое их преломление в политических, национально-правовых, культурных и хозяйственных формах СССР.

В работе Конференции, кроме научных сотрудников Института, приняли участие 264 представителя из 14 стран свободного мира: Австрии, Англии, Бельгии, Германии, Голландии, Египта, Израйля, Италии, Канады, США, Турции, Франции, Швейцарии и Швеции. Пресса была представлена 25 журналистами.

Тема Конференции, как показала дискуссия, оказалась весьма актуальной. В обсуждении докладов приняли участие около 60 ученых-советоведов и общественно-политических деятелей.

В настоящем сборнике вниманию наших читателей представлены тексты прочитанных докладов, замечаний оппонентов, вступительные слова председателя Ученого Совета Института г-на Мирза Бала и Директора Института В. С. Мерцалова, а также заключительное слово В. С. Мерцалова.

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Пятница, 26 июля 1957 г., 9 ч. 30 м.

Конференцию открывает председательствующий, Заместитель Директора Института по изучению СССР, доц. **И. И. Бакало**, в кратких словах приветствовавший собравшихся от имени организационной комиссии.

Приветственное слово Председателя Ученого Совета Института, г-на **Мирза Бала**:

Многоуважаемые гости и члены Института по изучению СССР! Разрешите мне приветствовать Вас от имени Ученого Совета Института и пожелать Вам успеха в предстоящей работе. Сегодня мы начинаем очередную нашу Конференцию, тематически посвященную 40-летию советской власти, т. е. истории порабощения и страдания народных масс, классов и национальностей СССР. Во время прошлой нашей конференции, которая была тематически посвящена XX съезду коммунистической партии Советского Союза, были высказаны мысли, доказывавшие ошибочность некоторых утверждений оптимистического характера — о происходящей, якобы, эволюции в сторону демократизации в Советском Союзе. События последнего времени, особенно, убеждают нас в том, что в Советском Союзе никаких перемен нет, — он остается таким, каким был создан 40 лет назад, т. е. страной порабощения, страной страдания, штабом мировых коллизий. Если настоящая Конференция поможет цивилизованному миру освободиться от вредных иллюзий в отношении Советского Союза, — преследуемая нашим Институтом цель будет достигнута. Еще раз приветствую Вас от имени Ученого Совета и прошу принять активное участие в дебатах и дискуссиях по докладам.

Приветственное слово Директора Института по изучению СССР **В. С. Мерцалова**:

От имени Дирекции Института и всех его сотрудников горячо приветствую Вас и поздравляю с открытием нашей очередной, уже IX по счету, Конференции.

С некоторых пор стало нашей традицией проводить научные конференции Института и обсуждать на этих конференциях основные вопросы советской действительности. В 1955 г. мы обсуждали политику крутого подъема и ее результаты. В 1956 г. темой конференции был XX съезд партии и его решения. Сегодня темой нашей Конференции является 40-летие

существования советской власти. Все эти вопросы имеют важнейшее значение не только для судеб самого Советского Союза и его народов, но они оказывают немаловажное влияние и на внешний мир, на его политику, на его взаимоотношения с Советским Союзом, а вместе с тем и со всем коммунистическим блоком. Для свободного мира чрезвычайно важно правильно понять и верно оценить сущность советского строя, сущность коммунистической власти, ее конечные цели, ее методы и средства. Только тогда свободный мир сможет правильно понять и оценить каждый решающий шаг советской внутренней и внешней политики, уяснить себе его значение и выяснить, на что он направлен и на какие явные или скрытые цели он рассчитан. Только при этом условии свободный мир может защитить позиции свободы, которым международный коммунизм объявил беспощадную войну, задавшись целью коммунистического преобразования всего мира. Я глубоко убежден, что свободный мир может не только защитить и отстаивать свои позиции, но и одержать победу в соревновании с коммунизмом.

В этом смысле вопросы, ставящиеся на наших конференциях и особенно на нынешней, имеют особое и, действительно, международное значение. Этим, собственно, и объясняется то, что к нашим конференциям проявляют большой интерес не только эмигрантские ученые, но и многие ученые стран свободного мира. В данной Конференции, в частности, среди 300 с лишним ее участников — свыше 60 иностранных ученых. С докладами на нынешней Конференции выступают, кроме ученых-эмигрантов из СССР, также и иностранные ученые — в частности, немецкий ученый, проф. Р. Маурах, и американский ученый, проф. Ф. Баркгорн. Кроме того, выступают с докладами представитель эмигрантских общественных кругов Польши д-р Р. Врага и известный общественный деятель США д-р Д. Даллин.

Тема нашей Конференции — «40 лет советской власти» — чрезвычайно большая тема. Нужно будет осветить целый ряд вопросов первостепенной важности, касающихся природы коммунистической власти в СССР, идеологии большевизма и происшедших в этой идеологии изменений, развития политических, государственных, национальных, культурных и хозяйственных форм жизни страны, вопросы взаимоотношений власти и народа, дать всем этим вопросам квалифицированную оценку, и также вскрыть внутренние причины, предопределяющие будущие судьбы самой коммунистической власти, а вместе с тем и судьбы всей страны и населяющих ее народов. Мы разбили тему Конференции на 7 докладов, но и каждый из этих семи докладов затрагивает такое множество вопросов, что всесторонне осветить их, особенно в рамках предоставленных докладчикам 45 минут, очень и очень трудно. Однако с помощью всех участников Конференции, которых мы призываем к самому активному участию в работе, я надеюсь, что Конференция прольет достаточный свет на все поставленные нами вопросы.

От всей души желаю Вам успеха в Вашей большой, нужной работе.

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 26 июля 1957 г., 10 ч.

Председательствует Зам. Директора Института по изучению СССР,
доц. **И. И. Бакало.**

Д-р **Ричард Врага:** доклад —

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БОЛЬШЕВИЗМА И ИХ ИЗМЕНЕНИЯ

1.

В книге, забытой теперь многими исследователями большевизма, Н. Бухарин, этот — по словам Ленина — «превосходно-образованный марксист-экономист», писал в 1919 году:

«Понятно, что новое общество должно быть таким, которое будет сколочено гораздо крепче, чем капитализм. Раз основные противоречия капитализма взрывают его на воздух, следовательно, на развалинах этого капитализма должно вырасти общество, не знающее тех противоречий, которые были заложены в старом»¹⁾.

«В коммунистическом обществе не будет классов. Но если в нем не будет классов, то это значит, что в нем не будет также никакого государства»²⁾.

А вот еще две цитаты, вернее ссылки.

В «Правде» от 3 июля с. г. (т. е. накануне опубликования последней кремлевской сенсации об удалении из Президиума ЦК партии Маленкова, Молотова, Кагановича и Шепилова), в статье «Ленинское единство партии — источник ее непобедимой силы» (в статье от редакции, т. е. от Центрального Комитета партии), мы читаем такое утверждение:

«Основой единства взглядов и действий коммунистов является марксизм-ленинизм во всей его совокупности и полноте».

---

¹⁾ Н. Бухарин и Е. Преображенский, Азбука коммунизма, изд. 3-е, 1923 г., стр. 35.

²⁾ Там же, стр. 38.

В марте 1957 года на кафедре марксизма-ленинизма Московского историко-архивного института обсуждалась одна работа — о сущности уравнительного землепользования. Присутствующие выразили мнение, что вопрос этот «раскрыт в работах В. И. Ленина, в решениях коммунистической партии и не может быть предметом дискуссий». Один из основных органов Академии наук СССР — «Вопросы истории» — подтверждает это мнение, возводя его в ряд основных принципов партийного мышления:

«Дискуссия по этим вопросам была делом ненужным и бесплодным, так как они давно получили решение в трудах В. И. Ленина и в ряде важнейших документов коммунистической партии»³⁾.

Эти три вышеприведенные ссылки мне нужны были не только в виде эпиграфа. Они до известной степени определяют цели и задачи моего доклада:

— что же такое представляет собой сегодня этот «марксизм-ленинизм, во всей его совокупности и полноте», поскольку какая бы то ни была дискуссия о решенных Лениным и партией вопросах «не нужна и бесплодна»?

— какая цена сегодня всем этим мечтаниям и теориям «превосходно образованных марксистов» о «бесклассовом обществе» и «исчезновении государства» при коммунизме? Что осталось в самой доктрине от всей этой революционно-коммунистической романтики?

Я понимаю, что в таком докладе, как этот, нельзя ставить задачу осветить полностью всю тему и что необходимо лишь сказать главное, наметить основные проблемы. И, прежде чем приступить к окончательной редакции моего доклада, я долго думал: чем же во времени ограничить мою тему? Какие основные крайние вехи поставить для дискуссии об идеологических изменениях большевизма? Неужели необходимо начинать с «азбуки коммунизма», т. е. с марксизма, с «классического» марксизма самих Маркса и Энгельса, с напоминания о его основах? Я отбросил эту мысль.

«Классический» марксизм достаточно хорошо исследован, и о нем нового не скажешь. Свободная наука Запада давно отдала все почести экономическому учению Маркса и Энгельса и включила его в сокровищницу человеческого знания, отдавая ему почетное место в науке об экономическом и социальном развитии общества. Не менее глубоко и всесторонне оценена также и философская сторона учения Маркса и Энгельса.

За последние годы на Западе появилась масса интереснейших и содержательнейших работ о перипетиях эволюции классического марксизма. Таковы в Великобритании работы профессоров Кэри Ханта, Д. Пламенеца, Сетон-Ватсона, Актона и др.; во Франции — Анри Шамбро, Пьера Биго, Жана Маршала, Мерло Понти и мн. др. Полагаю, что мне нет здесь необходимости перечислять хотя бы даже главные исследования американских и немецких советологов. Некоторые из них являются сегодня своего рода «классическими трудами», кои нельзя обойти в дальнейшей исследовательской работе.

Но, как это ни странно, при исследовании современной советской доктрины, при изучении «марксизма-ленинизма» «во всей его совокупности и полноте» именно этот классический марксизм играет второстепенную

³⁾ «Вопросы истории», № 3, 1957, стр. 120.

роль, уходит на дальний план, а на первое место выступает вся та громадная теоретическая надстройка, которую сочинили — сообразуясь с жизнью и исходя из практики — Ленин и партия.

Только начинающие исследователи коммунизма увлекаются перечислением и анализом противоречий между «классическим марксизмом» и «марксизмом-ленинизмом» и не перестают удивляться, что «советский социализм» никак не похож на тот социализм, с понятием которого связана вся человеческая прогрессивная культура. И вряд ли уж нужно напоминать об основном противоречии между марксизмом и марксизмом-ленинизмом в понимании «базиса» и «надстройки», которое привело к развитию и углублению того необузданного волюнтаризма, каким проникнуты не только учение Ленина, но и вся политика, вся история коммунистической партии СССР, волюнтаризма, который привел к полному перевесу политики во всех областях жизни советского общества.

Мне кажется также излишним останавливаться на так называемом «русском характере» марксизма-ленинизма, сиречь — большевизма. Об этом написано очень много, и эта тема стала давно сама по себе объектом дискуссий не столько между исследователями коммунизма, сколько между политиками. Многие кормили себя иллюзиями, что марксизм-ленинизм есть прежде всего «русское явление» и достаточно его «ликвидировать в России», чтобы «призрак коммунизма» исчез во всем мире.

Всякая идея, равно положительная, как и отрицательная, зарождается и формулируется в конкретной обстановке, и эта обстановка оставляет на ней неизгладимые следы. Для понимания марксизма-ленинизма важно, однако же, не столько то, что Ленин был русским, что он прекрасно сознавал особенности развития русского общества и государства, что ему во многих отношениях был ближе Чернышевский, Ткачев и даже Бакунин, нежели Маркс, но важно прежде всего то, что главным источником волюнтаризма Ленина был отсталый характер России, что у Ленина жажда немедленной реализации марксизма встречала на своем пути непреодолимое (именно по Марксу!) препятствие в этой отсталости, что в ленинском понимании «построения социализма» революция должна была сыграть не только роль «повивальной бабки», не только призвана была разрушать старое, но и силою построить новое. Там, где революция сохраняет свою власть и силу для построения «нового», где она не дает свободы самому обществу — она непременно переходит в контрреволюцию.

О русском характере большевистской революции и самого большевизма — повторяю — написано много. Самое интересное написано самими же русскими. Достаточно указать имена Бердяева, Степуна, Франка, Лосского, а из историков хотя бы только Милукова и Мельгунова⁴⁾. В их работах накоплено достаточно материала для понимания «истоков и смысла русского коммунизма». Но как бы мы ни углублялись в анализ и изучение русских истоков марксизма-ленинизма, мы не можем придти к другому

⁴⁾ В частности — статья С. П. Мельгунова «Ленинизм» («На чужой стороне», т. VI, 1924 г.).

заклучению как то, что этот марксизм-ленинизм стал сегодня междуна-
родной, антинациональной (также и антирусской) силой и что он вос-
принимается также и коммунистами высокоразвитых
в экономическом отношении стран, — как единствен-
ная ведущая к коммунизму доктрина. И мы не можем не
видеть, что внешняя, пропагандная сила этой доктрины именно в ее волюн-
таризме. И в этом, может быть, скрывается обреченность самого «класси-
ческого марксизма» — как творческой идеологии.

2.

Я предлагаю ограничить тему об изменениях идеологии большевизма
двумя «вехами»:

— первая — это пресловутые «Апрельские тезисы» Ленина: «О задачах
пролетариата в данной революции», призывающие к немедленному пере-
ходу «ко второму этапу» революции», проще говоря — к безраздельному
захвату власти партией;

— вторая веха — это речь Мао Цзэ-дуна: «К вопросу о правильном раз-
решении противоречий внутри народа», произнесенная 27 февраля 1957 го-
да на II расширенном заседании Верховного государственного совещания.

Я беру эти два документа, как крайние вехи моей темы, не только по-
тому, что их отделяет ровно 40 лет и что поэтому они как нельзя лучше
отвечают идее настоящей Конференции, посвященной анализу «40 лет со-
ветского режима». Я указываю на эти документы прежде всего потому, что
оба они являются, несомненно, переломными моментами в истории миро-
вого коммунизма:

— первый из них выявил окончательную волюнтаристскую сущность
ленинизма и определил его основное противоречие с марксизмом,

— второй — свидетельствует об идейном банкротстве того же лени-
низма («марксизма-ленинизма»), о его неспособности оторваться от чис-
то механических методов разрешения противоречий.

Апрельские тезисы Ленина не произвели в свое время большого впе-
чатления в мире, не принимавшем всерьез ни речей, ни деклараций боль-
шевиков, но они ошеломили большинство марксистов, которые сразу по-
няли, в чем дело. Плеханов, имеющий, во всяком случае, не меньшее пра-
во называть себя русским, чем Ленин, понимающий прекрасно, «что в Рос-
сии не было объективных условий, нужных для углубления революции в
смысле замены капиталистического строя — социалистическим»⁵⁾, называл
эти тезисы «бредом», а тактику большевиков — «тактикой Бакунина, а во
многих случаях просто-напросто тактикой Нечаева»⁶⁾. Известно, что об этих
тезисах говорили и писали меньшевики, давно уже видевшие в Ленине воп-
лощение того же Нечаева, известно, что писал о них Каутский и Роза
Люксембург. Даже не весьма искушенный в марксизме Горький, и тот не
удержался от сравнения Ленина с Нечаевым.

Отступление Ленина от основ марксизма не должно было никого спе-
циально удивлять. Апрельские тезисы были подготовлены
до этого всей теоретической и практической деятель-

⁵⁾ Г. В. Плеханов, Год на Родине, Париж, 1921, т. II, стр. 211.

⁶⁾ Там же, стр. 267.

ностью Ленина, его методами организации партии. Считающаяся ныне классической брошюра Ленина «Что делать?» (1902 г.) и тактика Ленина, приведшая на II подлинно историческом съезде партии в 1903 г. к расколу по поводу 1-го параграфа устава, — показали убедительно, какое значение придавал Ленин организации партии, ее «единству», ее тактике и сколь малое значение приписывал он программе. Мне кажется, что если мы теперь все время стараемся понять и объяснить причины, почему коммунистическая партия Советского Союза существует — фактически вот уже десятилетия — без программы, являясь в этом отношении единственной политической партией в мире, то истоки этой своеобразной «водобоязни» по отношению к программе надо искать уже в конфликтах, выявленных на этом съезде.

Социал-демократы поняли сразу, какие из этого могут проистечь последствия: Аксельрод называл Ленина «вторым Нечаевым», Троцкий же видел в нем «деспота и террориста», нового Робеспьера.

Огромная литература о Ленине достаточно ярко обрисовала его характер, его философскую узость, упрямство, увлечение чисто военными методами организации, деспотизм и эгоцентризм. (Я не могу здесь хотя бы одним словом не упомянуть о книге Н. Валентинова: «Встречи с Лениным», которая, мне кажется, является верхом беспристрастности и объективности). Жизнь Ленина 1895—1917 годов — это непрерывная, упорная борьба за организацию партии, способной стать авангардом рабочего класса и осуществить «диктатуру пролетариата». Мало-помалу чисто марксистское иллюзорно-символическое понимание «диктатуры пролетариата» начинает у Ленина заменяться своим, выработанным эмпирически. Недаром Ленин придавал всегда такую роль практике и так рано стал отрицать догматический, доктринерский характер марксизма. Но в этом отрицании догматизма у «учителей» всегда проявлялось стремление поднять свое собственное учение до ранга «догмы». И мне кажется, что душа Ленина должна радоваться, что его стремления «высочайше» утверждены сталинскими эпигонами: «то, что решено в трудах Ленина, ни дискуссии, ни обсуждению не подлежит!».

3.

В мои задачи не входит анализ основных теоретических положений ленинизма в той форме, как они были изложены самим Лениным. Да в этом и нет никакой необходимости. Лучшим изложением ленинизма являются, несомненно, работы Сталина — «Об основах ленинизма» (1924 г.) и «К вопросам ленинизма» (1926 г.). Точно так же лучшим определением ленинизма, я думаю, можно считать определение того же Сталина:

«Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности»⁷⁾.

Правда, тут что ни слово, то шифр: и «империализм», и «пролетарская революция», и «диктатура пролетариата», но мне кажется, что здесь, на этой Конференции, не место напоминать об особенностях советской (а вслед

⁷⁾ И. В. Сталин, Сочинения, Москва, 1951 г., т. 6, стр. 71.

за ней и международной, коммунистической) семантики. Советский шифр нам знаком.

Если можно в чем упрекнуть Сталина, то, пожалуй, только в том, что из всего огромного материала Ленина он о многом умолчал. Умолчал прежде всего о своеобразной эволюции самого ленинизма. Но именно этим он придал ленинизму в глазах неискушенных коммунистов новых поколений, не считающих нужным интересоваться «классическим» марксизмом и изучать «всего» Ленина, силу большой убедительности: он ступал все противоречия, все колебания, все экспериментаторство Ленина и, повторяя до одурения, что марксизм не является догмой, а руководством, превратил ленинизм в догму. Именно Сталин почувствовал, что есть «главное в ленинизме». Он совершенно правильно определил, что «основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является... вопрос о диктатуре пролетариата, об условиях ее завоевания, об условиях ее укрепления»⁸⁾, и он, конечно, был субъективно и с точки зрения интересов партии совершенно прав, когда упорно возвращался к мысли Ленина, что задача победившей революции состоит в проведении «максимума осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах». И еще больше он был прав, когда напоминал основное ленинское положение: «Вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции».

У Сталина не было никакого другого отношения к Марксу и марксизму, как через Ленина, и ему не было дела до того, что именно это основное положение Ленина как в теории, так и в практике с марксизмом имеет мало общего. Не имеет значения, что нам и теперь кажется, что Зиновьев был более прав, когда говорил, что «ленинизм есть марксизм эпохи империалистических войн и мировой революции, непосредственно начавшейся в стране, где преобладает крестьянство»; иначе говоря — марксизм для экономически отсталых стран. Современные западные экономисты и социологи, без всяких ссылок на Зиновьева, приходят к тому же выводу на основании добросовестного анализа причин победы ленинского коммунизма именно в странах, «где преобладает крестьянство».

Советская «наука» учит нас, что марксизм-ленинизм есть «стройное, цельное, последовательное научное мировоззрение коммунистических и рабочих партий, рабочего класса всех стран. Основными частями марксизма-ленинизма, органически связанными между собой, являются диалектический и исторический материализм, экономическое учение и теория научного коммунизма»⁹⁾.

Но нет нужды доказывать, что именно Ленин подчинил в своем изложении марксизма всю диалектику и весь исторический материализм основной концепции, концепции власти, концепции диктатуры пролетариата, построенной таким образом, чтобы она выполнила всю эту историческую задачу, которую классический марксизм ставил постепенному, но объективно неотвратимому прогрессу человечества. В этом эволюционном развитии революции должны были играть роль «повивальных бабок» только тогда,

⁸⁾ И. В. Сталин, Сочинения, Москва, 1951 г., т. 6, стр. 123.

⁹⁾ Большая Советская Энциклопедия, 2-е изд., т. 26, стр. 323.

когда не будет иного способа уладить противоречия между производительными силами и производственными отношениями.

Философская сторона ленинизма достаточно объективно изучена, и если столько уже сказано о философской неполноценности марксизма, о «нищете его философии» (укажу здесь только на работы профессоров Зеньковского, Филипова и Вышеславцева), то о философии ленинизма (марксизма-ленинизма) и говорить не приходится. Сталин был совершенно прав: существенно и важно в ленинизме только его учение о «диктатуре пролетариата», т. е. о диктатуре партии.

Планируя и проводя свою тактику не согласно объективным законам развития, но исходя из динамического волюнтаризма, Ленин всю свою основную теоретическую работу направил на развитие понятия «диктатуры пролетариата». Сам пролетариат в этих разработках никогда не играл роли субъекта. Партия, ее организация и тактика были в центре всей деятельности Ленина, как революционера и доктринера. Здесь мало от марксизма, но зато все лишено какого бы то ни было идеализма, романтики, утопизма. Отсюда эти хитросплетенные, но вместе с тем жестокие положения о единстве партии, о дисциплине, о «демократическом централизме», о роли личности «несмотря на историческую необходимость». Завершением ленинского понимания роли и тактики партии совершенно справедливо признано считать пресловутую работу «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Здесь уже от марксизма не осталось почти ничего.

Теория идеальной, железной, военизированной партии не привела Ленина к желаемым результатам. На практике партия не была ни единой, ни централизованной, ни дисциплинированной. Ленинские упрощения марксизма не были по нутру многим интеллигентным и образованным партийцам (а их было в то время немало). Его диктаторские замашки отталкивали многих простых и «убогих умом». В самом критическом моменте захвата власти Ленину пришлось бороться на два фронта: внешнем — с врагами коммунизма и внутреннем — со всякого рода внутрипартийными разногласиями. Теперь мы знаем, что этот внутренний фронт был для Ленина порою страшнее и опаснее. И окончательная «победа» отнюдь не была результатом силы и единства партии, правоты программы (мы знаем, что порою этой программы вовсе не было или она выдвигалась «заимобразно» от политических и социальных врагов), но результатом безнадежной слабости или исторической обреченности антикоммунистических сил России.

«Бред» Апрельских тезисов Ленина — высшее проявление его волюнтаризма — должен был неминуемо привести к террору. Сегодня мы имеем право сказать, что этот террор не был революционным. Это был террор, направленный не столько на разрушение старого, сколько на укрепление власти «единой» партии¹⁰). Справедливость требует сказать, что ленинским волюнтаризмом была уже тогда захвачена вся партийная

---

¹⁰ Потрясающий в этом отношении документ опубликован в «Коммунисте» (№ 5, с. г.). Это речь Ленина на четвертой конференции губернских чрезвычайных комиссий. Его формула, что и после революции «рождение нового строя невозможно без революционного насилия», — не является ли она теоретическим оправданием подавления революции в Венгрии, и, вообще, оправданием всей оккупационной советской политики в Центральной Европе?

верхушка, даже те, которые еще несколько лет тому назад считали Ленина Робеспьером или видели в нем Нечаева. Теоретиком «красного террора» стал все-таки не Ленин, но Троцкий, и он же «подвел теоретическую базу» под закрепощение профсоюзов, а во внешней политике выдвинул столь прельстивший Тухачевского лозунг: «революция на штыках!».

После захвата власти у Ленина не было никаких иллюзий относительно собственной партии. «Главное, чего нам не хватает — культурности, умения управлять»¹¹⁾; «наша партия теперь недостаточно пролетарская»¹²⁾, — писал он в 1922 году. В своем докладе на XI съезде партии он не скрывает также своего пессимизма относительно возможности построения коммунизма при помощи т а к о й партии. Понятие «диктатуры пролетариата» необходимо было расширить, партию укрепить и усилить, придав ей в помощь бюрократию государственного аппарата. Марксистская теория отмирания государства после победы «пролетарской революции» была Лениным сдана в архив так же, как раньше была сдана теория «базиса и надстройки». Нельзя было здесь отказать в последовательности ни Ленину, ни, прежде всего, истории.

Надо здесь, кстати, отметить, что глубокий анализ ленинизма исчерпывающе дан в большой статье покойного проф. С. Н. Прокоповича — в недавно изданном сборнике его статей.

5.

Выдвижение Лениным на первый план вопросов власти, организации и тактики весьма скоро привело к тому, что и основные цели коммунизма изменили свой характер. Они потеряли много из своего социального содержания, становясь со временем все более и более политическими. Вопросы самого коммунизма и социализма перестали быть основными проблемами советской, а вслед за ней и общекommунистической доктрины. Вопрос господства, победы в мировом масштабе, победы именно путем централизации и усиления власти, путем силы и принуждения — стал основным вопросом ленинского неомарксизма. Волонтаризм сузил, обеднил и опошлил марксизм. Не так давно «марксистом» мог быть только образованный и культурный человек. Теперь — «марксистом-ленинистом» мог стать безграмотный, твердоголовый первобытный индивидуум. Исследователи ленинизма не могут не обратить внимания, насколько он насыщен милитаризмом, насколько вся его стратегия стала отходить от классических формул социальной революции, принимая все более и более военный характер. Мы знаем, к чему это привело в области внутренней и внешней политики, а прежде всего — экономики.

Я думаю, что было бы излишним доказывать также, что именно волонтаризм Ленина и его милитаристическая концепция организации и дисциплины в партии, его обожание диктаторских методов, не могли не породить перманентного и неизлечимого при марксизме-ленинизме «культ личности».

«Культ личности», как явление — детище не Сталина. Это есть логическое следствие волонтаризма Ленина. И пока будет существовать сис-

¹¹⁾ В. И. Ленин, Сочинения, 4-е изд., т. 33, стр. 223.

¹²⁾ Там же, стр. 228.

тема, опирающаяся на доктрину «марксизма-ленинизма», она всегда будет стремиться к созданию «Сталина» — вершины коммунистической пирамиды диктатуры. Я бы вышел за рамки моей темы и удалился бы в чисто политические рассуждения, если бы стал разбирать прямой вывод из этого: неравномерность развития ленинского коммунизма в отдельных странах социалистической системы приводит к созданию в каждой стране своего «культа личности». Отсюда столь упорная борьба московского центра за первенство и не только политическую, но и идеологическую интеграцию «социалистической системы». Двум Сталинам одновременно не бывать!

Результаты такого опошления идеалов классического марксизма не замедлили обнаружиться сразу же после смерти Ленина. Дискуссия и противоречия между его эпигонами, во главе со Сталиным и Троцким, поражают своим низким уровнем, своим примитивизмом. В них совершенно исчезли основные вопросы развития и социального прогресса, уступая место вопросам политики и организации. Даже коренной объект дискуссии между Троцким и «генеральной линией» — вопрос так называемой «перманентной революции» — является по существу вопросом чисто политическим. Если дискуссия дореволюционного периода между Лениным и его оппонентами была дискуссией из-за принципов, то дискуссия между ленинскими эпигонами была дискуссией из-за методов, из-за тактики. Совершенно прав Борис Суварин, указывая на то, что свистопляска всевозможных уклонов, оппозиций и пр., которая развернулась после смерти Ленина, совершенно лишена идеологического и социального содержания и является чисто политической борьбой. И это не могло не отразиться на моральном облике всего партийного и государственного аппарата, который должен был представлять собою пресловутую «диктатуру пролетариата». Принуждаемый к чисто механическому единству и централизму, аппарат этот очень скоро был опустошен в идейном и моральном отношении. Персональные склоки, интриги, зависть и ненависть, неминуемые в атмосфере уже не волюнтаризма, но чистейшего произвола, окончательно лишили партию идейно-морального единства и стали постоянным и неминуемым явлением ленинской формы «диктатуры пролетариата».

6.

В такой атмосфере Сталин продолжал развивать те положения марксизма-ленинизма, которые создавая международная и внутренняя обстановка выдвигала в первую очередь. Вынужденный отказ от победы в мировом масштабе привел к разработке доктрины построения социализма в отдельном государстве, а вслед за этим «сталинской теории государства». Ленин оставил и для одной, и для другой теории достаточно незаконченного, недоговоренного и порою двусмысленного материала. Ленинская теория и практика нэпа («государственного капитализма») были в этом отношении особенно интенсивно использованы.

На XVI съезде партии 1930 года Сталин, признавая, что усиление государства после победы революции, как форма укрепления «диктатуры пролетариата», является в сущности противоречием по отношению к объявляющим до сих пор коммунистов канонам марксизма, наметил основные положения для теории советского государства, как «орудия построе-

ния социализма и коммунизма». Подобно Ленину (на что указал Каутский), соорудившему из одного «словечка» Маркса о «диктатуре пролетариата» целую доктрину «власти партии над пролетариатом», и Сталин из одного «апрельского» тезиса Ленина построил целую схему единого, централизованного (тоталитарного) государства. Схема эта была идеально синхронизирована с ленинской схемой организации партии. «Диктатура пролетариата» расширяла свой аппарат, увеличивала свой вес и усиливала одновременно свое давление на массы, но это не могло не повлечь за собой нового и чрезвычайно важного обстоятельства: создания огромной касты бюрократии, а по существу — нового эксплуататорского класса. Публицисты и фельетонисты имели возможность иронизировать, что получилось совсем уже по Шигалеву: из бессмертных «Бесов»: «Восходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом». Сталинская концепция развития ленинской «диктатуры пролетариата» привела в своей реализации к углублению противоречий между народом и властью в лице уже не только партии, но и всего нового бюрократического класса. Противоречия между народом и партией вылились в противоречия между народом и государством.

Было бы большой ошибкой, если бы мы стали считать сталинскую концепцию государства отступлением от Ленина, извращением ленинизма. Это был лишь дальнейший шаг в отступлении от марксизма, сделанный точно в ленинском духе. Это было последовательное и логическое развитие волюнтаристской теории Ленина «диктатуры пролетариата». И по-своему совершенно правы эпигоны Сталина, утверждающие теперь, что никогда в истории доктрины партии не было никакого «сталинизма» и царствовал непрерывно «марксизм-ленинизм».

Считаю излишним излагать здесь основы сталинской теории государства. Они всем достаточно хорошо известны. Советская информационная и так называемая «научная» литературы на эту тему, количественно, пожалуй, преобладают во всем том, что в СССР издано по вопросам марксизма-ленинизма. Не входит также в мои задачи говорить о практике сталинской концепции государства. На эту тему на Западе существует весьма обильная объективно-критическая литература. Не могу удержаться, чтобы не назвать здесь работу, которую считаю, так сказать, «классическим трудом». Это книга Давида Даллина — «The Real Soviet Russia». Вместе с изумительной по своей добросовестности монографией Бориса Суварина о Сталине, эти две работы дают исчерпывающую картину того, чем в истории народов Советского Союза и всего мира явился так называемый «сталинский период построения социализма в отдельной стране». Сталин — по образному выражению Радека — доказал, что «социализм-то построить можно, но страны уж больно как жалко».

Сталин в своем опыте построения и укрепления «единого, централизованного государства», исправного орудия в руках партии, не добился лучших результатов, нежели Ленин при построении «единой» партии. Механическое сглаживание противоречий, усилия создать бесклассовое общество при одновременном выделении нового класса узурпаторов — Дроздовых, импровизация и произвол в экономике, безудержный моральный и физический террор, удушение духовной и культурной жизни, углубление внут-

ренных национальных противоречий — все это привело к положению, отвечающему формуле Ключевского: «власть крепла — общество хирело». Отношение масс поработанных советских народов к государству в первые годы последней мировой войны были наглядным признаком банкротства марксизма-ленинизма на всей территории Советского Союза.

Сталинская практика показала, что марксизм-ленинизм неуклонно ведет к углублению противоречий между властью и народом.

7.

Война и «период восстановления» скрыли, до известной степени, глубину кризиса, охватившего советское государство. Но Сталин — как свидетельствуют его последние выступления, а, главное, политика последних двух-трех лет его жизни, — полностью сознавал всю катастрофичность положения и, прежде всего, — положения власти и свое личное.

Международная конъюнктура, определенная политикой Запада и расширяющимися его другого рода и характера противоречиями, открывала перед марксизмом-ленинизмом, переродившимся уже в своеобразный империализм, — огромные перспективы. Перед советским государством открылась возможность интервенции во внутренний уклад жизни целого ряда стран, от которых Запад с легким сердцем отвернулся. Эпоха построения социализма в одной стране уходила в прошлое.

Сталин и его помощники были слишком опытными «зодчими социализма», чтобы не понимать, что для них наступает весьма трудный момент — прежде всего в области идеологии. Упрощенный ленинизм, кое-как приспособленный для нужд внутренней и внешней политики СССР, как тоталитарного государства, явно не годится для стран, которым революции вовсе не были нужны, — которые имели свое собственное представление о социализме. Мне кажется, что до сих пор политическое завещание Сталина, известное под названием «Экономические проблемы социализма в СССР», не было достаточно глубоко проанализировано, именно как попытка своеобразного пересмотра «сталинизма» со стороны самого Сталина. В этой работе, как и в своем выступлении на XIX съезде КПСС, он пытался расширить доктринальные рамки им же самим донельзя суженного и упрощенного марксизма-ленинизма. Он выдвинул сразу несколько, если не новых, то, во всяком случае, обновленных положений:

- распад единого мирового рынка;
- основные экономические законы современного капитализма и социализма;
- единство «мировой социалистической системы» и углубление кризиса «мировой капиталистической системы»;
- единство действий коммунистических и рабочих партий.

По пути разрабатывалась (еще до этого) теория «мирного сосуществования двух систем», в которой ссылки на Ленина являются такими же передержками, какими в свое время были некоторые ссылки Ленина на Маркса.

Смерть Сталина чрезвычайно облегчила «осиротевшей партии» продолжение начатого им самим своеобразного ревизионизма. В своем докладе на IV конференции Института, в июле 1954 года, я говорил, что сталинские эпигоны, под прикрытием отказа от сталинского «стиля» руководства, от

сталинских методов, прикрываясь Лениным и даже Марксом, пытаются сохранить нерушимой ту доктрину, которая была выработана эмпирически со времени революции 1917 года и которую им завещал Сталин. Это было за два (почти) года до XX съезда, когда с трудом сформировавшаяся «коллективная диктатура» выступила со своеобразной программой десталинизации. Своеобразность этой программы состояла, прежде всего, в том, что она была (и формально остается до сих пор) засекреченной. То же, что было явным, что было сказано в отчетном докладе Центрального Комитета партии и председателя Совета Министров, в прениях и резолюциях, не указывало на мало-мальски серьезное отступление от доктрины, обзывавшей при жизни Сталина. Мало того: в целом ряде вопросов (притом такого основного характера, как проблема интеграции «социалистической системы», как вопрос разрешения внутренних противоречий) партия совершенно ясно и открыто старалась руководиться предсмертными указаниями Сталина.

Хотя основная директива десталинизации (по разным и понятным причинам, которые мы, однако же, здесь разбирать не будем) и была засекречена, тем не менее десталинизация в форме борьбы с культом личности началась. Теперь мы, с перспективы полуторагодового срока, понимаем, что эта «десталинизация» была вынужденной, что она должна была сыграть роль предохранительного клапана, должна была разрядить атмосферу, но, напомним, что еще не так давно она вызывала надежды на мирную, добровольную демократизацию и либерализацию режима. Мне кажется, что эти надежды теперь мало у кого сохранились.

В доктринальном отношении, как нечто новое, выдвигалась «теория Хрущева о возможностях избежания войны» и «мирных» (вплоть до «парламентских») способов революции. Нет надобности указывать, что обе эти чисто тактические «теории», навеянные «Детской болезнью «левизны» в коммунизме», не являются отступлением от ленинизма, ни тем более «сталинизма», — точно так же, как новая, пресловутая теория «разнообразных путей перехода к социализму». Эта теория — тоже типично тактическая — служит прикрытием для той концепции интеграции «единой социалистической системы», которую Хрущев привел на XX съезде в отчетном докладе ЦК партии.

Теперь эта концепция, достаточно ясно разработанная такими советскими теоретиками, как Югов, Соболев, Степанян, Фарберов и др., сводится к тому, что, независимо от «разнообразных путей в различных странах», общими принципами строительства социализма для всех коммунистов являются:

— в области политической — монопольное руководство коммунистической партии;

— в области экономической — ликвидация частной собственности и установление государственной собственности на основные орудия и средства производства; плановый характер экономики;

— в области идеологической — безраздельное господство марксизма-ленинизма, не подлежащего никакому ревизионизму.

Сталинская интерпретация ленинизма, как видим, остается и в этой области без изменения. Орган ЦК КП Китая «Женьминьжибао», от 29. 12. 1956 г., — в знаменитой статье «Еще раз об историческом опыте диктатуры

пролетариата» — совершенно ясно сформулировал ленинско-сталинско-хрущевскую теорию «разнообразных путей»:

«... путь Октябрьской революции отражает всеобщий закон революции строительства на определенном этапе большого пути развития человеческого общества. Это — не только столбовая дорога пролетариата Советского Союза, но и общая столбовая дорога, по которой должны идти пролетарии всех стран для достижения победы».

Но все-таки десталинизация, хотя и весьма слабо, формально и очень поверхностно проводимая, выявила то, что так старательно сталинский режим скрывал: выявила всю глубину и многогранность существующих в советском обществе противоречий, выявила многообразные тенденции не столько борьбы с «культом личности», сколько не всегда до конца осознанную, редко ясно сформулированную, но совершенно определенную оппозицию против следующих основных устоев марксизма-ленинизма:

- решающее руководство партии во всех областях жизни;
- государственный и партийный бюрократизм;
- партийность в науке, литературе и искусстве;
- демократический централизм и пр., и пр..

Не буду говорить здесь о тех противоречиях, которые раскрылись в связи с десталинизацией в области экономической, социальной и чисто политической.

Десталинизация обнаружила также всю иллюзорность так называемого коллегиального руководства, иначе говоря «коллективной диктатуры». Лишенное морально-идеологического единства, погруженное целиком в вопросы тактики, руководство это разваливается при первом серьезном препятствии. Персональные склоки, свойственные всем ленинцам, стали полностью доминировать в политике партии. Уже устранение Маленкова с поста председателя Совета Министров и обвинение Молотова в недооценке построения социализма в СССР показали в свое время, в какой атмосфере эпигоны Сталина пытаются выйти из кризиса. Последние (пока) перемены в руководстве партии и правительства, и, главное, способ, с каким они были проведены, открыли перед миром самое страшное для каждой диктатуры: ее слабость.

Эта слабость, а с ней — лживость и фальшивость, доведенные до абсурда, показывают лишний раз несостоятельность и нежизненность не способного ни к какой эволюции марксизма-ленинизма. В самом деле, как же пытаются обосновать теоретически свою «новую» политику эпигоны Сталина? Единственный выход, найденный ими — это чисто формальное «отступление» к ленинизму, вернее прикрытие названием «ленинизм» всего, что бы ни писалось, всего, что бы ни делалось. Фальсификация Ленина доходит при этом до фантастических размеров.

Весьма характерно, что из всех работ Ленина самыми популярными, чаще всего цитируемыми являются три: «Что делать?», «Апрельские тезисы» и «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». (Эта последняя — как мы помним — была особенно усердно упоминаема в докладах и прениях XX съезда). В этих трех работах как раз Ленин сделал самые основные отступления от марксизма, и в них ярче всего проявился его волюнтаризм.

Я позволю себе процитировать здесь то, что писала о Ленине, в 87-ю годовщину со дня его рождения, «Правда» от 22 апреля с. г., говоря о «Что делать?»:

«В этой замечательной книге, вернее сказать, брошюре Ленин выступил с блестящей защитой революционного марксизма, вскрыл до корней идейные истоки оппортунизма (по-нынешнему «ревизионизма»), обосновал необходимость создания марксистской партии нового типа и дал гениальную разработку ее идеологических основ. В кратком курсе «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)» правильно сказано, что теоретические положения, развитые в «Что делать?», легли в основу идеологии нашей Коммунистической партии.

Прошло 55 лет со времени появления «Что делать?», а и теперь нельзя стать сознательным, зрелым коммунистом, не изучив этого ленинского теоретического труда. У нашей партии, да и коммунистических партий других стран, нет более надежной идеологической основы, чем «Что делать?», когда дело идет о коренных идеологических вопросах коммунистического движения...»

А вот как охарактеризованы в этой статье «Апрельские тезисы»:

«Эти тезисы были отвергнуты меньшевиками, а Плеханов, полностью сбившийся к этому времени с революционного пути, назвал их просто «бредом».

Эти тезисы не нашли вначале поддержки и у некоторой части большевиков. Однако именно Апрельские тезисы Ленина заложили великую и несокрушимую идейную основу политики нашей партии в новых условиях, в условиях победившей буржуазно-демократической революции, когда для нашей страны открылись широкие пути борьбы за социализм.

Едва ли можно найти лучший пример для того, чтобы показать, что такое ленинизм, чем Апрельские тезисы Ленина, появившиеся на свет ровно 40 лет тому назад. При всей краткости этих тезисов — две странички! — они наполнены исключительно глубоким революционным содержанием. В них, применительно к обстановке, развиты важнейшие принципы ленинизма и вместе с тем указаны ясные пути их осуществления...

Апрельские тезисы Ленина — величайший документ ленинизма. В этих тезисах Ленин встает во весь свой гигантский рост как революционер, пролетарский революционер.

Принципиальная ясность и последовательная революционность этих тезисов, отвечающая интересам рабочего класса и всех трудящихся, и их исключительная выдержанность и гибкость в тактике являются поразительным примером в истории всего международного революционного движения. Непримируемый революционный курс на социалистическую революцию в сложнейших условиях внутренней и международной обстановки в сочетании с поразительной чуткостью к настроениям масс и заботой о том, чтобы терпеливой разъяснительной работой донести до их сознания эти новые задачи, — во всем этом с необыкновенной силой сказывается, кем был Ленин для рабочего класса и трудящихся нашей страны и как велико значение гениальных идей ленинизма для всего коммунистического движения...»

То, что автором этой статьи является Вячеслав Молотов, не имеет существенного значения. Сегодня это придает только некоторую пикантность этому панегирику ленинского «брёда». Если бы статью писал Хрущев, он, пожалуй, написал бы прежде всего похвалу «Детской болезни «левизны» в коммунизме».

Сохранена в целости и неприкосновенности сталинская интерпретация ленинизма. В передовой «Коммуниста», № 5 с. г., читаем:

«... в книге «Об основах ленинизма» правильно, мастерски изложено то новое, что внес Ленин в сокровищницу марксизма и что, обогатив марксизм, обеспечило соответствие его новым условиям классовой борьбы пролетариата».

А вот другой пример: по решению ЦК КПСС, Государственное издательство политической литературы приступает к выпуску «Библиотечки научного социализма», которая будет состоять из 70 выпусков. Как в этой «библиотечке» будет обстоять дело с так называемыми «классиками марксизма-ленинизма»? В ней будет одна работа Маркса и Энгельса («Манифест коммунистической партии»), одна работа Маркса («Критика Готской программы»), четыре работы Ленина (в том числе, разумеется — «Детская болезнь «левизны» в коммунизме») и... три работы Сталина: «Об основах ленинизма», «К вопросам ленинизма» и «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов». Комментарии, как говорится в подобных случаях, — излишни.

А если обратить внимание на рекомендованную Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС тематику лекций, докладов и бесед в связи с сорокалетием Октябрьской революции, то картина будет совершенно ясна: если бы это сорокалетие праздновалось при жизни Сталина, тематика была бы точь-в-точь такая же. Даже пресловутая «борьба с культом личности» забыта. Впрочем, мы знаем, что Сталин был сам, не хуже Хрущева, мастер поговорить о «вреде культа личности» и «прелестях коллективной диктатуры».

А вот еще одна ссылка («Коммунист», № 8, с. г., статья М. Сакова — «Строительство социализма и участие масс в управлении»):

«... марксистско-ленинская теория — это теория сознательного, планомерного строительства социализма миллионами трудящихся под руководством авангарда рабочего класса — коммунистической партии. Другого пути к социализму не существует».

Тут уж не только Сталин, но и все тот же Шигалев из «Бесов» встает во весь рост: «Кроме моего разрешения общественной формулы не может быть никакого».

Итак — назад к Ленину! назад к «Что делать?»! назад к «Апрельским тезисам»! назад к «Детской левизне»! Т. е. иначе — «мы не должны, мы не можем, мы не способны сойти с позиций волюнтаризма, власти и принуждения. Мы не можем позволить ни малейшего ревизионизма, ни малейших поправок в основных положениях марксизма-ленинизма относительно «диктатуры пролетариата», относительно государства, относительно партии!» Вот почему нельзя обсуждать вопросы, «раскрытые в работах Ленина и в решениях

коммунистической партии», вот почему так упорно подчеркивается, что «основой единства взглядов и действий коммунистов является марксизм-ленинизм во всей его совокупности и полноте».

8.

Советская пропаганда за последнее время много говорит о проявлениях ревизионизма марксизма-ленинизма в самом СССР. Конечно, о «ревизионизме», в точном, научном понимании этого слова, говорить не приходится. Ревизионизм возможен только в условиях хотя бы относительной свободы, но атмосфера для ревизионизма уже создавалась. Ревизионизма настоящего, который потряс бы основы марксизма-ленинизма, т. е. все то, что Ленин и его эпигоны протащили в марксизм, в СССР пока еще нет.

Несколько другое положение мы наблюдаем в так называемых странах народной демократии. Большинство исследователей советских и коммунистических проблем видит в тех идеологических и доктринальных разногласиях, которые происходят за «железным занавесом», признаки ревизионизма, причем зачастую трактуют этот ревизионизм как общее для всех этих стран явление. Некоторые наблюдатели готовы даже видеть в Мао Цзе-дуне лидера такого ревизионизма. Я думаю, что все это основано на недоразумении. Ленинизм, будучи упрощенным марксизмом, отказываясь от следования по классическому пути постепенного общественного и экономического развития, становясь на путь насильственного построения социализма и коммунизма, сохранил до сих пор свою привлекательность для коммунистов слабо развитых стран, с преобладающим крестьянским хозяйством. Поэтому совершенно другое есть и будет отношение к марксизму-ленинизму коммунистов таких стран, как Китай, Корея и Вьетнам, а другое — стран центрально-восточной Европы.

В первом случае, национальные коммунисты не заинтересованы в ревизионизме марксизма-ленинизма. Они пытаются лишь найти свой собственный тактический путь применения этого марксизма-ленинизма в своей стране — такой путь, который позволил бы им избежать ошибок и опасностей советского эксперимента. Во втором случае, при попытке стать на свои собственные национальные пути, коммунисты сталкиваются с основными противоречиями ленинской доктрины. Отрицание одних лишь «ошибок» сталинского периода не может разрешить вопроса «построения социализма», и они должны сойти на путь ревизионизма. Такое положение создано уже в Восточной Германии (оппозиция Вольфганга Гариха), в Венгрии и Польше. Уже в сегодняшней своей, зачаточной форме «ревизионизм» этот имеет огромное политическое значение.

Вот почему Москва с таким вниманием следит за малейшим проявлением реформизма в странах-сателлитах и бьет в набат даже при совершенно наивных попытках сформулировать «нечто новое», в то же время довольно безучастно наблюдая за всем тем, что в области доктрины происходит в Китае. Москва имеет пока целый ряд объективных данных, что Мао Цзе-дун не отойдет от марксизма-ленинизма. Мало того: в настоящее время, когда руководство КПСС чувствует свою несостоятельность в идеологически-доктринальном отношении, оно, до известной степени, отдает первенство в этой области в руки Мао Цзе-дуна. Развивая марксизм-ленинизм

сообразно с китайскими условиями, но в духе ленинского волюнтаризма, Мао Цзе-дун укрепляет среди других коммунистических партий веру в марксизм-ленинизм, как в универсальную коммунистическую доктрину.

Анализ всех опубликованных до сих пор работ Мао Цзе-дуна и его выступлений показывает, что пока он является не менее ортодоксальным ленинцем, каким в свое время был Сталин. Это относится также к речи Мао Цзе-дуна — «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа», произнесенной 27 февраля этого года и опубликованной в Пекине 18 июня. Эта речь не является каким бы то ни было отступлением от марксистско-ленинской «теории противоречий». Но, говоря марксистско-ленинским языком, совершенно очевидно, что «неантагонистические противоречия», которые несомненно существуют уже между Москвою и Пекином, могут со временем превратиться в «антагонистические», не столько в доктринальном, сколько в политическом плане. Я думаю, однако, что это есть вопрос не завтрашнего и не послезавтрашнего дня. Такие конфликты требуют времени.

Если я не раз повторял в моем докладе, что здесь, на этой конференции, нет, по-моему, необходимости излагать принципы марксизма-ленинизма, то это не значит, что мы, что все западные исследователи не должны об этих принципах писать, говорить по радио, углубляться в их анализ, и не должны упорно этим анализом бить по основам марксизма-ленинизма, вскрывать его порочность, указывать на его последствия. Ведь настоящая борьба со всей антигуманностью и реакционностью марксизма-ленинизма ведется не здесь, а там — за «железным занавесом», а мы, сыновья порабощенных марксизмом-ленинизмом народов, лучше других знаем, как порою безоружны и беспомощны наши братья в этой борьбе, до какой степени они лишены тех элементов знания, той документации, того знания прошлого и эволюции марксизма, которые — в наших руках, в руках свободного мира. Только путем дальнейшей разработки ленинской «теоретической надстройки» мы можем помочь нашим народам, прежде всего нашей молодежи, увидеть всю правду, вернее — всю ложь марксизма-ленинизма. Только таким образом мы можем помочь пока слабым и часто наивным попыткам ревизионизма за «железным занавесом», не позволяя этому ревизионизму остановиться на нелепости пересмотра «т о л ь к о с т а л и н и з м а», на смехотворной «борьбе с культом личности».

Из многочисленных бесед с молодежью некоторых порабощенных стран я имею право вывести заключение, что они больше всего нуждаются именно в такой помощи. Они все убеждены, что марксизм-ленинизм является величайшей фальсификацией, но в чем суть этой фальсификации, они сами разобраться не могут. Интерес к «настоящей доктрине» революции, социализма и свободы — огромен. Мы не должны забывать, что в основе событий в Венгрии и Польше лежит именно стремление вернуться к доктрине и практике настоящего демократического социализма. Ведь советский строй, режим «национальных демократий» порождает самое большое сопротивление именно в области духовной и социальной, а не политической, национальной. И мне приятно, что я могу здесь сослаться на работы моего ученого соотечественника, проф. Суkenницкого, знакомого вам по докладу на конференции Института в 1955 г. Его две, прекрасные по научному анализу марксизма-ленинизма, статьи, напечатанные в одном из польских

зарубежных журналов¹³⁾, привлекли к себе внимание интеллигенции в Польше, где (как писал известнейший своим бунтарством еженедельник «По просту») «нет пока объективных условий показать всю историческую правду о Ленине»¹⁴⁾.

Тему моего доклада можно было, конечно, разобрать иначе. Можно было этот доклад наполнить цитатами и ссылками. Можно было заняться перечислением массы интереснейших работ как советских, так и западных, характеризующих отдельные этапы развития марксизма-ленинизма. Я отбросил этот метод. Думаю, что для настоящей аудитории он был не нужен. Задачей моей было показать, что в течение сорока лет марксизм-ленинизм, как доктрина, не сошел с места. Претендуя на то, что он «не является догмой, но руководством к действию», он «во всей своей совокупности», во всех «не подлежащих дискуссии решениях» опирается, в сущности, как и во времена Ленина, на трех китов: «Что делать?», «Апрельские тезисы» и «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Иначе говоря: единый централизованный (тоталитарный) аппарат диктатуры пролетариата, революция сверху путем принуждения и эластичная тактика по формуле «все позволено».

Какой бы то ни было ревизионизм мертвой доктрины, а также какая бы то ни была ее эволюция совершенно невозможны, как невозможны ревизионизм и эволюция всякой доктрины, основанной на принципе власти и насилии. Надо или оставить все, или отбросить всю ту теоретическую и противоречивую духу марксизма надстройку, которую соорудил Ленин и его эпигоны. Высшим проявлением «эволюции» марксизма-ленинизма могут быть только такие его приспособления к конкретным условиям, какие проделал Сталин в СССР и какие проводит Мао Цзе-дун в Китае. Но, какая бы ни была практическая форма марксизма-ленинизма в действительности, он не способен создать того «нового общества», лишенного «всяких противоречий», о котором писал Бухарин, он не в состоянии упразднить тоталитарного государства, а тем самым насилия и произвола.

Ленинизм, уйдя совсем от темы социализма и коммунизма, в общечеловеческом понимании (мы все помним знаменитые ленинские, вульгарные определения социализма и коммунизма), стал своеобразной теорией перманентной экспансии, опирающейся на непрерывно усиливающеюся, все более централизованное государство. В своей практике империализм этот использовал приемы и методы всех исторических империализмов, в том числе и русского.

Революционное, анархическое и по существу глубоко антигуманное и аморальное нетерпение Ленина и всех его учеников и последователей заставляет их подменять факты фикциями, а правду мифами. Эмпирическая доктрина марксизма-ленинизма, основанная на волюнтаризме, не подлежит никакой эволюции,

---

¹³⁾ W. Sukiennicki, Komunizm sowiecki, „Kultura“, Nr. 4/114, 1957; „O Leninie“, „Kultura“, Nr. 7—8/117—118, 1957.

¹⁴⁾ „Po prostu“, № 13, 1. 4. 1957 г.

никакому ревизионизму. Она приводит к постоянно углубляющемуся кризису, ко все усиливающимся противоречиям во всех областях жизни. Пока эта доктрина властвует безраздельно, ни о каком реформизме речи быть не может. Противоречия эти могут быть устранены только одним путем: ценою отказа от этой порочной и реакционной доктрины.

Марксизм-ленинизм в СССР зашел в тупик. Во многих политически ему подчиненных странах Центральной Европы он встречает упорное сопротивление. Он старается возродить свои силы, опираясь на «успехи» марксизма-ленинизма в экономически отсталых странах Азии. Старается сохранить свой престиж, играя на революционном нетерпении и сознательном или подсознательном волонтаризме западных коммунистов, которые, понимая прекрасно, что в экономически развитых странах наступил окончательный «отлив коммунизма», что чистая марксистская теория эволюции не может в ближайшее время обеспечить им победу, — с тем большим рвением стараются, при помощи ленинизма, захватить политическую власть или хотя бы усилить свое влияние.

Но все потуги оживления мертвой доктрины не могут скрыть того глубокого и безысходного кризиса, в который скатилась идея величайшего демагога в истории мира. А мы знаем, что кризис добившейся монополии теории влечет за собою кризис практики.

Я не хотел бы, чтобы мои уважаемые слушатели пришли после моего доклада к выводу, что кризис идеологии в СССР и в коммунистическом мире является залогом их скорой общей катастрофы. Такой вывод был бы слишком поспешным. Идеология и доктрина всяких политических организаций, тем более империй, которые всю свою политику и тактику оправдывают этой идеологией, играют, конечно, огромную роль. Но сила, инерция и сопротивление других факторов — экономических, социальных, моральных и чисто политических — имеют тоже большое значение. Не меньшее значение имеет также факт, в каком идеологическом и моральном окружении развивается или отмирает данная идеология. В своем докладе я вскользь упомянул о том, что ленинский волонтаризм и перспективы сокращения, при помощи силы и принуждения, сроков человеческого прогресса и развития, имеют в наш, не Бог уж весть как богатый идеализмом и моралью век, свое обаяние. Сознания банкротства марксизма-ленинизма в странах «мировой социалистической системы» гораздо больше, нежели здесь, в свободном мире.

Я хочу остановиться на теперешних изменениях в идеологии большевизма. Считаю, что наиболее выдающимся событием в этой области является идеологическая дискуссия между коммунистическими партиями, возникшая после рабочей революции в Будапеште в октябре 1956 г. и начавшаяся с выступления Тито в Пуле 11 ноября 1956 г. В узком смысле эта дискуссия велась между КПСС и СКЮ, но фактически в ней принимали участие коммунисты китайские, польские, французские и другие. Не все материалы дискуссии попадали на страницы московской печати, следовательно не все они непосредственно влияли на идеологические процессы в КПСС, но основной смысл дискуссии был понятен каждому советскому читателю. А смысл этот таков: сталинизм идейно обанкротился. Об этом говорят югославы, китайцы, поляки. Представители сталинизма в СССР и во Франции не выдвинули в его защиту ни одного обоснованного аргумента. И хотя в СССР никто не высказался в этом смысле откровенно, все же есть основание полагать, что к такому выводу пришло абсолютное большинство не только членов КПСС, но и ее аппарата. По моему убеждению, без такого вывода победа Хрущева над оппозиционной группой Молотова ему так легко не далась бы.

Идеологическую дискуссию между коммунистическими партиями можно рассматривать с двух аспектов: политического и философского. С политической точки зрения противники сталинизма отрицали его теоретическое положение об обострении классово-борьбы в период «диктатуры пролетариата», в период «перехода от социализма к коммунизму». Это особенно ярко сформулировано китайскими коммунистами. Уже в редакционной статье газеты «Женьминьжибао», напечатанной также в «Правде» от 30. 12. 1956 г., под заголовком «Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата», сказано, что даже и после ликвидации классов в СССР Сталин неправильно продолжал «настаивать на обострении классово-борьбы и тем препятствовал здоровому развитию социалистической демократии». Но это осуждение «Женьминьжибао» выглядело еще так, как будто бы речь шла только об СССР. Однако в феврале по этому вопросу с пространной речью — «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» — выступил лично Мао Цзе-дун. В этой речи тезис о затухании классово-борьбы в период «диктатуры пролетариата» касается уже не только «социалистического» СССР, но и страны мелких собственников и даже капиталистов — Китая. И вот для этой страны Мао выдвигает теорию — гражданского мира вместо классово-войны. Он говорит о двух типах противоречий в Китае: «противоречия между нами и нашими врагами и противоречия внутри народа» («Правда» от 19. 6. 1957). Под народом Мао понимает не только рабочих, крестьян и интеллигенцию, как это принято понимать в СССР, но и китайскую национальную буржуазию, и по его мнению классово-борьба между рабочим классом и национальной буржуазией относится к классово-борьбе внутри народа. То-есть, не «ликвидация буржуазии как класса» по советскому образцу, а применение «в отношении национальной буржуазии политики сплочения, критики и воспитания». Это приблизительно то же, что в СССР применялось в 30-х годах по отношению к среднему крестьянству.

Не трудно видеть, что Мао Цзе-дун не только повторяет здесь, но и расширяет положения Бухарина, высказанные им в 1925 году, — о «врастании кулака в социализм», о гражданском мире вместо классовой войны, словом обо всем том, за что Бухарина так жестоко критиковали.

Перейду к дальнейшим высказываниям Мао Цзе-дуна. Впервые в истории коммунизма он относит национальные уклоны — великодержавный и местный — тоже к противоречиям «внутри народа», то-есть, рассматривает их не как «буржуазный национализм», подлежащий немедленному искоренению, а как внутренние недостатки в народе, требующие воспитательного воздействия.

Наконец, тезис Мао — «пусть расцветает сто цветов, пусть соперничают сто школ» — является также ударом по сталинской интерпретации тезиса о «партийности науки». Мао не отрицает классовости идеологии, но и не требует запрещения некоммунистических взглядов. Он говорит: «Можно не разрешать высказывать ошибочные мнения, но они все равно будут существовать. А правильные мнения, если они выращены в теплице, если не сталкивались с ветром и дождем, если они не приобрели иммунитета, — не смогут одержать победы, когда встретятся с ошибочными мнениями».

Подчеркиваю, что все эти высказывания Мао читают в «Правде» миллионы советских читателей.

Необходимо отметить, что терпимость к чужим взглядам вытекает у Мао не из гуманного чувства толерантности, а из рационалистических мотивов, из сознания гибельности для самого коммунизма его идейной монополии. Здесь сталинизм припечатан самим опытом СССР. И если мы слышим теперь о новых, якобы, арестах в Китае инакомыслящих «правых уклонистов», то это означает только, насколько трудно китайским коммунистам осуществлять намеченную Мао Цзе-дуном программу, которая остается, тем не менее, для китайских коммунистов программой.

Но нас здесь интересуют идеологические изменения в большевизме. Если же я остановился на идеологии китайских коммунистов, то только под углом зрения влияния ее на КПСС. А влияние это должно быть огромным. Не только потому, что для советских коммунистов рассуждения Мао кажутся искренними, свежими и убедительными по сравнению с пропагандистской литературой сталинских начетчиков и не только потому, что китайские статьи печатаются без каких-либо примечаний редакции «Правды», то-есть фактически с ее апробацией, но и потому, главное, что затронутые в китайских статьях вопросы являются для советского читателя чрезвычайно актуальными и волнующими. Если в отсталом Китае возможно сотрудничество коммунистов с национальной буржуазией, то почему в СССР — спрашивает, вероятно, советский читатель, — в СССР, где нет не только капиталистов, но даже и мелких собственников, почему здесь постоянно трубят о «врагах народа», о бдительности, о борьбе с «пережитками капитализма» и т. д.? Если в Китае, где опасность реставрации капитализма больше, чем в СССР, национальный уклон не является «буржуазным», то-есть не подлежит беспощадному искоренению, то почему у нас — может спросить национальный «уклонист» в СССР нерусской национальности, — почему у нас существует беспощадная и, главное, только односторонняя борьба, и даже не с самим национализмом, а только с национальной самообороной малых народов, направленной против агрессии

культивируемого КПСС великодержавного русского национализма? Если в отсталом Китае возможно процветание «ста цветов» и «ста школ», то почему в СССР, который уже «переходит от социализма к коммунизму», безраздельно господствует мертвая бюрократическая догма — или в форме «партийности науки», или в виде «соцреализма в искусстве» и т. д.?

Эту идеологическую переоценку ценностей под влиянием выступлений Мао Цзе-дуна советские коммунисты должны, неизбежно, сделать не только в отношении настоящего, но и прошлого. Они неизбежно спросят друг друга: если отсталый Китай может идти к социализму под девизом «единство народа», то почему у нас этот путь был таким кровавым, почему у нас разжигалась вражда в народе, и не только по отношению к «капиталистам» и «кулакам», но даже и по отношению к «подкулачникам», к выдуманным «врагам народа» и т. д.?

Печатаемые в «Правде» статьи Мао дают богатый материал для ревизии основ сталинизма самыми широкими массами членов КПСС.

Таков политический аспект идеологических выступлений Мао Цзе-дуна. Надо сказать, что в таком же направлении воздействуют на советских читателей и печатаемые в «Правде» пространные выступления Гомулки, — например, большая его речь на IX пленуме ЦК ПОРП, напечатанная в «Правде» от 19 мая 1957 г., в которой он говорил о «полной свободе слова в партии», о скромной жизни коммунистов, о чистке партии от «формальных коммунистов», то-есть приспособленцев и карьеристов (каковыми, несомненно, изобилует партийный аппарат КПСС) и т. д. В таком же направлении воздействует на советских коммунистов и дискуссия с титоистами, — пусть даже напечатанная в «Правде» с сокращениями и извращениями, и т. д.

Не меньший интерес представляет собой дискуссия между коммунистическими партиями и ее воздействие на КПСС с аспекта философского. Остановлюсь на одном эпизоде в дискуссии между югославами и советскими коммунистами. В «Правде» от 18 декабря 1956 года была напечатана большая статья Ю. Павлова «Кому это надо?» — «по поводу выступления Э. Карделя на сессии Союзной народной скупщины Югославии». Критикуя Карделя, Ю. Павлов между прочим говорит: «Он, например, крайне неодобрительно относится к якобинской диктатуре во время Французской буржуазной революции XVIII века. Он прославляет «освобождение» от этой якобинской диктатуры. Но ведь всем известно, что при якобинской диктатуре не было «сталинизма», как не было и «бюрократического деспотизма» (термин, взятый из речи Карделя) и т. д. Пример, использованный им, понадобился Карделю исключительно для того, чтобы бросить тень на революционную диктатуру вообще, в том числе и на пролетарскую диктатуру».

Минуя наивное утверждение Ю. Павлова о том, что при якобинской диктатуре не было ни сталинизма, ни бюрократического деспотизма (именно были и были в том смысле, в каком об этом говорит Кардель, то-есть был незаконный террор и «система ужаса», осуществлявшиеся именно бюрократическими исполнителями, которые позже стали такими же рьяными термидорианцами, какими завтра могут стать воспитанники Сталина — хрущевцы), минуя этот момент, отмечу, что не случайно Кардель выступил против якобинского террора и не случайно Ю. Павлов выступил в защиту якобинского сталинизма. Идеологическое размежевание коммунистов на сторонников якобинского террора и его противников — есть размеже-

вание исторически разных течений, хоть и носящих пока одно имя — коммунистов. Большевики и, в частности, Ленин всегда оправдывали якобинский террор. Ленин называл большевиков «якобинцами XX века». Впрочем, Ленин оправдывал только террор раннего якобинства, террор против остатков «старого феодального строя», а не против сил революции. Сталин был гением террора вообще. Так, в беседе с киноартистом Черкасовым, готовившимся играть роль царя Ивана Грозного в одноименном фильме, Сталин указал на ошибку Грозного, который «не сумел ликвидировать пять оставшихся крупных боярских семейств, не довел до конца борьбы с феодалами, — если бы он это сделал, то на Руси не было бы смутного времени» (орган ЦК КПСС — «Коммунист», № 4, март 1957).

Но вот Сталин ликвидировал все «боярские семейства», а «смутное время» все-таки стучится в ворота СССР, и не только коммунизма, но даже и социализма нет. И тут приходит переоценка значения террора, — реакция на террор, причем, очевидно, и реакция на философию террора, совершенно аналогичная с романтической реакцией на якобинство вообще и на его рационалистическую философию в частности. Рационализм якобинства оказался ошибочным в том отношении, что он хотел одним ударом, одной только «ликвидацией боярских семейств» создать новое общество «свободы, равенства и братства». Между тем, он не только не создал такого общества, но своим кровавым фанатизмом затормозил на некоторое время борьбу за такое общество. Рационалистический прагматизм современного большевизма (югославы прямо упрекают идеологов КПСС в прагматизме) оказался точно так же несостоятельным, как и якобинство. Он тоже ошибся, допуская возможность одним ударом, одной только ликвидацией «боярских родов» предотвратить «смутное время» на Руси, создать идеальное человеческое общество.

И вот теперь начинается новая романтическая реакция на этот примитивный рационализм. Смысл этой неизменной романтической реакции на рационализм давно воплощен в образе вечно борющегося и вечно страждущего за свои дерзания Прометея. Оставь надежду все постигнуть и всем овладеть, — говорят дерзающим рационалистам разочарованные романтики. Напрасны были ваши кровавые жертвы. Истина и смысл жизни — в человеке, — ему должны служить и борьба, и государство, и социализм, а не он им. Нельзя все постигнуть одной железной логикой, — иногда чувство подсказывает человеку больше, чем логика, — говорят герои романа Дудинцева «Не хлебом единым». Да и само название этого романа — разве оно не вызов холодному сталинскому рационализму?

Но наиболее мощной реакцией на прагматическую философию сталинских террористов является прежде всего могучее возрождение в СССР религии, — отталкивание советского человека, даже с крайностями, от рационализма — в область чувств. Движение это захватывает и коммунистов, как мы это видим и из статей Мао Цзе-дуна, и из выступлений Гомулки, и, особенно, из выступлений югославских коммунистов, внося в их учение гуманизм и отрицание советского прагматизма. Если смотреть на статьи Мао Цзе-дуна с философской точки зрения, они — возврат к гуманизму. То же самое и у Гомулки, и у Карделя. Получается впечатление, что романтическую реакцию на сталинский прагматизм они хотят замкнуть в рамки коммунизма, не допустить в эту реакцию элементов реставрации.

Известно, что европейское понятие нации родилось из романтической философии. Это ведь романтизм открыл нацию, противопоставив ее абстрактному космополитизму якобинства.

Точно так и теперь, с кризисом сталинизма, идея нации все более и более вкореняется в сознание человека за «железным занавесом», вкореняется и противопоставляет фальшивому сталинскому тезису «дружбы народов» и выхолощенному от истинного равенства наций интернационализму, прикрывающему в действительности великодержавный империализм. Этот романтический порыв к свободе наций сказался и в выступлении Тито в Пуле: «Вот посмотрите, — говорил Тито, о будапештском рабочем восстании в октябре 1956 г., — как народ с голыми руками, плохо вооруженный, оказывает сильнейшее сопротивление, если перед ним цель — освободиться и быть независимым». Орган сталинских якобинцев, газета «Правда» с особенной злобой напала за это на Тито, извратив при этом его мысли («Правда», 23. XI. 56 г.).

Идеологические изменения в коммунизме свидетельствуют о том, что он все более становится расплывчатым понятием, вмещающем в себе противоречивые идеологические тенденции.

В дискуссии по докладу д-ра Р. Брага приняли, кроме того, участие следующие лица: проф. В. Сукеницкий, проф. д-р Болько фон Рихтгофен (Германия), Д. А. Сагирашвили, Н. Я. Галай, проф. Е. А. Гловинский, д-р философии В. Н. Пирожкова, проф. Ахмед-Наби Магома (Германия), проф. П. В. Феденко (Англия), проф. С. И. Гольдельман (Израиль).

Председательствует проф. **Б. Н. Мартос**.

Проф. д-р **Рейнгардт Маурах**: доклад —

СОРОКАЛЕТНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВ НАРОДНОСТЕЙ СССР

(Перевод с немецкого).

Одним из первых основных законодательных актов советского правительства была «Декларация прав народов России» — от 2 ноября 1917 г. Этой декларацией, как говорится, настезь открылись ворота «тюрьмы народов — России». Ею было почти двумстам народностям и национальным группам государства обещано:

1. равноправие и суверенитет;
2. право на самоопределение вплоть до полного отделения и образования самостоятельных государств;
3. уничтожение всех и всяких привилегий или ограничений на национальной или национально-религиозной почве;
4. свободное развитие национальных меньшинств и народных групп, живущих на Российской государственной территории.

Эта декларация и ныне еще считается неофициальной составной частью советской конституции. Почти 40 лет прошло со времени ее опубликования — исторического факта достаточной важности, чтобы поднять вопрос о его последствиях. 40 лет являются весьма долгим периодом не только в жизни отдельных личностей, но также и для развития культуры, цивилизации и условий жизни целых народов.

Это исследование в юридическом аспекте и будет темой моего доклада. Но, прежде чем проанализировать теорию и действительность, догмат и государственную практику, мы должны предложить себе предварительный вопрос о самом существовании права, о систематическом внедрении правовых норм, которыми регламентируется судьба народов СССР:

а) являются ли они нормами федеративного права, как это имеет место в структуре такого многонационального государства, как Швейцария?

б) является ли это право «национальным правом», как оно, например, развилось в бывшей Австро-Венгерской монархии, задачей которой была регламентация мирного сосуществования народностей, объединенных под сверхнациональной, так сказать, короной?

в) является ли оно, наконец, «правом меньшинства» в наиболее узком и немного презрительном смысле этого слова: т. е. правовым порядком, который способен гарантировать национальным группам, не принадлежащим к государственному народу в собственном смысле и не являющимися носителями государственности, причитающуюся им меру национальной самобытности?

Различие между этими тремя мыслимыми системами докажет нам расхождение между теорией и государственной практикой СССР.

Так как советская система в теории считает себя носителем федеративного права, она претендует и на то, чтобы гарантировать роль носителей государственности также и своим равноправным народам, и обязуется, якобы, обеспечить сосуществование равноправных народностей.

Иной же является государственная практика, уходящая корнями в сталинский период и тридцатые годы. Здесь центр тяжести явно переместился от федеративного права в область права национальных меньшинств. Русский народ (великороссы) все ярче обрисовывается в роли доминирующего носителя государственности. В той же мере удельный вес других народов падает до уровня национальных меньшинств. Таким образом произошло весьма значительное перемещение проблемы как таковой: дело теперь идет не об уравнении в правах и равновесии народов между собой (конкретно, например, о сосуществовании грузин и армян), а об отношении нерусских народов, в их совокупности, к совокупности русского народа, как носителя государственности. Эта проблема наиболее актуальна и в том случае, когда конституция об этом молчит. Тем яснее язык фактической государственной практики.

Прежде чем коснуться этой основной проблемы нашего реферата, мы должны будем остановиться на следующих предпосылках: советская теория национального вопроса (см. ниже — I); историческое развитие в самых общих чертах (см. ниже — II); формально-юридическая конструкция (см. ниже — III).

I. Советская теория национального вопроса

Разрешение невероятно сложного национального вопроса, как он был унаследован от царского режима, не было для большевиков ни задачей первой важности, ни действительной проблемой. Как будет видно ниже, национальный вопрос для большевиков был и есть, по сравнению с разрешением экономических и социальных проблем, второстепенной задачей. В случае конфликта между обеими проблемами, разрешение национальной проблемы должно быть отодвинуто на второе место.

1. Известная работа Сталина 1913 года «Марксизм и национальный вопрос», которая поныне еще считается программной и которая требовала разрешения проблемы путем отказа от «национальной» или «персональной» автономии по австро-марксистскому образцу и по принципу территориальной автономии, создалась под влиянием Ленина и тогдашних обстоятельств.

Этот отказ основан на том, что именно нерусские народности самым энергичным образом отвергли большевизм. Цель отказа заключалась, главным образом, в том, чтобы обезвредить меньшевиков, дискредитировать еврейский «Бунд» и привлечь новых преверженцев большевизма из числа представителей нерусских народностей.

2. Другая картина получается, если принять во внимание так называемое «частное» мнение классиков ленинизма:

а) таким является, например, известное письмо Ленина Шаумяну (1913) по поводу национального вопроса. Здесь мы читаем:

«Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства... В общем, мы против отделения. Но мы стоим за право на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда больше связи получается после свободного отделения!!».

(Собрание сочинений, т. XVII, стр. 90).

б) Точка зрения первого будущего комиссара по национальным вопросам, Сталина, также меняется. Во времена керенщины из тактических соображений он требовал права на отделение нерусских народов. В то же время он многократно выражал мнение, что экономические причины и, в особенности, внедрение социалистической экономической системы требуют «социалистического унитарного государства» и приведут к нему (Собр. соч., Берлин, 1952, т. 4, стр. 64). В отделении, даже в самостоятельности национальных групп он видит только переходное явление.

3. Советская государственная система в первых ее проявлениях воспользовалась этой противоречивостью.

В самом деле — между принципиальной декларацией от 2 ноября 1917 года «О правах народов России» и прокламацией от того же дня «О правах рабочего и эксплуатируемого народа» нельзя установить органической связи.

С одной стороны, мы видим программу социализации, значительных экономических усилий — ступеней к новому порядку, к планированию, которые не должны останавливаться перед национальными границами, национальными стремлениями и обидами, так как это социалистическое государство должно было заключать в себе зародыши мировой советской республики (возникновение которой в тот момент, т. е. в 1918 г., с присущим тому времени оптимизмом, считали недалеким).

С другой стороны, вслед за событиями, сопутствовавшими развалу старой империи, мы видим великодушное признание всякой самостоятельности в рамках по природе гибкого государственного организма.

Кроется ли в этом несовместимое противоречие? Да, — если понимать декларацию буквально. Нет, — если внимательно исследовать ее материальную сущность. Если поступить таким образом, то обнаружится, что приоритет экономической программы, по сравнению с национальной, по принципу ленинизма, явствует совершенно открыто: эта проблема может быть разрешена за счет и на спинах народов, так как:

1. полное отделение нации и национальных групп от государственного организма является просто невысказанным;

2. уважение к самостоятельности культуры отдельных народов в рамках государственного организма допустимо:

- а) поскольку тотальное экономическое преобразование страны не подвергается опасности;
- б) поскольку эта система не препятствует уничтожению классовой системы;
- в) поскольку она (ислам и католицизм!) не противоречит тоталитарным тенденциям советского мировоззрения;
- г) поскольку она не является препятствием для воспитания нового социалистического поколения, созданию нового «советского человека».

3. Из этого чрезмерного ограничения самостоятельной жизни национальных групп совершенно логически следует действительность официального лозунга, регламентирующего право национальностей: им следует быть «национальными по форме, социалистическими по содержанию».

II. Историческое развитие с 1917 по 1957 г.

А. Интерпретация декларации от 2 ноября 1917 года на практике.

Центр тяжести этой «Magna Charta нерусских народов» заключается в обеспечении этим народам права «на свободное самоопределение, включая даже их полное отделение, и образование самостоятельных государств».

Из вышесказанного следует, что этот пункт декларации не должен был быть понят буквально и принят всерьез.

Только в тех случаях, когда советское правительство не было в силах придать обратную силу фактически происшедшему отделению, эта декларация имела практические последствия. Так это было в Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве, которым удалось отделиться при помощи чужого оружия. Мирные договоры с этими государствами ссылаются на декларацию 1917 года. Но не следует забывать, что советское правительство, прежде чем дать этим народам «свободу» в порядке принуждения, сделало все, чтобы подчинить себе эти «отступнические» народы.

Каким образом понимать право на свободное отделение? Каким образом, например, оно было истолковано в особо характерных случаях Украины и Кавказских республик?

Этот принцип был действителен и действителен поныне в качестве *reservatio mentalis* (к статье 17 нынешней Конституции СССР) следующего содержания: «сперва провести советизацию, а затем только разрешить проблему отделения и самостоятельности». На основе такой интерпретации декларации, советское правительство присвоило себе право «нового собирания» распавшейся государственной территории.

Отделившиеся нации (практически это были все народы, начиная с украинцев до жителей Закавказья и Средней Азии) все без исключения управлялись антибольшевистскими, преимущественно меньшевистскими правительствами, так как отвращение их к советской системе было по меньшей мере так же сильно, как сильна ненависть их к царскому режиму. Это давало советскому правительству необходимый повод не признавать декларацию «в этих случаях»: такого рода отделение было бы актом контрреволюции, грозящим единству пролетариата. Раз это было так, то у московской центральной власти не было повода признавать отделения. У нее были развязаны руки, чтобы бороться с «буржуазным» отделением и шаг за шагом возвращать утерянное.

После происшедшей советизации — в этом правительство не сомневалось — ни один из советизированных советских народов не потребовал бы отделения.

Б. От раздробленности, через союз государств, к союзному государству.

Сколько-нибудь детальное описание этого процесса требовало бы целого историографического труда. По этой причине мы должны быть кратки и пользоваться лишь самыми характерными моментами.

1. Распад государства при сохранении партийного единства.

Коммунистическая партия и правительство советской России (вернее, великорусского ядра, РСФСР, согласно конституции от 10 января 1918 года) никогда не давали повода сомневаться, что распад старой империи означал лишь переходное явление. Благодаря этому един-

ство партии оставалось в полной мере неприкосновенным. Резолюция VIII партийного съезда 1919 года гласит:

«В настоящее время Украина, Латвия, Литва и Белоруссия существуют, как особые Советские республики. Так разрешен в данный момент вопрос о формах государственного существования.

Но это отнюдь не значит, что РКП должна, в свою очередь, организоваться на основе федерации самостоятельных коммунистических партий... необходимо существование единой централизованной Коммунистической партии с единым ЦК, руководящим всей работой партии во всех частях РСФСР. Все решения РКП и ее руководящих учреждений безусловно обязательны для всех частей партии, независимо от национального их состава. Центральные Комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчинены ЦК РКП».

Итак, несмотря на внешние разрознения, внутренняя организация партии, «правящее ядро» оставалось неприкосновенным, чем были даны предпосылки для децентрализации.

2. Распад империи, как известно, происходил таким образом, что большинство народов образовывало не советские, а антисоветские республики, управляемые меньшевиками или буржуазными партиями. Для успешного «собрания утерянных территорий» нужно было прибегнуть к методу, который в каждом отдельном случае должен был оставаться типичным и одинаковым:

а) коммунистическая партийная организация соответствующей республики, находившаяся в Москве и пользовавшаяся, как было сказано, правами «областного комитета», образовывала, так сказать, «экзильное правительство»;

б) в соответствующих антисоветских республиках провоцировались местные восстания;

в) в таких случаях коммунистическое экзильное правительство обращалось за помощью к РСФСР и просило ввести на территорию соответствующей республики войска «для прекращения кровопролития»;

г) так это и бывало. Национальные антисоветские правительства свергались вторгнувшимися войсками РСФСР, и советское экзильное правительство восстанавливалось в своих «правах».

Известно — хотя здесь не следует этого повторять, — что эта тактика применялась почти во всех случаях (на Кавказе, в Средней Азии и т. д.).

В результате, увеличивалось число «самостоятельных» советских республик на территории бывшей Российской империи, т. е. получалось множество государств без нарушения при этом единства партии.

3) Последующим шагом по пути к единству был период так называемых военных союзов Великорусской советской республики с советизированными республиками.

Декретом ВЦИКа от 1 июня 1919 года было указано, что по «просьбе» отдельных советских республик РСФСР должна завязать с ними тесную военную связь. Такие договоры были заключены со всеми советскими республиками. Путем этих конвенций должны были быть «объединены» военное командование, военные организации, Советы народного хозяйства, железнодорожные управления, финансы и рабочая сила.

Формально союзные республики оставались самостоятельными в области внешней политики. Это сказывалось в том, что Украина, например, и Белоруссия на мирных переговорах были представлены собственными делегациями. В фактическую же ведущую роль РСФСР это никаких ограничений не вносило.

В период этих «военных союзов» (1919 по 1923 гг.) создавшееся правовое положение республик формально выглядело, как союз государств. При более тщательном изучении вопроса, мы видим, однако, что этот конгломерат государств достиг уже в свое время стадии союзного государства.

4. Образование СССР

Характерно, что формальная инициатива к образованию союзных государств исходила не от РСФСР, а от союзных республик, в то время как РСФСР из психологических соображений оставалась в тени и заставляла этим другие республики «упрашивать себя».

На собственном процессе образования мне останавливаться не приходится. Укажу лишь на одну менее известную подробность — решающим вопросом являлось следующее: должно ли было образовываться новое государство путем присоединения к РСФСР других республик (так, чтобы правящая роль великорусской республики была очевидна извне) или должно было прибегнуть к форме объединения (таким образом, чтобы РСФСР являлась одной из объединившихся «равноправных» республик)? Сталин, в качестве комиссара по делам народностей, высказался в пользу первой концепции, но одержала верх ленинская «нейтральная» концепция объединения — сознательное образование сверхнационального «Союза» со следующими практическими последствиями:

а) с неограниченной возможностью присоединения вновь возникавших советских республик (к ним относилась система создания так называемых «кровавых границ» для поддержки возможных ирредентистских движений в Финляндии (Карельская АССР), в Персии (Таджикистан) и в Румынии (Молдавская АССР);

б) с формальным уменьшением великодержавных претензий РСФСР в многонациональном новом государстве.

Касаясь проблемы государственно-правового и территориального развития СССР с 1923 по 1957 годы, — можно установить следующий ход событий:

а) государственными основателями, заключившими договор от 30 декабря 1922 года, были четыре советские республики: РСФСР, УССР, БССР и Закавказская Федерация;

б) в чреватом последствиями процессе «национального разграничения народов Средней Азии в СССР» были включены в состав СССР республики Узбекистан и Туркменистан, в качестве пятой и шестой союзных республик. Произошло это в 1924 году;

в) в 1929 году часть государственной территории Узбекистана была объявлена Таджикистаном — в качестве седьмой союзной республики;

г) значительные перемены произошли после изменения конституции 1936 года:

аа) после ликвидации Закавказской Федерации, Грузия, Армения и Азербайджан вошли непосредственно в состав СССР;

бб) бывшая до сих пор в составе РСФСР Киргизская АССР, а также Казахстан возведены в сан союзных республик;

Таким образом, после новой конституции 1936 года СССР объединял одиннадцать союзных республик;

д) в 1940 году три насильно советизированные Балтийские республики — Эстония, Латвия и Литва — принуждены были просить принять их в число союзных республик;

е) в том же году, путем объединения Карельской АССР с отторженными от Финляндии областями, была образована Карело-Финская союзная республика;

ж) в том же году, путем выделения Молдавской АССР из состава Украины и присоединения ее к отторженной от Румынии Бессарабии, была учреждена Молдавская союзная республика.

Таким образом было достигнуто максимальное количество союзных республик. Их теперь — 16;

з) вторая мировая война не внесла существенных изменений. Покоренные народы средней и восточной Европы остаются «вполне суверенными». Наоборот, как ниже будет сказано, в 1956 году Карело-Финская союзная республика снова была превращена в АССР и присоединена к РСФСР.

III. Юридические обоснования

А. Градация национальных прав.

Если можно, может быть, не считаться с тем, что основной принцип — «национальное по форме, социалистическое по содержанию» — практически обесценивает национальное право или, вернее, право национальных меньшинств, то нельзя обойти такие факторы, как территория, население и культурно-экономические особенности нерусских народов. В зависимости от названных факторов, автономией предусмотрена градация национальных прав нерусских народностей.

Займемся, сперва без критической оценки, юридической структурой этих государственных образований.

Б. Союзные республики.

Претендовать на достоинство союзной республики могут лишь народы с единой территорией и хотя бы с минимально однородным населением.

Наименьшей союзной республикой является Армения, ее территория — 30 тыс. кв. км с 1,2 млн. жителей. Населенные территории республик, ввиду их права на отделение от СССР, должны граничить с иностранными государствами или с морем. Принимаются во внимание также и культурные факторы (по этим причинам Якутская АССР, например, не может стать союзной республикой).

1. Согласно советской теории, союзные республики являются суверенными государствами, уступившими часть суверенных прав СССР, причем эти концессии во всякое время могут быть отменены.

2. Советская теория считает особо важными симптомами следующие пункты, связанные с конституционным правом:

а) гарантированную статьей 17 свободу отделения каждой союзной республики. Создалось это право следующим образом: во время прений по этому вопросу, ввиду полной нереальности этого пункта, было предложено отменить статью 17-ю Конституции. Пользуясь той же аргументацией, Сталин высказался в пользу сохранения этого пункта. В самом деле, вышеуказанный пункт не имеет никакого реального содержания, — отделение от СССР считается «контрреволюционным актом». Если бы стремящаяся к отделению республика даже сохранила бы за собой коммунистический строй, то она не могла бы сослаться на статью 17-ю. В рамках СССР нет «индивидуального пути к социализму»;

б) предписания, заключенные в статье 18а (участие союзной республики в интернациональной жизни) и в статье 18б (право на организацию собственных вооруженных сил наряду с вооруженными силами Союза) также лишены всякой реальности. Объясняются они политическим положением 1944 года, когда они были включены в Конституцию.

Чтобы увеличить число голосов СССР в Организации объединенных наций (ООН), было решено увеличить вес «суверенных» республик. Наряду с СССР, некоторые из них должны были получить право голоса в интернациональных организациях. Из соображений неправильно понятой политической вежливости этот ненормальный юридический акт был признан США и Англией. Фактически же статья 18а нашла выражение лишь в том, что БССР и УССР послали в ООН свои делегации. Прочие союзные республики не участвуют даже в интернациональных организациях международного права;

в) разграничение компетенций между СССР и союзными республиками предписано статьей 14. Именно это разграничение является доказательством тому, в какой мере мнимая суверенность союзных республик иллюстрируется перенесением этих компетенций на Союз.

3. Резюмируя, можно сказать: едва ли возможно признать союзные республики государствами. Суверенными государствами они не являются ни в коем случае. Сам СССР является чем-то средним между союзным и децентрализованным единовластным государством.

В. Автономные республики (АССР).

В национальной иерархии они занимают второе место. Они не являются непосредственными членами СССР, но примыкают к одной из союзных республик (прежде всего к РСФСР, которая является не федерацией, а централизованным государством с автономными меньшинствами). По советским понятиям, АССР являются государствами без суверенитета.

По нашим же понятиям, АССР не могут считаться даже какими бы то ни было государствами. Они являются лишь областными образованиями, наделенными отдельными ограниченными автономными правами. Отсутствие государственного характера следует уже из того, что главенствующее государство (в данном случае союзная республика) вправе ликвидировать эти АССР или вновь образовывать их. Общесоюзная конституция не является для этого препятствием (см. статью 14, параграф 6).

Г. Прочие национальные образования, без сомнения, не государства, а просто административные единицы с большей или меньшей претензией на сохранение своего национального языка. Такими являются:

1 автономные области, непосредственно подчиненные либо краевой администрации, либо союзной республике;

2. национальные округа, которые встречаются на северной периферии Союза;

3. наконец, — национальные районы и сельсоветы.

К практическому значению этой дифференцированной иерархии мы вернемся ниже.

IV. Методы властвования над национальными меньшинствами

Как уже было сказано, ни мнимая «суверенность» союзных республик, ни тщательно классифицированная автономия не должны нас отвлекать от мысли, что дело идет о вопросе, каковы должны быть взаимоотношения между национальными меньшинствами и великорусским народом. Официальное право не дает нам на это ответа, а официальная доктрина является фикцией.

Однако динамика фактов, фактическая государственная практика не являются единообразными. Фактическое отношение к отдельным народностям различно и часто меняется. В общем оно таково, что с народами, у которых ярко выражено национальное сознание, обращаются строже, чем с безобидными и индифферентными национальными группами. Но и эта оценка — большей или меньшей благонадежности групп — может меняться. Характерные примеры — Грузия и Украина.

1. Централистические и центробежные тенденции.

Наиболее важной проблемой является вопрос, каким образом можно привести в равновесие централистически мыслящее великорусское население и федералистически мыслящее национальное меньшинство.

Какие концепции возможны по отношению к «национальной форме», без того, чтобы не подвергнуть опасности «социалистическое содержание»?

В какой мере социалистическое общее планирование экономики может отвечать потребностям местного населения?

Как важна может быть роль «московских эмиссаров», т. е. великорусских ставленников в местных партийных организациях?

У нас нет возможности останавливаться на часто меняющихся подробностях. Мы можем установить лишь частую перемену тенденций. Пользуясь партийной терминологией, можно сказать, что Советский Союз принужден лавировать между (теоретически в равной мере нежелательными) крайностями:

а) с одной стороны, это тенденция к безграничной централизации во вред местным национальным потребностям. Эту тенденцию принято называть «великодержавным шовинизмом». Подразумевают под этим горделиво-пренебрежительное поведение московских партийных работников в нерусских областях, подавление ими всех национальных стремлений, их уравнилельные тенденции в смысле «русификации» (напоминаю лишь о роли Хрущева на Украине);

б) с другой стороны, этот «местный национализм», на языке Кремля — сумма весьма различных элементов, как, например, понятное стремление местных партийных организаций оградить себя от переполнения великорусскими партийными работниками, их весьма понятное сопротивление в том случае, когда при планировочных работах к интересам местного населения относятся пренебрежительно.

В общем ныне борьба идет скорее с местным национализмом, чем с великодержавным шовинизмом. Из этого явствует, что правительственная политика по существу централистична.

2. Политика „divide et impera“.

Согласно официальной советской исторической доктрине, царизм при проведении своих «колониальных» мероприятий обыкновенно восстанавливал отдельные народности друг против друга (латышей против немцев, грузин против армян, украинцев против евреев и т. д.). Но методы большевистской власти не далеки от принципа „divide et impera“. Особенно это ясно на примере Средней Азии, где узаконено в 1924—1925 гг. национальное разграничение среднеазиатских народов.

Согласно официальной версии, разделение территорий Туркестана на отдельные республики было обусловлено национальным различием среднеазиатских тюркских народностей. Таким образом, якобы, это «разграничение» шло навстречу не только советской национальной политике, но и интересам соответствующих народов. На самом же деле эти различия — либо плод фикции, либо сильно преувеличены. Все племена являются тюркскими, язык, обычаи и условия жизни которых не так уж разнятся, чтобы из них можно было «создать» особые нации. Прежде всего они объединены одинаковой религией и общей ненавистью к насильно навязанной советской системе. Это и явилось теми моментами, которые заставили руководителей СССР нарушить единство тюркских народов и произвести «национальное разграничение», т. е. произвольное разделение страны на отдельные республики.

По подобным соображениям в 1922 году упразднена Закавказская Федерация.

3. Единство социалистического народного хозяйства и многообразии государств.

Как уже было сказано, общая программа большевизма дуалистична: экономическое планирование настоятельно требует централистической формы (великие потоки не могут останавливаться перед национальными границами!), в то время как национальная программа сама по себе требует федерализма.

Но национальная программа, по сравнению с потребностями общесоюзного социалистического хозяйства, является величиной второго порядка. Единство экономической структуры часто разрушает основы национальной самобытности. Такими являются:

а) централистическое декретирование монокультур в отдельных республиках (Узбекистан), влекущее за собой полную экономическую зависимость данной республики от центральных органов;

б) заселение многих республик преимущественно великороссами и децентрализация этих республик «холодным путем». Здесь следует упомянуть Карело-Финскую ССР (из ее положения были сделаны соответствующие выводы в государственно-правовом смысле) и, в особенности, Казахстан. Оба огромных проекта «перемещения промышленности на Восток» и «освоения целины» практически денационализировали Казахскую республику. Казахи ныне являются национальным меньшинством на собственной государственной территории.

Несмотря на все заверения, советская экономическая политика является тем «котлом для сплава народов», который способствует рассасыванию и искоренению национальных меньшинств.

4. Государства и национальные формации в качестве пешек в политической шахматной игре.

К наиболее важным принципам национального права принадлежит безразличное отношение к волеизъявлению данной национальной группы в случае территориальных и административных изменений. В советской государственной практике этот принцип не пользуется почетом.

Территориальные изменения, повышения и понижения удельного веса той или иной национальной формации происходят под чисто утилитарным углом зрения и часто путем обхода конституционных правовых положений центральной властью. Например:

1. на основании общесоюзного закона, в 1947 году у Карело-Финской союзной республики были отняты и присоединены к РСФСР части ее территории, причем население по этому поводу опрошено не было, а правительство республики об этом не ходатайствовало;

2. на основании общесоюзного закона, в 1940 году к новообразованной Молдавской республике были присоединены части украинской территории;

3. при присоединении Крыма, отторгнутого от РСФСР, к Украине, его население тоже опрошено не было.

Тем не менее все эти мероприятия, посягающие на культурную автономию отдельных народов, еще безобидны по сравнению с указами 1939—1946 гг., на основании которых состоялись массовые депортации и уничтожение целых народов.

Здесь дело идет о мероприятиях, направленных, без всякого сомнения, против целых народов и имеющих целью их уничтожение. Их камуфлирование, в качестве карательных мероприятий или мероприятий государственной безопасности, не может прикрасить уголовного характера этих акций.

Известны следующие акции уничтожения:

1. выселение немцев Поволжья и уничтожение их АССР — в результате указа президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1940 года;

2. выселение калмыков и балкарцев в 1941 г. Указы об этих акциях не были опубликованы, но в тексте Конституции 1947 г. обе АССР более не названы. Лишь в 1956 году Хрущев упомянул о депортации обоих народов и назвал ее «сталинской ошибкой», которая должна быть исправлена.

Любопытно, что в Большой Советской Энциклопедии калмыки и балкарцы не упоминаются даже в качестве этнографических понятий. Эти народы просто признавались несуществующими;

3. выселение карачаевцев;

4. депортация крымских татар и чечено-ингушей в 1946 году (Указ Верховного Совета РСФСР от 25 июня 1946 года);

5. частичная ликвидация населения трех балтийских республик (1940—1941 и 1944—1946 гг.). В этом случае Советы очевидно не

решились на полное выселение. Число депортированных достигло, однако, сотен тысяч, причем национальной интеллигенции этих трех стран был нанесен страшный удар;

6. здесь нельзя не упомянуть об антисемитизме в Советском Союзе. Своего апогея он достиг при Сталине. Имею в виду косвенный геноцид 1941 года, т. е. оставление на произвол судьбы, в западных областях СССР, еврейского населения, ставшего затем жертвой гитлеровских частей СС.

В данное время руль снова повернут на 180 градусов. При этом не следует забывать, что антисемитизм неизбежно связан с большевистской системой.

Согласно официальной советской теории, евреи не являются ни нацией, ни национальной группой. У них нет права на автономию (с этой точки зрения основание автономной области Биробиджан было ошибкой системы). Евреи принуждены быть солидарными с народом-хозяйном. Их национальная идея, пробуждающаяся под влиянием «насильственной ассимиляции», заключает в себе сионистские тенденции. Евреев упрекают в недостатке патриотизма и в космополитизме.

V. Русификация народов Советского Союза?

Для того, чтобы правильно понять нижеследующее, следует еще раз упомянуть о тезисе, согласно которому национальное право в СССР является, в действительности, лишь правом национальных меньшинств и нерусских народностей и что коренной политической вопрос для нерусских народов — возможно ли будет сохранить свои позиции по отношению к великороссам и отразить русификацию собственных стран?

Этому вопросу должен предшествовать предварительный вопрос: сознательно ли большевизм стремится к денационализации и русификации подвластных ему нерусских народов?

Следует отметить, что именно тем, что Москва самым энергичным образом поддерживает культуру языков нерусских народов, она осуществляет принцип государства, «национального по форме, социалистического по содержанию».

Маркс и Ленин, преподаваемые не русским на русском языке, вызвали бы сопротивление и гнев. Но Маркс и Ленин преподаются на языках, родных этим народам. Преподавание на родном языке имеет целью устранить всякую подозрительность этих народов по отношению к марксизму-ленинизму. Результатом внедрения социализма путем поддержки национальных языков, путем совращения в социализм, является признание первенствующей роли русского народа, без «героической борьбы» которого за освобождение народов из «царской тюрьмы» введение новой экономической системы было бы невысказано.

Таким образом, сближение с «русскостью», признание приоритета русского народа является как бы побочным продуктом, тем более действенным, чем больше продвигается вперед социалистическое строительство.

Советская власть пропагандирует не русский язык, а русскую идею. Она хочет воспитать людей, которые, говоря на родном языке, чувствовали бы себя связанными со «старшим русским братом» и при-

навали бы его авторитет. Они должны стать не русскими, а «россиянами».

Чтобы добиться этого результата, советская историография не страшится грубых фальсификаций, как, например, того, что даже царская Россия (по Ленину — «тюрьма народов») была другом кавказских и среднеазиатских народов, чтобы спасти их от грозящего английского «колониализма» и т. д.

VI. Заключение и прогноз

Мы спрашиваем себя, наконец, какое влияние на национальную политику могут оказать в данное время реформы, предусмотренные XX съездом КПСС. Как известно, дело идет о реализации союзных «законоположений», от февраля-мая 1957 года, касающихся административных и экономических реформ. Здесь можно придти к следующему заключению:

если новая политика ведет к широкой децентрализации, в частности, народного хозяйства, то, вероятно, это повлечет за собой и предоставление большей самостоятельности союзным республикам и другим национальным единицам, что приведет к улучшению положения отдельных национальностей.

Мне хочется предостеречь от скороспелых надежд и ожиданий. Новая организация народного хозяйства (закрытие центральных министерств народного хозяйства), разделение СССР на хозяйственные районы, создание Советов народного хозяйства, радикальная замена вертикальной хозяйственной администрации горизонтальной видны лишь в общих очертаниях.

Кажется, что реформа содержит и централистические и децентралистические тенденции. Строго централизованным остается экономическое планирование, в то время как администрация народного хозяйства должна, якобы, быть в значительной мере децентрализована и передана в ведение местных органов.

При этих обстоятельствах слишком рано считать надежды близкими к реализации. Но одно обстоятельство ни в коем случае не должно быть оставлено без внимания:

«Великая реформа» проводится лишь потому, что крайняя сверхцентрализация — наследие Сталина — не оправдала себя в организации производства. Реформа ничуть не касается национальных проблем. Возможно, что и нерусские народы косвенным образом извлекут выгоду из нового порядка (я лично смотрю на это скептически), но считать новую политику сознательным желанием поддержать национальные группы никак нельзя.

И для этой новой политики действителен тезис: во взаимоотношениях между экономикой и национальной политикой приоритет принадлежит первой из них. При коллизиях между ними последняя, без сомнения, будет принесена в жертву первой.

Выступление проф. А. В. Юрченко

по докладу проф. д-ра Рейнгардта Маураха.

Доклад проф. д-ра Маураха в сжатой форме излагает проблемы, интересующие всех исследователей государственной и политической жизни Советского Союза. Доклад интересен тем, что он указывает на те особенности, которые необходимо помнить каждому государствоведу и юристу, занимающемуся вопросом советского государственного строя и государственно-политических отношений в СССР. Одной из наиболее интересных мыслей, высказанных в этом докладе, является то, что, прежде чем перейти к вопросу об исследовании государственных норм, исследованию государственного строя с точки зрения формально-юридической, необходимо четко представлять себе его политические обоснования. Иначе, если оперировать только методом формально-юридическим, исследование этих вопросов представляется крайне трудным и, строго говоря, почти невозможным. В докладе проф. д-ра Маураха основной мыслью, заслуживающей особого внимания, является то, что он раскрывает ту основную политическую задачу, которую ставило перед собой коммунистическое руководство, коммунистическая диктатура при разрешении так называемого национального вопроса. Внешне Советский Союз является государственным образованием, построенным по федеративной форме. В действительности он служит иной цели, он является попыткой организовать государственные отношения между бывшей метрополией Российской империи, между государственно-организованным русским ее остовом и другими национальностями, другими народами. Я хотел бы отметить только некоторые моменты в докладе проф. д-ра Маураха, так сказать, более их, может быть, выпятить, более акцентировать, потому что критиковать было бы трудно. Дело в следующем. Проф. д-р Маурах считает, что основным противоречием, с которым встречается коммунистическая диктатура при разрешении национальной проблемы, является вопрос о примате экономического момента над моментом чисто национально-политическим. Мне кажется — по этому поводу сегодня говорилось уже много в первом докладе, слышанном нами, и при его обсуждении, что, строго говоря, экономический момент, как это ни звучит парадоксально, является все-таки в советских условиях не субъектом, а объектом политики диктатуры. Момент политический, момент власти, момент господства, момент примата государственных интересов является основным. С этой точки зрения, если мы будем говорить о развитии советского государственного организма, советского государственного комплекса, оказывается, что основная цель при разрешении национального вопроса состояла не в разрешении просто некоей экономической проблемы, а это было стремление в первую очередь сохранить тот государственно-территориальный комплекс, который большевики унаследовали от предыдущего режима; превратить, как говорит один из современных советских авторов, исследователей советского государственного устройства, превратить «насильственное единство в единство добровольное». Конечно, эта формула относится к числу тех советских шифров, о которых говорил д-р Врага. Во всяком случае это была основная задача, лежавшая в основе при разрешении главных вопросов советской национальной политики. При этом, в целях некоторой экономии времени, разрешу себе остановить-

ся на теме, затронутой и проф. Поппе, по мнению которого задачи советской национальной политики можно определить очень легко, это — приобщение всех народов Советского Союза к коммунизму. Строго говоря, вся советская политика направлена на то, чтобы построить коммунистическое общество и приобщить все народы к коммунизму, но так называемая национальная политика в ее специфическом понимании имеет некую более точную, более узкую и более, так сказать, особую свою задачу. И вот этой задачей являлось в первую очередь сохранение исходного государственно-территориального комплекса для того, чтобы потом этот комплекс, это пространство расширить. В каких целях, в силу каких причин, об этом уже много говорилось, и я не хочу на этом останавливаться. Отсюда проистекают и главные установки Ленина, его стремление к централизму в организации политической и хозяйственной жизни и его органическая, так сказать, враждебность к федерализму, как таковому. Ведь является общеизвестным фактом, что до самого почти Октябрьского переворота большевики относились резко отрицательно к федералистическому переустройству бывшей Российской империи. Как максимум признавалось право на некоторую национально-территориальную автономию нерусских территорий, нерусских народов империи. Однако это был своеобразный тактический прием, это могло быть допустимо, но, например, по линии партийной тактики, тактики самого большевизма, наоборот, это категорически запрещалось, — Ленин как раз и подчеркивал, что «не наше дело проповедывать о централизации, федерации, не наше дело проповедывать автономию, наше дело сохранить единство рабочего класса, независимо от того, какими средствами оно перед этим было создано, хотя бы даже и насильственным путем». То широкое право на так называемое самоопределение народов, которое было провозглашено Лениным еще, собственно говоря, перед революцией 1917 г., исходило из трех оснований. Прежде всего это было стремление нейтрализовать национальное движение нерусских народов, во-вторых, предположение, что эти национальные движения недостаточно сильны, исключая, скажем, Польшу и Финляндию, и девять десятых народов бывшей России не захотят отделиться; третье, оно исходило из того, что вопрос об этом самоопределении — и это самое главное — может всегда стоять в будущем под контролем руководящей политической силы после переворота большевистской партии. Тут происходили очень интересные дебаты на ту тему, когда, собственно, возникла эта новая его большевистская программа, основанная на волюнтаристических моментах. Говорили о 1917 г., об «Апрельских тезисах», говорили о «Что делать?», говорили о том, что корни его лежат в прошлом столетии.

Я считаю совершенно правильным, что как раз корни монопартийной диктатуры, идеологии монопартийной диктатуры у Ленина следует искать значительно раньше 1917 года. Его лозунг так называемой революционной диктатуры рабочего класса и крестьянства уже предвидел возможность осуществления революции и создания политического порядка, который приведет к диктатуре большевистской монопартии, и, очевидно, эта монопартия должна была контролировать все последующие политические и социальные процессы, в том числе и процесс так называемого национального самоопределения. В дальнейшем оказалось уже во время революции 1917 года, т. е. 40 лет тому назад, что эти национальные движения и это стремление к самоопределению значительно сильнее, чем могли пред-

полагать, скажем, Ленин и его товарищи. Поэтому надо было изменять тактику. Сталин вынужден был впоследствии констатировать, что вышло не так, как «мы ожидали», что процесс развития национальных движений, процесс, выразившийся в отделении целого ряда народов от бывшей своей метрополии зашел так далеко, что старый лозунг областной автономии оказался устаревшим.

Я вынужден быть кратким, и хочу сказать еще только одно, — что в дальнейшем процесс самоопределения контролировался тем, что стремились проводить его в советских формах. Сама советская форма организации большевистской диктатуры является особой формой, она как раз именно была направлена на то, чтобы обеспечить монопартийную диктатуру, чтобы обеспечить недопущение демократических форм дальнейшего политического развития. Советская форма, по словам Сталина, была открыта Лениным, открыта Лениным потому, что, если бы он эту форму не открыл и не боролся за нее, то он бы не смог достичь власти. Она, главным образом, опиралась на то, что создавалось такое взаимоотношение политических и социальных сил, которое давало возможность монопартии управлять, опираясь на социальное меньшинство. В дальнейшем при борьбе за отошедшие от русской метрополии национальные республики, ставшие самостоятельными государственными образованиями, как раз пользовались этой особенностью советской формы, создавая там при помощи иностранных штыков режимы, которые опирались на социальное меньшинство, а в силу специфического соотношения между национальными и социальными силами в таких странах, как Украина, Белоруссия, Средняя Азия, это социальное меньшинство объективно являлось и национальным меньшинством. Это был тот момент, который, собственно, извращал форму национального самоопределения и давал возможность использовать ее для проведения политики завоевания, восстановления старой империи и создания базиса для дальнейшей мировой экспансии.

В дискуссии по докладу проф. д-ра Рейнгардта Маураха приняли, кроме того, участие следующие лица: д-р С. И. Станкевич, Н. Я. Галай (Германия), проф. Зеки Велиди Тоган, д-р Тагир Джагатай (Турция), проф. Н. И. Осипов (Германия), Абдул Вахаб Юрцевер (Турция), д-р Р. Ю. Якемчук (Бельгия), Джейхун-бей Хаджибейли (Франция).

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТОВ

Советские теоретики национального вопроса, во главе со Сталиным, насколько не скрывали и не скрывают ныне того факта, что их национальная политика всецело служит интересам коммунизма и полностью подчинена диктатуре пролетариата, этому главному орудию построения коммунизма. Сталин, в частности, заявил, что национальные интересы народов должны отступать перед интересами пролетариата, пришедшего к власти:

«Бывают случаи когда право на самоопределение вступает в противоречие с другим, высшим правом, — правом рабочего класса, пришедшего к власти, на укрепление своей власти. В таких случаях — это нужно сказать прямо, — право на самоопределение не может и не должно служить преградой делу осуществления права рабочего класса на свою диктатуру. Первое должно отступить перед вторым»¹⁾.

Суть национального вопроса определяется Сталиным очень просто: она «... состоит в том, чтобы уничтожить ту фактическую отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях»²⁾.

«Догнать центральную Россию» означает на практике для ряда национальных областей — подвергнуться такой же перестройке на коммунистический лад, как это сделано в центральной России. По этому поводу Сталин говорит:

«Находясь под защитой диктатуры пролетариата и состоя членами Советского Союза, республики эти могут и должны (разрядка моя. — Н. П.) приобщаться к социалистическому строительству нашей страны. Основная задача состоит в том, чтобы облегчить дело приобщения рабочих и крестьян этих республик к строительству социализма в нашей стране, создать и развить предпосылки, применительно к особым условиям существования этих республик, могущие двинуть вперед и ускорить это приобщение»³⁾.

Так обстоит дело теоретически. Предвосхищая конечный вывод, укажу что применение этой национальной политики на практике, как всем известно, привело к катастрофическим последствиям. Так как подавляющая масса населения в ряде национальных республик состояла либо из кочевников-скотоводов (например, казахи, киргизы, калмыки, бурят-монголы), либо из крестьян-земледельцев, советская национальная политика разорила первых, как мы увидим дальше, едва ли не больше, чем оседлое население. Хотя в теории Сталин и его последователи признавали необходимость учета местного своеобразия, тем не менее на практике коллективиза-

1) И. В. Сталин, Сочинения, Москва, 1951 г., т. 5, стр. 265.

2) Там же, т. 5, стр. 39.

3) И. В. Сталин, Сочинения, Москва, 1951 г., т. 7, стр. 135.

ция среди кочевников проводилась совершенно такими же методами, как и в оседлых, земледельческих районах.

Каковы же практические результаты национальной политики Советов?

1.

Начнем с экономического положения разноплеменного населения республик Советского Союза. Экономическую основу жизни ряда его народов составляло скотоводство, которое являлось не только главным, но почти единственным средством существования.

Уже гражданская война и переход ряда областей из одних рук в другие отразились катастрофически на состоянии скотоводства. Укажу лишь, что у калмыков поголовье скота упало с 494 464 единиц в 1917 году до 141 909 единиц в 1922 г. ⁴⁾ В Бурят-Монгольской АССР поголовье скота в 1923 г. понизилось на 33,9% по сравнению с 1916/17 гг. ⁵⁾ Наконец, у казахов поголовье скота составляло в 1922 г. лишь 42,2% общей цифры на 1913 г. ⁶⁾

Насильственная массовая коллективизация привела к дальнейшему сокращению поголовья скота. Так, у калмыков оно с 530 800 единиц в 1928 г. упало до 307 075 единиц в 1935 г. ⁷⁾ У казахов общее поголовье скота с 40 000 тыс. голов в 1929 г. понизилось до 15 000 тыс. в 1945 г., причем самого низкого уровня оно достигло в 1933 г., — 5600 тыс. голов ⁸⁾.

Значительное сокращение поголовья скота можно наблюдать также у всех оседлых, земледельческих народов СССР. Достаточно указать, что с 1928 по 1935 г. конское поголовье на Украине сократилось с 5,5 млн. до 2,5 млн. голов, поголовье рогатого скота — с 8,5 млн. до 4,9 млн., свиней — с 6,9 млн. до 4,8 млн., а овец и коз — с 9,8 млн. до 1,8 млн. ⁹⁾ В результате, на Советской Украине в 1935 г. на 100 га обработанной площади приходилось всего 7,1 лошади, в то время как в Западной (польской) Украине их насчитывалось на той же площади — 16 ¹⁰⁾.

Как же обстоит дело с земледелием? Значительное увеличение посевной площади по всему СССР является общеизвестным фактом, несмотря на временное катастрофическое сокращение ее в первые годы коллективизации. Но как обстоит дело с обеспеченностью населения хлебом? Укажу, что в 1940 г. посевная площадь на Украине составляла 25,3 млн. га против 24,9 млн. га в 1928 г. и 22,9 млн. га в 1913 г. Жалось бы, что налицо имеется некоторое, незначительное увеличение, но на самом деле, — если в 1913 г. зерновые культуры составляли 90%, а технические 3,5%, то в 1940 г. на долю зерновых культур приходилось уже только 66%, а на долю технических 9,6%, другими словами, при увеличении технических культур на 6,1%, зерновые уменьшились на 24% ¹¹⁾.

4) Т. К. Борисов, Калмыки, Историко-политический и социально-экономический очерк, 1926, стр. 42.

5) БСЭ, 1-е изд., т. 8, стр. 229.

6) БСЭ, 1-е изд., т. 30, стр. 571.

7) БСЭ, 1-е изд., т. 30, стр. 753.

8) Soviet Central Asia, vol. III, Human Relations Area Files, Inc. New Haven, Connecticut, 1956, p. 925.

9) Franz Obermaier, Ukraine, Land der schwarzen Erde, Wien, 1942, S. 150 со ссылкой на Kubijowytsh, Atlas der Ukraine und der angrenzenden Länder, S. 38.

10) Ukraine, Die Bücherei des Ostraumes, Berlin, 1942, S. 102.

11) БСЭ, 1-е изд., т. 55, стр. 811.

Это не случайный и не единичный пример. Гораздо более разительным примером является Узбекистан, где площадь, занятая под посевы хлопка, с 257 000 га в 1910 г. увеличилась до 837 000 га в 1928 г. и до 1 362 000 га в 1937 г.¹²⁾ Увеличение это произошло за счет зерновых культур, сократившихся с 3 758 000 акров в 1913 г. до 1 850 000 акров в 1939 г., т. е. на 37%¹³⁾.

Таким образом, национальная политика Советов в аграрном вопросе является колонизаторской политикой, и, идя вразрез с интересами населения, она вызывала, естественно, сопротивление не только масс, но даже руководителей местных органов власти. Достаточно указать на узбеков — Файзуллу Ходжаева и Икрамова, которые противились превращению хлопка в монокультуру.

Национальная политика Советов теснейшим образом связана с индустриализацией национальных областей. Индустриализация требует рабочих. Рабочих нужно, с одной стороны, «создавать», а с другой стороны — кормить. Разоряя кочевника-скотовода или оседлого крестьянина и превращая его в пролетария, не производящего продуктов питания, советская власть должна кормить этого пролетария. Этим отчасти объясняется, почему в Казахстане, например, посевная площадь повысилась с 4194 тыс. га в 1913 году до 7450 тыс. га в 1941 г., а в результате кампании за освоение целинных земель — до 17 553 тыс. га в 1955 г.¹⁴⁾

Говоря об увеличении посевной площади, не следует, однако, забывать, что и численность населения во многих областях значительно повысилась. Так, например, на XVIII съезде ВКП(б) Сталин заявил, что урожаем 1938 года в СССР оказался на одну шестую выше, по сравнению с 1913 годом, в то время, как численность населения повысилась почти на 30%¹⁵⁾. Это подтверждается и данными из национальных республик. В Таджикистане, например, под зерновые культуры в 1938 г. было отведено 576 000 га против 434 000 га в 1913 г. (увеличение на 32,75%) при увеличении численности населения на 44%¹⁶⁾.

Еще более разительную картину представляет собою Туркменистан, где при увеличении численности населения за период 1926—1939 гг. на 25,6%¹⁷⁾, посевная площадь зерновых культур, по сравнению с 1913 годом, неуклонно падала¹⁸⁾.

Известно, что насильственная коллективизация привела во многих хлебобородных областях СССР к повальному голоду и массовому вымиранию населения.

Самые тяжелые потери населения в абсолютных цифрах понесла Украина. Если в 1926 г. в УССР было 31 194 976 украинцев, то в 1939 г. их было уже только 28 070 404 чел., т. е. на 3 124 572 чел. или на 10% меньше, а в

---

12) R. Olzscha und G. Cleinow, Turkestan, Die politisch-historischen und wirtschaftlichen Probleme Zentralasiens, Leipzig, 1942, S. 284.

13) Walter Kolarz, Russia and her Colonies, New York, 1952, p. 277.

14) Soviet Central Asia, vol. III, p. 917.

15) Obermaier, ук. соч., стр. 150.

16) Soviet Central Asia, vol. III, p. 945.

17) Там же, т. I, стр. 222.

18) Там же, т. III, стр. 953.

1941 г., вместе с населением незадолго до того присоединенной Западной Украины, общая цифра населения поднялась до 36 259 104 чел.¹⁹⁾

Если украинцы являются народом, понесшим самые крупные потери в абсолютных цифрах (более 3 млн. — 10%), то казахи понесли самые высокие потери в процентном отношении. По переписи 1897 г. их было 4 285 698 чел., по переписи 1926 г. уже только 3 968 289 (уменьшение на 217 409 чел. или на 5%), а к 1939 г. их было уже только 3 098 764 чел., т. е. только за 13 лет произошло уменьшение на 866 525 чел. А по сравнению с 1897 г., уменьшение казахского населения выражается цифрой 1 186 934 чел., т. е. на 27,6%²⁰⁾.

Украинцы и казахи — не единственные народы, численно уменьшившиеся при советской власти.

Вот еще несколько примеров²¹⁾:

Народность	Численность		
	В 1897 г.	В 1926 г.	В 1939 г.
Башкиры	1 321 283	713 693	842 925
Балкары	34 232	33 307	— ²²⁾
Ногайцы	60 000 (1910 г.)	36 274	—
Шорцы	14 809	12 601	—
Сванеты	15 756	13 218	—
Абхазцы	72 000	56 957	58 969
Даргинцы	140 109	108 963	—
Казикумухцы	90 880	40 380	—
Аварцы	212 692	158 769	—
Курды	99 949	54 661	45 866
Бурят-монголы	289 480	237 501	—
Калмыки	190 480	129 321	134 327

Соответствующие области, однако, не обезлюдели, несмотря на уменьшение коренного населения.

¹⁹⁾ Verzeichnis der Völker, Volksgruppen und Volksstämme auf dem Gebiet der ehemaligen UdSSR, Berlin—Steglitz, 1941, S. 17. О гибели от голода более 3 млн. украинцев говорят и другие источники, — Энциклопедия Украинизмов, в двух томах, т. I, Мюнхен—Нью-Йорк, 1949, стор. 153.

²⁰⁾ Verzeichnis, S. 26.

²¹⁾ По данным того же Verzeichnis.

²²⁾ Тире означает, что данных на этот год не имеется.

Так, за годы 1926—1929 общая численность населения Казахстана увеличилась на 1,2% при уменьшении числа казахов на 22%. Население Киргизской ССР возросло на 46% при увеличении числа самого киргизского народа лишь на 16%; в Таджикской ССР прирост всего населения выразился в 44%, а таджиков лишь на 25%. Наконец, население Туркменской ССР увеличилось на 26%, а число самих туркмен возросло только на 6%²³⁾.

Общее увеличение численности населения, как в указанный выше период, так и позднее, происходило за счет пришлых элементов, переселенных из центральных областей СССР, и ссыльных, особенно из вновь присоединенных стран, например, балтийских республик и т. д. Причиной уменьшения численности коренного населения в ряде республик явились высокая смертность в период насильственной коллективизации и вызванного ею голода, раскулачивание, высылка в концентрационные лагеря и т. д. Так, в результате голода, в Средней Азии погибло около 3 млн. чел.²⁴⁾. Достоверно известно, что на Украине от голода погибло тоже не менее 3 млн. человек²⁵⁾.

Годы пятилеток ознаменовались бурной индустриализацией в разных областях и, в частности, на так называемых «бывших окраинах царской России». Официально считается, что промышленное строительство «на окраинах» является знаком внимания советской власти к нуждам местного населения. На самом же деле это строительство отвечает, с одной стороны, экономическим интересам Советского Союза в целом, а с другой — диктуется соображениями стратегическими. Приведу лишь несколько цифр. Самой важной промышленной областью Средней Азии является теперь Казахстан. В отношении капитальных вложений он стоит на третьем месте, т. е. сразу после РСФСР и Украины. Семьдесят процентов его капиталовложений приходится на долю тяжелой промышленности и только 30% падают на производство предметов широкого потребления²⁶⁾. Добыча угля повысилась там с 90,5 тысяч тонн в 1913 году до 26 400 тысяч тонн в 1955 году, а производство электрической энергии — с 1,6 млн. киловатт до 2500 млн. киловатт в 1950 г.²⁷⁾. Добыча меди повысилась с 5 тыс. тонн в 1913 г. до 260 тыс. т в 1953 г.²⁸⁾. В Алма-Ата и Гурьевске построены заводы тяжелого машиностроения, в Караганде — завод шахтенного оборудования и т. д. Между тем, текстильная промышленность Казахстана ставила своей задачей выпустить в 1950 г. 19 100 000 метров хлопчатобумажных тканей, т. е. всего три метра на душу, и 2 900 000 м. шерстяных тканей, т. е. по 0,30 м на душу. Планом сапожной промышленности был предусмотрен выпуск 6 700 000 пар обуви, т. е. по одной паре на душу²⁹⁾.

---

23) Soviet Central Asia, vol. I, p. 223.

24) Ba ymirza Hayit, Turkestan im XX Jahrhundert, Darmstadt, 1956, стр. 281, со ссылкой на меморандум Туркестанского Комитета Объединения, представленный Организации Объединенных Наций, от 14 июня 1950 г.

25) По данным Энциклопедії Українознавства, т. I, Стар. 153, от голода погибло от двух до трех миллионов человек, а в результате репрессий — один миллион. Сюда необходимо еще прибавить потери в результате эмиграции, а также в связи с высылками в Сибирь, Среднюю Азию и т. д.

26) Soviet Central Asia, vol. III, p. 984.

27) Там же, стр. 987.

28) Там же, стр. 991.

29) Там же, стр. 995.

Такая же картина наблюдается в Туркмении, где 46% вложений приходится на тяжелую промышленность, причем 70% местной промышленности — нефтяная промышленность³⁰).

Если на Украине металлообрабатывающая промышленность в 1913 г. составляла 11,3%, а в 1940 г. 36,4%, то удельный вес пищевой промышленности понизился там с 43,5% в 1913 г. до 17,6% в 1940 г.³¹

В Грузии в 1955 г. было в 47 раз больше гидроэлектрических станций, чем в 1913 г.³² Наконец, в Бурят-Монгольской АССР машиностроительная и металлообрабатывающая промышленность составляли в 1947 г. 45% всей промышленности республики³³. В то время как продукция тяжелой промышленности идет на удовлетворение потребностей СССР в целом и предусматривается поэтому всесоюзным народнохозяйственным планом, пищевая промышленность находится на положении местной промышленности, и основные продукты питания, как правило, в республике извне не ввозятся, несмотря на то, что во многих из них посевы зерновых в свое время уступили место техническим культурам, как, например, в Узбекистане. Более того, несмотря на то, что тяжелая промышленность Казахстана все это время находилась в ведении Министерства тяжелой промышленности СССР, зерно и мясомолочные продукты, производимые в Казахстане, лишь в незначительной части шли на удовлетворение потребностей местного населения и вывозились в распоряжение центральной власти СССР.

Таким образом, хозяйственное строительство в национальных республиках совершенно не учитывает местных интересов, и положение вещей ничем не отличается от хозяйничания капиталистических государств в колониях в век классического колониализма.

2.

Советская пропаганда постоянно повторяет, что наиболее ярким выражением «Советской национальной политики» является предоставление народам СССР права на национальную независимость, права на образование собственных государств, т. е. автономных республик и областей в пределах крупных республик или равноправных союзных республик внутри Союза ССР, которым предоставляется даже право на полное отделение от СССР и выход из него.

В действительности же ни одному народу СССР до сих пор не удалось выйти из состава СССР, и попытки в этом направлении были бы удушены в зародыше.

Говоря о праве на автономию, следует указать, что автономия эта предоставляется лишь в рамках советского, т. е. коммунистического строя. Это является, конечно, возмутительным насилием над народами СССР. Известно, например, что украинские национальные движения в новейшее время опирались на демократические идеи и скоро перерастали в крестьянское движение³⁴. Точно так же в Грузии, уже в начале нынешнего сто-

³⁰ Soviet Central Asia, vol. III, p. 1013.

³¹ БСЭ, 2-е изд., т. 44, стр. 107.

³² БСЭ, 2-е изд., т. 13, стр. 63.

³³ БСЭ, 2-е изд., т. 6, стр. 358.

³⁴ A History of Ukraine by Michael Hrushevsky, Edited by O. J. Fredriksen, Preface by George Vernadsky, New Haven, Yale University Press, 1943, p. XIII.

летия, стали очень сильны социал-демократические течения. Достаточно упомянуть здесь симпатии, которыми пользовались в Грузии меньшевики. Армянская партия «Дашнакцутюн», пользовавшаяся поддержкой широких слоев населения, тоже была умеренно-социалистической партией. Между тем, захватив власть в этих и других областях, Советы повели поголовное истребление всех демократических элементов и силой навязали народам коммунизм.

Но это не все. Казалось бы, что границы автономных или союзных республик должны были бы проводиться с таким расчетом, чтобы хозяйственная, культурная, исторически сложившаяся целостность таких областей не нарушалась. Естественно, украинский народ имеет право на единство, на единую территорию. Точно так же естественным является и то, что в культурном и хозяйственном отношении единые территории Кавказа или Средней Азии должны были бы образовать сплошные области. Сам Сталин писал, что «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»³⁵). Казалось бы, что население Средней Азии чрезвычайно близко к тому, что Сталин считает нацией. Казахи, киргизы, узбеки, туркмены, каракалпаки — все говорят на тюркском языке, хотя и на разных наречиях³⁶), но все же на тюркских. Все они мусульмане и имеют общую культуру. Вся территория Средней Азии является в хозяйственном отношении одним целым, особенно в настоящее время. Все народы Средней Азии имеют то, что Сталин называет общностью психического уклада. У них общее историческое прошлое, и в прошлом они образовывали одно государство: при хорезмшахах — до конца первой четверти XIII столетия, при Тимуридах — вплоть до XVI столетия и т. д. Швейцарцы говорят на нескольких разных языках, исповедуют несколько различных религий и все-таки образуют одно государство. Поэтому абсолютно нет никаких оснований выделять и Таджикистан, хотя таджикский язык и не тюркский. Не станем забывать, что таджики и узбеки прекрасно уживались до Октябрьской революции в Бухарском ханстве. Несмотря на все это, Советы своим пресловутым «национальным размежеванием» разорвали эту единую территорию на части и изолировали население разных областей под предлогом, что они — разные народы, которые не могут понимать друг друга. Средняя Азия была в 1924 году искусственно разделена на ряд республик, а народы Средней Азии получили алфавиты и орфографии, делающие их языки внешне менее похожими друг на друга, чем они являются на самом деле³⁷). Каракалпаки говорят почти на чистом казахском языке, но нынешний их алфавит, на русской основе, не имеет ничего общего с казахским алфавитом. Таких примеров можно привести много.

Такое же разделение наблюдается и в других местах. У марийцев два литературных языка. Кабардино-черкесы и адыгейцы, говорящие на

³⁵) И. В. Сталин, Сочинения, Москва, 1991 г., т. 2., стр. 296.

³⁶) Эти наречия отличаются друг от друга не больше, чем верхне-немецкие наречия, не говоря уж о нижне-немецких, которые совсем не понятны говорящим на Hochdeutsch.

³⁷) О так называемом «национальном размежевании» см. Ваумирза Науит, ук. соч., стр. 223 и след.

близких наречиях, имеют разные алфавиты и орфографии и т. д. Спрашивается, для чего все это нужно? Для чего создаются десятки искусственных языков и письменностей? Ответ прост: раз деляй и властвуй!

До недавнего времени лингвистам было даже запрещено писать сравнительные грамматики тюркских или монгольских языков, так как такие грамматики считались проявлением пантюркизма или панмонголизма. За них сажали, особенно в годы разгула марровщины³⁸⁾.

Напомню далее, что автономия или взаимная «независимость» тех или иных государственных образований в границах СССР отнюдь не гарантирует отдельным национальностям неприкосновенности их территорий и сохранения их за ними. Массовые высылки украинцев, великороссов, балтийцев, поляков, немцев, и т. д. в Казахстан, в Туркмению, Бурят-Монгольскую АССР, Якутию и т. д., «добровольное» переселение в массовом масштабе, особенно в плане освоения целинных земель, привели к тому, что в национальных республиках можно встретить значительное количество некоренного населения, и в настоящее время казахи, например, составляют менее 50% населения Казахстана⁴¹⁾. В Киргизии накануне второй мировой войны коренное население не превышало 50% жителей республики⁴²⁾. Огромный наплыв пришлых элементов наблюдается в Эстонской ССР, в связи с массовой высылкой эстонцев в восточные области СССР и заменой их переселенцами из центральных областей⁴³⁾. Надо отметить еще, что захваченные Советами Восточная Пруссия и Галиция усиленно заселяются казахами, киргизами и татарами.

Таким образом, народы СССР фактически не распоряжаются своими территориями. В этом отношении они имеют значительно меньше прав, чем, например, индейцы в Соединенных Штатах, на территориях которых белокожим селиться не разрешается.

Советские диктаторы осуществляют свою власть в национальных республиках и областях через местные партийные и правительственные органы. Каков национальный состав этих органов? В значительной части он — «туземный». Так, например, в Средней Азии из общего количества 145 министров 120 являются туркестанцами⁴⁴⁾. В рядах партии состоит много представителей местного населения. Считать их всех квислингами было бы неправильно, так как среди них было и есть много людей, искренне пытающихся наладить жизнь и облегчить участь местного населения. Достаточно вспомнить разногласия Файзуллы Ходжаева и Акмала Икрамова с советскими заправилками. Достаточно вспомнить чистки и показательные процессы «врагов народа» на Украине, в Белоруссии, Грузии, Крыму, Татарской АССР и т. д. Но дело не в этом. Главное это то, что планы и вся политика делаются не на местах. Политика вырастает не из запросов и нужд населения, но делается в Кремле, в отрыве от масс и вразрез с интересами украинцев, армян, казахов, узбеков и т. д. Естествен-

³⁸⁾ Н. Н. Поппе, Монголоведение в СССР, Вестник Института по изучению истории и культуры СССР, № 1 (14), стр. 28.

³⁹⁾ Б. Яковлев, Концентрационные лагеря СССР, Мюнхен, 1955, стр. 124.

⁴⁰⁾ Soviet Central Asia, vol. I, p. 284.

⁴¹⁾ Kolarz, ук. соч., стр. 268.

⁴²⁾ Kolarz, ук. соч., стр. 271.

⁴³⁾ The Estonians, Human Relations Area Files, Inc., pp. 86—87.

⁴⁴⁾ Baymirza Hayit, ук. соч., стр. 352.

но, что контрольные и карательные органы на местах комплектуются местными людьми. Так, например, в местных органах НКВД всегда можно было встретить много русских, поляков, латышей, грузин и т. д., даже в Сибири или Средней Азии.

Таким образом, организация местной власти, будь то в союзных республиках, или в автономных республиках, по существу не отличается от того, что мы видим в Москве.

3.

Важной составной частью национальной политики Советов является культурное строительство. Нельзя отрицать, что внешние показатели достижений в этой области внушительны. Области в недавнем прошлом с очень низкой грамотностью стали областями сплошной грамотности и покрылись густой сетью школ и педагогических и др. институтов. Там появились университеты, научные общества и даже академии наук. Это не имеет особенно большого значения для стран со старыми и высоко развитыми культурами, как Украина, Армения или Грузия, потому что Украина уже в далеком прошлом обладала цветущей культурой, еще тогда, когда нынешние великорусские области не имели никакой культуры, а на территории Армении несколько тысяч лет назад существовало цивилизованное древнее царство Урарту. Но для Казахстана, Алтая, Бурят-Монголии, Якутии или таких народов Среднего Поволжья, как мордва, марийцы или чуваша, национально-культурное строительство явилось, действительно, культурной революцией. Нельзя, конечно, отрицать, что положительные количественные сдвиги произошли даже на Украине: там стало больше высших учебных заведений, чем было до революции, там стало больше научных учреждений и грамотность там тоже повысилась. Нечего и говорить об успехах в области здравоохранения. Теперь имеется везде больше врачей, больниц, яслей, санаторий и т. д., и ряд болезней пошел на убыль. Теперь не бывает больше эпидемий оспы, холеры или сыпняка, как до революции. Но эта радужная картина омрачается тем, что культура понимается Советами как национальная только по форме. Содержание ей дает пролетарская культура, вследствие чего она по содержанию является социалистической культурой⁴⁵). Что же это означает? Это значит, что художник-узбек или писатель-украинец, композитор-армянин или скульптор-грузин должны свое искусство основывать на принципе так называемого «социалистического реализма», изображать или передавать «волю трудящихся к победе социализма-коммунизма», любовь к социалистической родине и ненависть ко всему, что не является социализмом в советском его понимании... «Враги народа», диверсанты и шпионы являются отрицательными героями советских национальных литератур точно так же, как разного рода злодеи изображались в ложноклассической литературе XVIII века. Им противопоставляются верные сыны родины — трудолюбивые, честные колхозники, врачи, инженеры, шахтеры и т. д., разоблачающие «кулаков» и вредителей и, вопреки им, добивающиеся перевыполнения промфинпланов или сталинских сверхурожаяев.

---

45) И. В. Сталин, Сочинения, Москва, 1951 г., т. 7, стр. 138.

Таким образом, театр, балет, опера, кино и художественная литература на национальных языках в течение долгого времени вытравляли из сознания народов СССР все национальное. Наука, вернее советская псевдонаука не отставала от этого. Наоборот, она всеми силами фальсифицировала историю, фольклор и т. д. Говоря о фольклоре, следует указать на казахского поэта Джамбула, превратившегося из дореволюционного акына в панегириста Сталина и фальсификатора истории ⁴⁶⁾. Вместе с тем, народные эпосы «Манас», «Алпамыш» и др. оказались в свое время под запретом ⁴⁷⁾.

Укажу далее на калмыцкий национальный эпос — «Джангар», сложившийся много веков тому назад, который Советы пытались «переосмыслить», как поэму о счастливой родине калмыков — СССР и пр.

Из сказителя народных былин в панегириста Сталина превратился также бурят-монгол Аполлон Тороев, главными поэмами которого являются «Учитель Ленин» и «Богатырь Сталин» ⁴⁸⁾.

В научной области бросается в глаза массовая фальсификация истории и всемерное опорочивание всех национальных героев прошлого. Как указал проф. Тоган, советская историография беззастенчиво клеветает на таких героев казахской истории, как Кенесары, Сырым или Джанходжа, а предателей, переметнувшихся на сторону русских завоевателей, как Алтынзарына, превозносит до небес, как защитников интересов трудящихся ⁴⁹⁾. Известно, что в 1937—1938 гг. советская историография произвела коренную переоценку русских завоеваний и стала изображать их как «добровольное подчинение» отдельных народов России ⁵⁰⁾.

Поэтому все те, кто оборонялся, не капитулировал перед Россией, стал клеймиться, как враг своего же народа. Так произошло развенчание Кенесары Касыма ⁵¹⁾. Неудивительно, что Шамиль, возглавлявший героическое сопротивление народов вольного Кавказа, был объявлен ставленником иностранных держав ⁵²⁾. Ясно, что современная советская историческая наука всячески выпячивает также «добровольность» воссоединения Украины с Россией, с ненавистью и грязной клеветой обрушиваясь на Ивана Выговского, Петра Дорошенко и др., кто был против подчинения Украины России, и на украинских историков, придерживавшихся собственных взглядов на историю отношений между Украиной и Россией, — в первую очередь, конечно, на академика М. С. Грушевского ⁵³⁾. Поэтому-то советская историография усиленно подчеркивает дружбу народов СССР с Россией и их сов-

⁴⁶⁾ Так, например, в изображении Джамбула казахский батыр Суранши является народолюбом, для которого интересы народа превыше его собственных и т. д. См. Творчество Джамбула (статьи, заметки, материалы), Алма-Ата, 1956, стр. 45.

⁴⁷⁾ G. A. von Stackelberg, The Tashkent Conference on the History of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan — 1954, Bulletin of the Institute for the Study of the History and Culture of the USSR, vol. I, no. 2, p. 9.

⁴⁸⁾ Аполлон Тороев, Улан-Удэ, 1954.

⁴⁹⁾ Prof. Z. V. Togan, Soviet Cultural Policy in Central Asia, The USSR Today and Tomorrow, Munich, 1953, p. 44.

⁵⁰⁾ А. Улуктук, Национально-освободительное движение в Туркестане в новой советской оценке, Türkeli, I, 1951, стр. 27.

⁵¹⁾ А. Улуктук, ук. соч., стр. 30.

⁵²⁾ См., например, книгу «Шамиль — ставленник султанской Еурции и английских колонизаторов», Сборник статей, Тбилиси, 1953.

⁵³⁾ См. Воссоединение Украины с Россией — 1654—1954, Сборник статей, Москва, 1954, стр. 19.

местную борьбу против других стран, как, например, участие азербайджанцев в рядах русских войск в прошлом⁵⁴), что, однако, не предотвратило массового перехода азербайджанцев и туркестанцев на сторону немцев во время второй мировой войны. Поэтому везде подчеркивается положительное значение присоединения тех или иных областей к России⁵⁵).

С целью разобщения народов, обладавших общей культурой, как например, мусульманских народов, Советы уделили много внимания языковой политике. Многие народы СССР не имели в прошлом своей письменности. А если она была, она не отвечала, часто, состоянию языка. Еще в 20-х гг. поэтому в национальных республиках советской системы началось движение в пользу латинизации, которое возглавлялось азербайджанцем Агамалы Оглы, дагестанцем Коркмасовым и др. Узбекистан и Татария противились латинизации, но в Азербайджане и в ряде других республик был введен латинский алфавит — вскоре после первого тюркологического съезда в Баку, в 1926 г. К началу 30-х годов все тюркские народы СССР перешли на латинский алфавит, который, однако, уже к 1938 г. везде был заменен русским алфавитом. Объявив борьбу местному национализму, Советы стали грубейшим образом вмешиваться в языковое строительство, объявив всю национальную, традиционную терминологию «буржуазно-националистической, антисоветской, реакционной». В результате, сотни, если не тысячи, терминов были заменены русскими. Произошла, по существу, русификация национальной терминологии, — узбекской, например. Слово *ш ура* было заменено словом *совет*, *инк лаб* — *революцией*, *ма к та б* — словом *ш ко ла*, *фырка* — словом *партия*, *итти фак* — словом *союз* и т. д.

Репрессии по отношению к авторам и переводчикам, заботившимся о правильности и чистоте языка, запугали многих. Поэтому нередкостью стали такие названия книг, как, например, у одного калмыцкого сборника — «Стихс болн рассказмуд», т. е. «Стихи и рассказы», о чем не трудно догадаться, даже не зная калмыцкого языка.

4.

Действительное и воображаемое сопротивление народов СССР хозяйственному, политическому и идеологическому порабощению вызывало суровые репрессии. Приведу лишь несколько цифр. Согласно отчету председателя проверочной комиссии в Узбекистане, Гая, количество членов ВКП(б), исключенных из партии, составляло в 1934 г. ровно 36 000 чел., причем, по данным 1933 г., всего членов партии было 81 600 чел.⁵⁶). Большинство из них было репрессировано. Вся старая узбекская интеллигенция, в частности профессора Фитрат и Бекташ, а также писатели и культурные деятели — Бату, Каюм Рамазан, Рамзи, Гази Алим Юнусов и др., сотни учителей и десятки тысяч простых колхозников были расстреляны или сосла-

⁵⁴ М. Исмаилов, Об участии азербайджанцев в рядах русских войск в русско-иранских и русско-турецких войнах первой трети XIX в., Труды Института Истории и Философии Академии Наук Азербайджанской ССР, т. 4, Баку, 1954, стр. 5 и след.

⁵⁵ См. Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры (XIX—нач. XX вв.), Институт Истории и Философии Академии Наук Азербайджанской ССР, Баку, 1955.

⁵⁶ Д-р А. Гокдепе, Национальная политика Москвы, *Türkeli* 3—4, 1952, стр. 7.

ны в концентрационные лагеря. По очень осторожным вычислениям д-ра Кырымала, всего с 1922 по 1941 г. погибло 160 000 крымских тюрков, в какое число включены и умершие от голода. Это составляло, примерно, половину всего населения Крыма на 1917 г.⁵⁷⁾ Всем известно, какой размах получил террор на Украине в связи с делом Миколы Скрыпника. Волна террора, прокатившаяся в 1936—37 гг. по всему СССР, не пощадила и Бурят-Монгольской АССР, где были арестованы, и затем погибли, не только такие ученые и писатели, как Б. Б. Барадин, П. Г. Дамбинов, Даши Дондобэ и др., но и все руководители партии и правительства во главе с секретарем Обкома ВКП(б) М. И. Ербановым, председателем ЦИК Доржиевым, председателем Совнаркома А. Д. Даниловым, наркомземом Маркизовым и др. В Узбекистане были арестованы и погибли председатель Совнаркома Файзулла Ходжаев, секретарь ЦК партии Икрамов и многие другие. После этого в большинстве национальных республик секретарями ЦК партии были назначены люди неместного происхождения, например, Лаврентьев — в Калмыцкой АССР, вторым секретарем, там же — Касаткин. Первым секретарем обкома Бурят-Монгольской АССР был назначен С. Д. Игнатьев, перешедший впоследствии в МВД и т. д.

Полному разгрому в национальных республиках подверглась также религия. Так, например, в Калмыцкой и Бурят-Монгольской АССР в 1935—37 гг.⁵⁸⁾ были закрыты все буддийские монастыри и храмы. Почти все мечети, а также синагоги и церкви были закрыты еще в течение первой пятилетки⁵⁹⁾ в Крымской АССР. Массовым арестам и высылке подверглось магометанское духовенство в Средней Азии, где большинство мечетей было закрыто или разрушено⁶⁰⁾. Костелы были закрыты везде. Даже единственный костел в Ленинграде не избежал этой участи. Точно так же были закрыты почти все протестантские церкви — не только в Ленинградской области, но даже в самом Ленинграде. В результате, ленинградские финны, эстонцы и немцы уже с 1930 года были лишены возможности ходить в церковь. Запрещение религиозного обучения привело к тому, что немногие уцелевшие лютеранские пасторы не могли даже готовить подрастающее поколение к конфирмации.

Разгрому подверглась украинская униатская церковь. Несмотря на номинальное восстановление религии в правах во время войны, Советы еще в апреле 1945 г. арестовали Митрополита Слепого, четырех епископов и множество священников униатской церкви и предъявили им обвинение в коллаборации с немцами. В апреле 1946 года Советами была организована «Центральная инициативная группа по объединению Греко-Католической Церкви с Православной Церковью», а созданный во Львове Собор торжественно объявил об этом «воссоединении». Многие священнослужители не признали решений этого Собора. Тогда прокатилась новая волна арестов, и в 1948 г. сопротивление было окончательно сломлено⁶¹⁾.

⁵⁷⁾ Edige Kirimal, Der nationale Kampf der Krimtürken, Emsdetten, Westf., 1952, S. 302.

⁵⁸⁾ Н. Н. Поппе, Положение буддийской церкви в СССР, Вестник Института по изучению истории и культуры СССР, № 5 (12), 1954, стр. 43, 46.

⁵⁹⁾ Kirimal, ук. соч., стр. 295.

⁶⁰⁾ Baymirza Hayit, ук. соч., стр. 309.

⁶¹⁾ Kolarz, ук. соч., стр. 141.

Как известно, Советы являются особенно яркими врагами Католической Церкви. Причиной этого является исключительно враждебное отношение Ватикана к принципам коммунизма и его абсолютное отрицание последнего, как безбожной и антихристианской системы. Известно, что Католическая Церковь особенно нетерпима по отношению к каким бы то ни было сектам и ересям, не говоря уже о безбожии. Поэтому Католической Церкви приходится в СССР еще тяжелее, чем ряду других религий. К этому следует добавить, что Католическую Церковь особенно трудно использовать для какой-либо советской пропаганды, гораздо труднее, чем другие религии. Например, Советам удается использовать в своих целях московского патриарха. Достаточно вспомнить все его обращения и воззвания во имя сохранения мира, за атомное разоружение и т. д. Точно так же Советы восстановили до известной степени права магометанской религии в СССР. «Советские» муфтии и муллы ездят в Пакистан, Египет и другие арабские страны и вольно или невольно ведут просоветскую пропаганду.

Значительное место в советской политике по отношению к отдельным национальностям занимает геноцид, т. е. преднамеренное и планомерное уничтожение народа, как такового, и притом — в целом. Если повседневный террор ГПУ—НКВД—МВД направлен против отдельных личностей или целых социальных групп, «кулачества», например, которым навешивается ярлык «врагов народа», то геноцид применяется по отношению к целым народам, которые объявляются «врагами народа», включая старцев и новорожденных младенцев. Геноцид — это организованное истребление целого народа. Преступление тех, по отношению к которым применяется геноцид, заключается только в том, что они принадлежат к определенной национальности, чем либо навлекшей на себя немилость. Наподобие того, как в Бухенвальде или Дахау сажали людей в газовую камеру только за то, что они были евреями или цыганами, точно так же немцев Поволжья или калмыков подвергли геноциду только за то, что они принадлежат к народам, «коллективно провинившимся» перед советской властью.

Прежде всего известно, что значительный процент населения вновь присоединенных областей депортирован в отдаленные области СССР. Например, когда осенью 1939 г. к СССР были присоединены Западная Украина и Западная Белоруссия, а летом 1940 г. — все три балтийские республики, то там произошли массовые аресты с последующей высылкой в Сибирь и Среднюю Азию⁶²⁾. В одной только Эстонии в 1940 г. было расстреляно две тысячи чел., а 10 000 чел. были отправлены в Сибирь⁶³⁾.

Во время второй мировой войны Советы уже в августе 1941 г. «профилактически» выслали в «отдаленные области» Казахстана и Сибири все немецкое население Республики немцев Поволжья и Северного Кавказа. Немцы были погружены на бержи и отправлены в Красноводск, откуда они продолжали дальнейший путь пешком. Большинство их погибло. Этим, вероятно, объясняется тот факт, что в недавнем указе Верховного Совета, восстанавливающим некоторые упраздненные автономные республики, о нем-

62) Г. Ващенко, «Визволення» Західньої України більшовиками, Український збірник, книга I, Мюнхен, 1954, стор. 77.

63) The Estonians, Human Relations Area Files, Inc., New Haven, Conn., pp. 64—65.

цах не сказано ни слова. Точно так же все калмыки были в 1943 г. выселены из их республики. Такая же участь постигла и крымских татар⁶⁴). Карачаевцы, балкары, ингуши и чеченцы не миновали этой участи, тоже пав жертвой геноцида.

5.

Подведем итоги. Политика по отношению к разным национальностям проводится Советами одними и теми же методами. Нельзя сказать, чтобы одна какая-либо национальность имела больше прав, чем другая. Грузин или украинец может быть выбран в Верховный Совет точно так же, как узбек или белорус может стать членом правительства. Калмык Ока Городовиков был полным генералом, инспектором кавалерии Красной Армии — на таких же правах, как украинец Доватор, командовавший одной из армий во время последней войны. Нельзя также сказать, чтобы одна какая-нибудь национальность преследовалась и угнеталась больше, чем какая-либо другая. Казахи не могут пожаловаться на то, что им живется, в целом, хуже, чем, скажем, бурят-монголам. Белорусы угнетаются не больше, чем украинцы. Правда, калмыки и немцы Поволжья, крымские татары, карачаевцы и балкарцы, чеченцы и ингуши были высланы в «отдаленные края» и ликвидированы, как национальные группы, в то время как грузины или литовцы, белорусы или марийцы, как национальные группы, ликвидированы и в общей массе сосланы не были. Но это объясняется не тем, что Советы «любят», скажем, грузин, литовцев, белорусов или марийцев больше, чем калмыков или крымских татар. Объясняется это исключительно тем, что некоторые национальности «коллективно провинились» перед Советами — в большей степени, чем другие народы. Если бы осетины имели во время последней войны возможность соприкоснуться с немецкими оккупантами и если бы они предприняли попытку освободиться от советской власти в таких же масштабах, как эти попытки были предприняты карачаевцами, калмыками или крымскими татарами, то и они были бы полностью сосланы до последнего старика и старухи. Геноцид и физическое истребление ряда народов вытекают не из особой ненависти большевиков к некоторым народам, как своего рода «унтерменшам», но являются коллективной карой, напоминающей до известной степени ликвидацию «кулачества как класса». При ликвидации «кулачества», как социальной группы, во многих случаях были физически уничтожены люди, лично ни в чем не виноватые. Также и геноциду подверглись заодно и те карачаевцы и калмыки, которые лично в рядах германской армии не состояли и не служили в полиции, организованной немцами. Советский геноцид представляет собой нечто иное, нежели нацистская расовая политика. Они основаны на разных принципах, хотя внешние результаты во многих случаях сходны.

К сказанному следует добавить, что геноцид применяется Советами, главным образом, к сравнительно немногочисленным народам. При всем желании, может быть, большевиков сослать всех украинцев и физически их уничтожить, сделать они этого с сорокамиллионным народом не могут. Поэтому тут они ограничиваются истреблением интеллигенции и потенциально опасных элементов.

⁶⁴) Kirimal, ук. соч., стр. 327.

Несмотря на геноцид, мы не можем установить, однако, каких-либо элементов расовой дискриминации в СССР. Действительно, коллективизация сельского хозяйства, «обоседление» кочевников, промышленное строительство, преследование религии, разрушение национальных культур и замена их советской, коммунистической культурой — «по содержанию социалистической» и т. д., — все это коснулось всех народов СССР в одинаковой степени, как коснулся их и террор НКВД—МВД.

Когда говорят о национальной политике Советов, имеют в виду их политику по отношению к невеликорусскому населению СССР. Это понятно, так как великороссы составляют абсолютное большинство населения СССР, — численность их в 1941 г. составляла 99 млн. с лишним, т. е. 50% всего населения. Русские являются наиболее многочисленным народом, господствующей, так сказать, национальностью. Но каково положение этой «господствующей» национальности? Каково отношение к ней советской власти? Можно ли сказать, что Советы дали какие-либо привилегии русским и разрешают им то, что запрещается другим народам СССР? Находятся ли русские на положении «герренфолька» в противоположность к «унтерменшам»? Может ли русский крестьянин какой-нибудь Рязанской или Тамбовской области иметь свое индивидуальное хозяйство с гарантией, что его никогда не погонят в колхоз и что его самого никогда не «раскулачат»? Имеет ли русский рабочий какого-нибудь Сормовского паровозостроительного завода какие-либо преимущества перед рабочим-украинцем, предположим, Никопольского трубочного завода? Имеет ли русский профессор Ленинградского университета возможность не считаться с партийными установками и писать свои труды так, как он считает это правильным? Академики С. Ф. Платонов, Е. Ф. Карский и Н. И. Вавилов, русские по рождению, были точно также ликвидированы, как и М. С. Грушевский или В. А. Перец. В концлагерях СССР русских не меньше, чем представителей других национальностей. — хотя бы уже потому, что русские опять-таки самая многочисленная национальность в СССР.

Таким образом, нашим вторым выводом является то, что советская политика в отношении хозяйства и культуры нерусских народов СССР в принципе не отличается от той же политики в отношении великороссов. Русский, попадающий в Казахстан, — не завоеватель, не конквистадор, он, в большинстве случаев, попадает туда против своей воли, как ссыльный или принудительно командированный.

Отсюда вытекает, что у Советов, до известной степени, нет национальной политики, отличной от политики в областях с чисто русским населением. Если в Канаде и Соединенных Штатах Америки теперь огромные территории представляют собою заповедники — резервации для индейцев, где ни одному белокожему не разрешается селиться, охотиться или заниматься рыбной ловлей, где могут жить только индейцы, находящиеся под защитой особых законов, то в СССР таких законов, которые охраняли бы территории казахов или бурят-монголов от коллективизации, колонизации и от организации на них концлагерей, нет. Если остающиеся за Великобританией колонии управляются особыми законами, охраняющими туземцев от произвола белого населения, то законов, охраняющих коренное население Средней Азии, Кавказа или Украины от произвола органов, насильно ломающих веками установившийся порядок, от террора НКВД-

МВД и т. д., нет. Советская политика, будь то по отношению к нерусским, или великороссам, является насильственной стрижкой под одну гребенку, т. е. тоталитарной «гляйхшальтунг».

Правда, необходимо заметить, что насильственная стрижка происходит под гребенку, созданную Советами в первую очередь для русского народа. Нельзя отрицать, что советская власть использует все «русское» в своих целях. Столица РСФСР является в то же время столицей всего Советского Союза. В языки народов СССР вводится множество русских слов, национальные писатели и художники должны учиться у своих русских собратьев. Но, спрашивается, чему учиться? Великим ли идеям Толстого или гуманизму Достоевского? Конечно, не этому, а пресловутому «социалистическому реализму», навязанному русской литературе антинародным коммунизмом. «Братская помощь великого русского народа отсталым народам бывших окраин царской России» подчеркивается на каждом шагу. Наблюдается известная русификация, отчасти вытекающая из того, что русский язык является единственным языком, общим всем народам СССР — от Камчатки до Восточной Пруссии. Все это приводит к тому, что большевизм невольно отождествляется, подчас, на Западе с русским народом, в то время как последний тоже является жертвой коммунизма.

При «коллективном руководстве» произошли некоторые перемены. «Развенчание» Сталина и начатая «борьба с культом личности» имели последствием восстановление некоторых республик, упраздненных при Сталине, например, Калмыцкой, Чечено-ингушской и т. д. Калмыки, чеченцы и другие народы-изгнанники получили разрешение вернуться в родные места, и большая часть выживших из их числа воспользуется, вероятно, этим правом. А такое недавнее событие, как устранение из «коллективного руководства» Молотова, Маленкова, Кагановича, Шепилова и других, окажет, вероятно, влияние и на национальную политику Советов. Возможно, что в связи с децентрализацией управления промышленностью удельный вес национальных элементов в республиках слегка увеличится, что коммунизм там примет более национальный характер, особенно ввиду перемен, происшедших в Польше, и ввиду хрущевского заявления о возможности разных путей к коммунизму. Это тем более возможно, что в национальных республиках уже наметился новый курс в так называемом культурном строительстве. Все больше, в частности, подчеркивается «великое прошлое» отдельных народов, а для придания этому прошлому большего величия, фальсифицируется история. Фирдоуси и Омар Хаям, например, объявлены таджикскими поэтами, а Алишер Навои — узбеком. Такая фальсификация имеет успех, особенно в националистических кругах местной советской интеллигенции. Все это является, несомненно, признаком каких-то изменений внутри советской системы, если не ее разложения. Происходящее в Центре не может не отразиться на национальных республиках. Однако из этого еще не следует, что мы находимся накануне развала советской империи. Пока даже сателлиты еще находятся в орбите Москвы. Уступки, делаемые им Советами, едва ли полностью коснутся когда-либо союзных и автономных республик. Тем более трудно ждать скорого «отторжения» этих республик от СССР.

Выступление д-ра С. И. Станкевича
по докладу проф. д-ра Н. Н. Поппе.

В своем интересном и ценном докладе проф. Н. Н. Поппе дал глубокий анализ национальной политики Советского Союза на протяжении сорокалетнего существования большевистского режима и проиллюстрировал эту политику на большом количестве примеров и фактов из жизни разных народов Советского Союза. Освещение национальной политики Советов в области экономической, государственно-правовой, религиозной, в области внутренней политики и культурного строительства дало нам полную картину этого важного вопроса во всех его главных аспектах, насколько это было возможно в кратком докладе. Аналитическая часть доклада не вызывает никаких возражений, однако я не могу целиком согласиться с его синтетической частью, т. е. с некоторыми его выводами из проанализированного материала.

Вопреки уже сложившемуся на Западе мнению и, в частности, вопреки не вызывающим никаких сомнений утверждениям предыдущего докладчика, проф. д-ра Маураха, что в практическом осуществлении советской национальной политики «русский народ (великороссы) все ярче обрисовывается в роли доминирующего носителя государственности» и что «удельный вес других народов падает до уровня национальных меньшинств», — проф. Поппе не находит никакой существенной разницы в советской национальной политике по отношению к нерусским народам и русскому народу. Свой доклад проф. Н. Н. Поппе закончил образной фразой: «Советская политика, будь то по отношению к нерусским, или великороссам, является насильственной стрижкой под одну гребенку, т. е. тоталитарной «глайхшальтунг».

Это утверждение проф. Поппе вполне соответствовало бы действительности только в том случае, если бы оно содержало одно очень существенное дополнение, а именно, что эта «стрижка под одну гребенку» или «тоталитарная глайхшальтунг» осуществляется на русской базе. А в этом и заключается главная сущность национальной политики Советского Союза.

Я лично вовсе не утверждаю, что политика сплошной русификации по отношению к нерусским народам лежит в интересах русского народа и вытекает из его национальных стремлений. Наоборот, современные русификационные тенденции прежде всего надо связывать с политическими устремлениями советского режима, как в дореволюционной России эти же тенденции вытекали из политических соображений царского режима, не взирая на то, что методы русификационной политики в дореволюционную эпоху и после революции были совсем разные и часто противоположные.

Конечной целью коммунизма является слияние всех наций в одну мировую нацию с одной мировой культурой и одним мировым языком. Это главное теоретическое положение коммунизма практически осуществляется на наших глазах на протяжении 40 лет на территории Советского Союза в форме создания из отдельных народов и национальных групп единой советской нации. Но это искусственное формирование советской нации и искусственное культивирование советского патриотизма осуществ-

вляется, главным образом, на базе русского патриотизма, русской культуры, русской истории и даже русского языка, вопреки теоретическим установкам, что общесоветская культура должна впитывать в себя прогрессивные элементы национальных культур всех народов СССР.

Вопрос о том, является ли русификация нерусских народов сознательной целью большевизма, целью самой в себе, или же только средством для достижения другой цели, или, как выражается проф. Поппе, она служит для «скорейшего внедрения коммунизма в хозяйственную, политическую и культурную жизнь народов СССР», это вопрос чисто теоретический. Но его практическая сущность одна и та же.

Этот русификационный процесс и ориентирование нерусских народов на русский народ, как на передовую и ведущую нацию, были неотъемлемой частью советской национальной политики на протяжении всего существования советского режима. Не был свободен от этих тенденций даже период 20-х годов, когда официально обязывал выдвинутый X съездом РКП(б) лозунг: «великодержавный шовинизм — главная опасность на данном этапе», — так как в то время никто из носителей этой «главной опасности» не пострадал, зато и впредь проводилось давление против национально активных элементов из нерусских, хотя бы они в своих национальных стремлениях дальше признанных партией концессий в национальной области и не шли.

Таким образом, сущность этого лозунга была исключительно декларативной. Она вытекала из установок Ленина в национальном вопросе, высказанных им еще в дореволюционное время. В своих письмах к кавказским большевистским деятелям — С. Шаумяну, в 1913 г. («Ленинский сборник», III, под редакцией Л. Б. Каменева, М.—Л., МСМХХV, стр. 471—72) и Кикнадзе, в 1916 г. (там же, стр. 477—78), высказываясь за русификацию непринудительным путем, так как, по его мнению, экономические связи будут способствовать этой русификации, он определенно выступал против грубой принудительной русификации, против «черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожителства» (там же, стр. 472—73). В таком же значении надо понимать и термин «великодержавный шовинизм», который, благодаря грубой форме внедрения русификации, вызывал противоположное действие — «местный буржуазный национализм».

Когда же в конце 20-х и в начале 30-х годов этот лозунг был подменен лозунгом — «местный буржуазный национализм — главная опасность на данном этапе», русификация начинает проводиться совсем открыто и даже силою полицейского террора. Известный тост Сталина после окончания войны, произнесенный за «великий русский народ», открывает период еще более усиленного и доведенного до крайних пределов ориентирования нерусских народов на «великий русский народ» и его культуру. Начиная с XX съезда партии, официально подчеркиваются обе опасности — «буржуазного национализма» и «великодержавного шовинизма», но на практике проводится борьба только с первой опасностью.

Формула — «Культура — национальная по форме, социалистическая по содержанию» — будто бы должна определять сущность советской национальной политики: все народы Советского Союза при посредничестве своей национальной формы, главным образом своего национального языка, дол-

жны стремиться к единому социалистическому или советскому содержанию. Эта формула обычно принимается на Западе в ее буквальном смысле. Но это не совсем верно.

Дело в том, что эта национальная форма — язык, как средство к более успешному и скорейшему достижению социалистического содержания, является лишь только временным средством, необходимым только на данном этапе достижения некоторой степени советизации. Начиная с 30-х годов все время усиливается поход против национальной формы, осуществляется постепенное сужение этой формы с тенденцией полного ее уничтожения.

Проф. Поппе обратил внимание на принудительную русификацию языков тюркских народов СССР, которая проводится путем внедрения в эти языки чуждой им русской терминологии. Но процесс русификации лучше всего наблюдать на примерах славянских языков — белорусского и украинского, как родственных русскому языку. В области лексики все эти языки имеют большое количество общих слов, но и не меньшее количество слов, тоже славянского происхождения, которые, однако, русскому языку неизвестны. На практике происходит постепенный, но быстрый процесс устранения из белорусского и украинского языков всех тех слов, которые не встречаются в русском языке, и механическая замена их русскими словами, раньше не употреблявшимися в украинском и белорусском языках. Если к этому прибавить, что в начале 30-х годов правительственными реформами и позднейшей практикой были в значительной мере русифицированы фонетические и морфологические особенности белорусского и украинского языков, что в эти языки постепенно вводятся чуждые им русские синтаксические конструкции, то мы, в конечном итоге, будем иметь дело с определенной тенденцией, ведущей к постепенной ликвидации этих языков.

Причем этот процесс проводится вполне сознательно. Межреспубликанская конференция по улучшению преподавания русского языка в нерусских школах союзных республик, состоявшаяся в Ташкенте в августе 1956 г., пришла к заключению, что русский язык не только «является для всех советских народов вторым отечественным языком, одним из важнейших средств укрепления дружбы народов, культурного обмена», но, наряду с этим, и средством «подъема национальных культур и науки, средством словарного обогащения всех языков» («Литературная газета», 1. 9. 1956).

Наряду с прямой русификацией, русификационный процесс попутно осуществляется и при помощи ряда других мероприятий, среди которых особенно большую роль играют в этом смысле все принудительные и «добровольные» переселения по всей необъятной советской территории. Проф. Поппе указал, что в силу этого явления, например, казахи в настоящее время составляют мене 50% населения Казахстана. Подобное явление можно наблюдать и в целом ряде других союзных и автономных республик. Нельзя не согласиться с проф. Поппе, что «глубоко неверно рассматривать этот процесс как вторжение или нашествие русских элементов», так как среди пришельцев имеется большое количество и других национальностей и все они очутились там, главным образом, в принудительном порядке. Но при существующих в Советском Союзе условиях, нерусские, попавшие на территорию других народов, не обязательно на этнографически русскую территорию, рано или поздно обречены на русификацию, и наоборот, —

все русские, переселившись на территорию нерусских народов, благодаря тем же условиям, не только не попадают под угрозу ассимиляции, но и являются, преимущественно не по своей вине, носителями русификации коренного населения.

И, наконец, в дополнение к докладу проф. Поппе, несколько замечаний о последних проявлениях советской национальной политики, обнаружившихся на XX съезде партии и в послесъездовский период.

Наряду с другими признаками смягчения и либерализации политического курса в связи с развенчанием Сталина и осуждением культа личности, обнаружилась тенденция такого же смягчения и в области национальной политики. В частности, в резолюции XX съезда сказано: «социализм не только не устраняет национальных различий и особенностей, а, наоборот, обеспечивает всестороннее развитие и расцвет экономики и культуры всех наций и народностей. Партия должна и впредь самым внимательным образом учитывать эти особенности во всей своей практической работе» (Из резолюций съезда, «Правда», 25. 2. 1956 г.). На этом же съезде были высказаны пожелания о необходимости ревизии взглядов на историческое прошлое нерусских народов в направлении дефальсификации истории этих народов.

Но, несмотря на это, и по сегодняшний день остались обязующими санкционированные партией «История Белорусской ССР», «История Украинской ССР» и такие же «истории» других союзных республик, которые являются сплошной фальсификацией истории этих народов или подменой ее историческим процессом русского народа.

Выдвинутый XX съездом принцип построения социализма с учетом национальных особенностей и некоторая либерализация политического курса вызвали в национальных республиках ревизионистские стремления, главным образом в области национальной культуры. Эти стремления проявились в требованиях реабилитации культурных деятелей и писателей, которые были осуждены как «буржуазные националисты», прекращения русификации национальных языков, большего внимания к культурным ценностям этих народов и вообще в требованиях большей свободы для развития национальной культуры.

Несмотря на то, что такие требования не выходили за пределы директив XX съезда, они в скором времени были осуждены, как проявления «буржуазного национализма». Еще в конце 1956 г. партийное собрание Союза советских писателей Украины, состоявшееся 3 декабря в Киеве, строго осудило такие проявления «буржуазного национализма» среди некоторых украинских писателей, как «стремление подорвать дружбу между народами» («Правда», 4. 12. 1956). Также и в Белоруссии все подобные ревизионистские тенденции были приведены к общему знаменателю «буржуазного национализма», против которого на 3-м пленуме правления Союза советских писателей Белоруссии 19 марта 1957 г. первый секретарь ЦК КП Белоруссии Т. Мазуров выдвинул следующее обвинение: «Буржуазные националисты, изменники Родины являются злейшими врагами строительства социализма в нашей стране. Они являются агентами американского империализма. Националистов — этих предателей своего народа — американская разведка использует в своих грязных делах. Поэтому нам нужно быть бдительными и давать решительный отпор всяческим проявлениям буржуазного национализма» («Советская Белоруссия», 21. 2. 1957).

Таким образом, высказывания и постановления XX съезда в пользу нерусских народов имели, как и все предыдущие декларации по национальному вопросу, исключительно декларативный характер, рассчитанный на определенный пропагандный эффект.

Поэтому нет никаких серьезных оснований верить официальным советским заявлениям, что последние хрущевские мероприятия по реорганизации руководства промышленностью и строительством имеют в виду расширение прав союзных республик. Нет тоже никаких оснований серьезно рассматривать обвинение Молотова, Маленкова и Кагановича в том, что они препятствовали расширению прав союзных республик и их культурному развитию, и надеяться, что после свержения этой «антипартийной группы» будут какие-либо изменения в пользу нерусских народов.

Самый последний этап советской национальной политики, начавшийся после XX съезда, все же дает нам возможность сделать один важный вывод: очень острое реагирование на указанный нами большой сдвиг в среде интеллектуалов и писателей нерусских народов и их требования большей свободы для национального творчества в достаточной мере свидетельствуют о серьезной опасности национальных стремлений поработанных народов для большевистского режима.

В дискуссии по докладу проф. д-ра Н. Н. Поппе приняли, кроме того, участие следующие лица: Н. Я. Галай (Германия), проф. Зеки Велиди Тоган, д-р Тагир Джагатай (Турция), проф. Н. И. Осипов (Германия), д-р Р. Ю. Якемчук (Бельгия), Абдул Вахаб Юрцевер (Турция), князь В. Святополк-Мирский, проф. Т. Давлетшин, проф. Н. Х. Вальтерс (Австрия), Джейхун-бей Хаджибейли (Франция), ред. П. С. Поляков, д-р А. Юсуф-Оглы (Германия), проф. С. И. Гольдельман (Израиль), проф. д-р Болько фон Рихтгофен.

Председательствует проф. д-р **Н. Н. Поппе**.

Проф. **Фредерик Ц. Баркгорн**: доклад —

МАРКСИСТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И СОВЕТСКАЯ ДЕЙТЕЛТЕЛЬНОСТЬ

(Перевод с английского).

Целью моего доклада является проверка обоснованности утверждений сегодняшних руководителей Советского Союза о том, что «социалистическая» программа Карла Маркса в основном осуществлена в России. Это — сложный вопрос, хотя не более трудный, чем некоторые другие вопросы, связанные с исследованием Советского Союза, руководители которого не публикуют многих данных, нужных для объективного исследования. Мы займемся, главным образом, социальным, хозяйственным и, в особенности, политическим аспектом предмета.

Советские руководители уверяют, что они являются успешными последователями социализма Маркса. В этом отношении типично заявление в «Правде», от 7 октября 1956 года, подписанное Инессой Арманд, что учение Маркса и Энгельса, «развитое в новой исторической обстановке в трудах В. И. Ленина, в резолюциях Коммунистической Партии Советского Союза и других стран, прошло большое историческое испытание в победоносном строительстве социализма в нашей стране...». Все-таки следует иметь в виду, что в границах уделяемого им внимания Маркс и Энгельс заслонены Лениным. Хрущев в своем официальном выступлении на XX съезде партии упомянул Маркса раз или два, тогда как, касаясь или ссылаясь на Ленина, он упомянул последнего десятки раз. Сейчас Марксу уделяется больше внимания, чем это было в позднем сталинском периоде, и издается второе советское издание его трудов. Едва ли можно сомневаться в том, что увеличенное внимание к Марксу и замена Сталина Лениным, как главным символом власти, имели одной из своих целей возрождение силы советской «социалистической» идеологии, престиж которой потерял вес за период сталинского самодержавия.

Оценка «социалистического строительства» в России возбуждает сегодня особенный интерес. Значение идеологических вопросов будет возрастать в эпоху, в которой сила научных средств разрушения все более делает применение методов насилия в большом масштабе неразумным, а в мировых размерах даже самоубийственным.

Тогда, как западные общественные науки отрицают марксистскую мысль, как, в целом, несущественную для мировых вопросов современности, которой Маркс не мог и во сне видеть, — учение его еще находит отклик среди народов и групп, особенно в Азии, живущих в условиях, похожих или кажущихся похожими на те, против которых Маркс направил свою ненависть. Это доказывает, что политически недовольные советские деятели выводят свои инспирации «из марксистской традиции» в ее настоящем «ленинском» и социал-демократическом варианте и что обеспокоенные современным положением желают реформ «в пределах социалисти-

ческой системы»¹⁾. Наконец, некоторые из самых способных западных мыслителей недавно повторили, что Маркс заслуживает уважения и благодарности со стороны гуманистов и демократов за его борьбу против социальной несправедливости²⁾.

Я того мнения, что в интеллектуальном отношении примитивно, а в политическом неразумно быть не критическим антимарксистом или промарксистом. Можно быть социалистом, не будучи марксистом. Иногда можно быть даже марксистом, не будучи социалистом. Конечно, можно признавать некоторые положения Маркса и Энгельса и отрицать советскую систему в ее сегодняшнем виде. С другой стороны, быть может, можно надеяться, что демократические силы России постепенно придут к убеждению, что, дабы осуществить положение, за которое, как им казалось, сражались Маркс и Энгельс, должны быть проведены радикальные изменения в советской политической системе. Наконец, конституционные демократы, не будучи марксистами, будут пытаться убедить себя, что когда-либо народы Советского Союза примут западную точку зрения о Марксе, как о воинствующем моралисте и смелом и оригинальном мыслителе, чье наследство эксплуатируется, чтобы оправдать деспотизм, который едва ли нашел бы у Маркса одобрение для себя. Когда это время придет, будет преобладать «идеологическая коэкзистенция», если только не возникнут новые источники конфликтов. Могут смениться поколения, пока советский народ сможет обойтись без мифа «марксизма-ленинизма», так как он, — хотя, быть может, это его не удовлетворяет, — мыслит марксистскими категориями. Кажется вероятным, что в конце концов в советской России наступит первая фаза перехода от диктатуры к демократии в пределах некоторого рода марксистских рамок.

Некоторые из мер и методов, сторонниками которых являлись Маркс и Энгельс, как экспроприация частного капитала, установление «диктатуры пролетариата» и пр., были применены в России Лениным; но ясно, что цели и положения, которые исповедывали Маркс и Энгельс, вообще не могут быть осуществлены. Собственно говоря, они были осуществлены в гораздо больших размерах в «капиталистических» Соединенных Штатах, чем в «социалистической» России. Программа-минимум Карла Маркса требовала введения настоящей политической демократии. К сожалению, как мы докажем сейчас более детально, ему не удалось заметить достаточно ясно, что продолжительное существование здоровой политической демократии является абсолютным существенным моментом в достижении его максимальной цели — социализма. Оставляя в стороне вопрос о возможности или желательности социализма, считаю, что его нельзя создать без эффективной конституционной демократии.

Не может быть сомнений в том, что одним из главных требований Маркса было освобождение личности от ограничений, которые налагал на нее социальный строй, существовавший в Европе во времена Маркса. Если бы не это, тогда действительная концепция социализма превратилась бы в бессмыслицу. Если социализм что-то означает, так он должен означать увеличение прав, свобод и возможностей индивидуумов, которые,

1) S. V. and P. Utechin, *Patterns of Non-conformity*, „Problems of Communism“, vol. VI, No. 3, May—June, 1957, p. 29.

2) John Plamenatz, *German Marxism and Russian Communism*, London, 1954; Karl R. Popper, *The Open Society and Its Enemies*, Princeton, 1950.

взятые вместе, образуют общество. Маркс боролся всю жизнь против господства государства над обществом. Он расходился с другими радикалами XVIII и XIX столетий в их понимании процесса и средств, при помощи которых могло бы произойти освобождение общества от угнетения милитаристским и бюрократическим государством. Однако он разделял веру XVIII и XIX столетий в добрые свойства человека и в его способность к индивидуальному совершенствованию. Это видно из следующего его замечания:

«Нужно в первую очередь избегать понимания общества как абстракции, противопоставленной индивидууму. Индивидуум — это социальное существо (*das gesellschaftliche Wesen*). Проявления его жизни... есть поэтому проявления и свидетельствования жизни общества»³⁾.

Маркс и Энгельс изложили свою минимальную демократическую программу в «Коммунистическом манифесте», изданном в январе 1848 г. Здесь они предлагали, между прочим, высокий прогрессивный подоходный налог, централизацию кредита в руках государственного банка, свободное общественное воспитание и некоторое число основательных реформ, как, например, отмена права на наследство⁴⁾.

После перечисления этих требований, Маркс и Энгельс установили, что, если только классовые различия будут устранены и производство сосредоточится в руках «общественных индивидуумов», — политическая власть «потеряет свой политический характер». Они добавляли, что политическая власть была «организованным насилием одного класса, который для своих целей подчинил другие классы». На основании этой наивной веры, что разрушение капиталистического «классового» общества автоматически решит политические вопросы или по крайней мере установит первую фазу в их решении или устранении, Ленин изложил в 1917 г. свою полуанархическую точку зрения безгосударственного и бесклассового общества в книге «Государство и революция». Как недавно очень точно указал Леонард Шапиро, Ленин не позволил этой утопической идее помешать его очень умелой политической практике, которая с самого начала была централизованным деспотическим правлением.

В 1921 г. был установлен один из фундаментов позднейшего сталинского самодержавия⁵⁾. Конечно, Ленин имел дело с чрезвычайно различными вопросами, и он обнаружил смелость и ловкость взяться за них. Но остается факт, что он оставил Россию гораздо менее свободной, чем она была до его прихода к власти.

Из трудов Маркса и Энгельса, а также Ленина до захвата им власти в октябре 1917 г., следует, что они понимали социализм с включением демократии. Она должна была иметь преимущества перед «буржуазной демократией», но включать в себя все права и свободы, которые являлись достижениями в «буржуазном гражданском обществе». Важно обратить внимание на этот факт, так как позднейшая советская идеология, особенно в той форме, которую представляли Сталин и Вышинский, доказывала,

³⁾ Herbert Marcuse, *Reason and Revolution*, 2nd ed., New York, 1954, p. 283. Маркюз приводит эту цитату из *Oekonomisch-philosophische Manuskripte* (1844), в *Marx und Engels Gesamtausgabe*, Marx-Engels Institut, B. III, Berlin, 1932, S. 117.

⁴⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Коммунистический манифест*, Москва, 1930, стр. 41—42.

⁵⁾ Leonard Schapiro, *The Origin of the Communist Autocracy*, London, 1955.

что советский социализм был чем-то единственным и высшим в сравнении с капитализмом и что их «советская демократия» в ее действительном существе была выше своей «буржуазной» противоположности, которую в СССР на деле часто поносили не менее фашизма. Хотя Ленин, в его понимании «профессионального революционера» и в понимании «демократической диктатуры», опирающейся на волю подавляющего большинства населения, ввел одно из самых важных отклонений от классического марксизма задолго до 1917 г., он стремился, как подчеркивает Бертрам Д. Вульф, установить «подлинную демократию, как только закончится гражданская война и будет дана временному правительству возможность созвать Учредительное Собрание, которое примет новую конституцию и создаст новое конституционное демократическое правительство» ⁶).

С того времени, когда Ленин, в январе 1918 г., разогнал избранное демократическим методом Учредительное Собрание, народы России не имели легальных возможностей выразить свою волю и контролировать правительства, поставленные над ними коммунистами. Если это была «борьба за социализм» в Советском Союзе, то народ участвовал в ней скорее как объект, а не как субъект. Много существенных элементов в политике Ленина, Сталина, Маленкова и Хрущева можно понять как отображение этого факта. «Монолитная» организация власти, существование всесильной политической полиции, постоянные требования идеологического единomyслия, выработанная система контроля над общением, особенно между советскими гражданами и иностранцами, — все это указывает, что советский режим всегда был убежден в существовании потенциальной или скрытой оппозиции к власти.

Со времени образования Советского Союза его население пользовалось в меньшей мере «элементарными свободами», как Сталин обыкновенно снисходительно выражался, чем граждане «капиталистических» стран. И еще, довольно странно, Сталин объявил в 30-х годах, что в СССР социализм «в основном осуществлен», а сегодня Хрущев и его коллеги уверяют, что Советский Союз находится в постепенном «переходе к коммунизму». Здесь будет уместно обратиться к Марксову определению социализма и коммунизма. Оно было изложено Марксом в письме, адресованном В. Бракке в мае 1875 г. и изданном Энгельсом в 1891 г. Заметки Маркса к программе, принятой «немецкой рабочей партией», стали известны как «Критика Готской программы». В этих замечаниях Маркс утверждает, между прочим, что в первой фазе коммунистического общества, которую он называет социализмом, индивидуальный производитель будет получать от общества, после вычета на амортизацию средств производства, на социальное обеспечение и т. п., «точно то, что он ему дает». Однако Маркс замечает, что социалистическая фаза будет представлять коммунистическое общество так, как оно возникло из капиталистического общества, «еще закладываясь родимыми пятнами старого общества, из недр которого оно возникло». В высшей стадии коммунистического общества, после того, как исчезнет различие между умственным и физическим трудом, общество напишет на своем знамени: «От каждого по его способностям, каждому по его потребностям!» ⁷).

⁶ Bertram D. Wolfe, *Three Who Made A Revolution*, New York, 1948, p. 292.

⁷ K. Marx, *Kritik des Gothaer Programms*, Berlin, 1946, Ss. 20—21.

Трудно видеть, как применяется сегодня в Советском Союзе концепция Маркса, хотя бы о «социалистической стадии коммунизма», и еще труднее вообразить себе переход к «высшей» стадии коммунизма в будущем.

Недоумение увеличивается, если привести ссылку на Сталина, который в своем докладе на XVIII съезде партии в 1939 г. и еще где-то объявил, что все более усиливающееся государство будет продолжать существовать в Советском Союзе даже при полном коммунизме, пока СССР будет находиться в «капиталистическом окружении». Хотя Хрущев в своем докладе на XX съезде партии делал намеки, что враждебное окружение СССР — дело прошлого, все-таки сталинское изречение относительно продолжительного существования государства и при коммунизме, очевидно, не потеряло своей силы ⁸⁾.

Можно полагать, что Маркс и Энгельс чувствовали бы себя в большей степени дома и, по крайней мере, действовали бы свободнее в таких «капиталистических» странах, как Швеция, Канада, Великобритания или Соединенные Штаты Америки, чем в современном Советском Союзе. Пожалуй, они сочли бы и сегодняшнюю Индию более «социалистической», чем коммунистический Китай. Во всяком случае, не надо иметь глубокого знания социологии или экономики, чтобы понять, что условия в странах с могущественными профсоюзами, разнообразием конкурирующих между собой политических партий, с хорошо закрепившимися гражданскими свободами и с круто поднимающимся подоходным налогом гораздо более приближают эти страны к минимальной или максимальной программе Маркса, чем это имеет место в странах, где забастовки не разрешены и считаются преступлением и в которых максимальный подоходный налог не превышает 15%. Прошлым летом я, впервые после 1947 г., посетил Советский Союз. Меня очень любезно встретили должностные лица, с которыми я имел беседу. Руководствуясь опытом, я убежден, что укрепление связей между западными и советскими экспертами и специалистами могло бы принести большую пользу. Раз или два я поспорил с советскими должностными лицами, — это была моя ошибка. Я несколько вышел из границ вежливости, с которой тогда должностные лица относились к иностранным гостям. Тем не менее, как полагаю, мой некоторый опыт очень ярко иллюстрирует разницу между советским и современным «буржуазным» пониманием демократии и свободы. Так как я оспариваю, что социализм, как его понимали Маркс, Энгельс и Ленин, мог бы осуществиться без введения, по крайней мере, минимума демократии и гражданской свободы, полагаю, что здесь будет уместно упомянуть о некотором моем опыте прошлого лета.

Однажды, во время завтрака в Московской гостинице, когда пять советских граждан отошли от моего стола и сказали, что они не имеют права сидеть за одним столом с иностранцем, я имел беседу с советскими редакторами на тему о значении свободы. Редакторы защищали точку зрения, высказанную известным советским экономистом Евгением Врагой, согласно которой «рабочие» Соединенных Штатов находятся в кабале «капитала». Когда я указал, что в Соединенных Штатах рабочие имеют право басто-

⁸⁾ Подробное и тщательно документированное исследование отношения между понятиями коммунизма и государства в советском понимании см. у Vernon V. Aspaturian, *The Contemporary Doctrine of the Soviet State and Its Philosophical Foundations*, „The American Political Science Review“, vol. XLVIII, No. 4, December 1954, pp. 1031—1057.

вать, чем они не могли бы воспользоваться в Советском Союзе, один из моих советских собеседников с подлинным ужасом воскликнул: «Вы советуете бастовать против государства?». Несколько раз советские полицейские, приняв меня за советского гражданина, требовали предъявить паспорт. Если советский гражданин посещает иностранца в его помещении в гостинице, составляется протокол для передачи властям. В одном случае я обнаружил, что моего паспорта нет. Паспортный чиновник гостиницы, в которой я остановился, в связи с этим очень взволновался. Он сказал мне: «Я не желал бы побывать 2 или 3 года в плохом месте».

Конечно, положение советского народа после смерти Сталина в некотором отношении улучшилось. Хотя и нет оснований для розового оптимизма, не хотелось бы, чтобы эти строки создавали впечатление, что существует своего рода «тотальная логика», согласно которой судьба свободы в СССР обязательно будет становиться все трагичнее. Тем не менее, в советской системе до сих пор не произошло существенных изменений. В постсталинском развитии выступают своеобразные, обнадеживающие черты, но в целом Советский Союз периода четырех или пяти лет после смерти Сталина напоминает скорее Россию раннего сталинского периода, чем относительно свободную Россию 20-х годов.

Почему, по крайней мере, после смерти Сталина борьба советского руководства за «построение социализма» привела к системе, которую точнее можно определить как государственный монополичный капитализм или даже возрождение феодализма, охарактеризованное одним автором, как «Чингис-хан плюс телеграф»?

Быть может, часть ответа на этот вопрос содержится в определенном смысле в идее Маркса. Непоследовательности и двусмысленности марксизма представляют некоторую выгоду для целей пропаганды, от чего советские руководители получают большую пользу. Привлекательность коммунизма основывается частично на нелогичной комбинации «науки» и этики, детерминизма и пророчества. Эта комбинация отражается в претензиях советских идеологов, когда они говорят о «законе развития общества». В то же самое время марксисты, особенно советские коммунисты, которые претендуют быть самыми ортодоксальными марксистами, безнадежно смешали понятия «фактов» и «ценностей». Как замечает Поппер, тенденцию марксизма можно определить лозунгом: «сила — это право»⁹⁾. При этом желаемое становится неизбежным, а неизбежное кажется желаемым. Противоречие между детерминизмом и волюнтаризмом в марксизме было, может быть, отчасти причиной двух важных тенденций в истории европейского марксистско-социалистического движения до и во время 1-й мировой войны.

Марксисты, считая, что социализм победит неизбежно в результате раскрывающихся «законов общества», могли занять совершенно пассивную позицию в отношении таких опасных явлений, как милитаризм и империализм. С другой стороны, иные, как Ленин, пошли так далеко в направлении волюнтаризма, что пытались формировать «пролетарскую» революцию в обществах, в которых пролетариат далеко еще не представлял большинства населения, тогда как Маркс считал, что именно только при этом условии можно придти к социалистической революции.

⁹⁾ Popper, op. cit., p. 392.

Одним из самых серьезных недостатков ортодоксального марксизма, который, кажется, происходит от его «исторического» характера, есть его индифферентность к самым фундаментальным вопросам политики. В отличие от Джемса Мадисона, который заметил, что «скрытые причины интриг (партий) надо... видеть в природе людей», Маркс и Энгельс считали, повидимому, что борьба за власть начнет терять интенсивность с установлением «диктатуры пролетариата» и прекратится с приходом коммунизма¹⁰). Отношение Маркса, Энгельса и Ленина к проблемам политической теории и политической организации привело впоследствии к применению безответственных фантастических и тиранических мероприятий на практике.

Этот краткий доклад о взаимоотношениях между марксистской теорией и судьбой социализма в России не может быть закончен без нескольких добавочных замечаний. Развивая свое учение о социализме, Маркс имел в виду, главным образом, экономически развитые страны, например, Англию. Он, вероятно, полагал, что построение социализма легальными и мирными средствами возможно только в некоторых высоко развитых странах. Часто делается ссылка на заявление Маркса на Гаагской конференции Первого Интернационала относительно того, что рабочим Англии, Соединенных Штатов и еще, может быть, Голландии следует добиваться своих целей мирными средствами¹¹). В 1886 г. Энгельс писал, что учение Маркса ведет к следующему выводу: «В Европе по крайней мере Англия является единственной страной, где неизбежная социальная революция может быть проведена полностью мирными и легальными средствами». Он, конечно, не забывал добавить, что он едва ли ожидает, чтобы английский руководящий класс подчинился этой мирной и легальной революции без «восстания, подобного восстанию рабов»¹²). Знакомые с ленинско-сталинско-хрущевской точкой зрения относительно перспектив социальных перемен в Британии и Америке заметят, что здесь мы имеем дело с одной из многих советских «ревизий» марксизма.

Совершенно иной, конечно, была концепция Ленина—Троцкого о «перманентной революции», согласно которой Россия и другие «слабые звенья» в системе капитализма могли бы миновать стадию капиталистической демократии и сделать в революции прыжок из «полуфеодального» состояния социального развития к социалистической революции и к строительству социализма. Большинство западно-европейских ортодоксальных социалистов, представляемое такими теоретиками, как Карл Каутский, а также, конечно, и «ревизионисты» под руководством Бернштейна, доказывают, что большевики, выражаясь словами Бернштейна, — «пренебрегли экономическим учением Маркса, перескакивая к социализму в России, в стране, которая в капиталистическом развитии находится на гораздо более низком уровне, чем западные страны»¹³). С другой стороны, Е. Г. Карр показал, что для «формирования определенного типа социалистических или даже

---

¹⁰ Цитата из Мадисона — Robert A. Dahl, *Marxism and Free Parties*, „The Journal of Politics“, vol. 10, 1948, p. 788.

¹¹ E. H. Carr, *Karl Marx*, London, 1934, p. 275.

¹² K. Marx, *Capital*, Everyman edition, с предисловием G. D. H. Cole, vol. II, London and New York, 1930, p. 887.

¹³ Peter Gay, *The Dilemma of Democratic Socialism*, New York, 1952, pp. 293—294.

демократических партий западного образца» гораздо менее удобный случай представился в России, где получали свою форму идеи Ленина, чем это могло быть в Германии, где родились ранние идеи Маркса...¹⁴⁾

Вероятно, гораздо большую роль в формировании судьбы советского социализма, чем доктрины Маркса, Ленина или Сталина, сыграли некоторые культурные, социальные и технологические вопросы, стоявшие в двадцатых годах на лезвии ножа. Взаимодействие между экономически «развитыми» и «отсталыми» странами в современной системе государств создало состояние непостоянства. До 1917 г. Россия находилась где-то между «развитыми» и «недоразвитыми» странами. Со времени большевистской революции Советский Союз взял на себя миссию приготовления «социалистической» альтернативы к «империалистическому образцу» экономического контроля и развития, который отвергали «колониальные и полуколониальные» страны. Ленинизм и советскую социальную систему можно считать частью образца, при помощи которого некоторые недоразвитые страны ищут путей к своей «модернизации». В сегодняшнем мире, который находится в состоянии экономической взаимозависимости, почти все народы желают «модернизации». Имеются две годные модели. Одна — это образец конституционной демократии, представляющий в экономическом отношении «смешанную систему, в которой государственная и частная собственность неразрывно связаны между собой»¹⁵⁾. Другая — это советский образец. Этот тип развития жертвует демократическими и гуманитарными ценностями, но приобретает быстрые темпы экономического роста, распространение грамотности и скованную режимом, но технически передовую культуру и, по крайней мере в своей ранней стадии, широко распространенные равные шансы продвижения вперед. Ничто не выигрывается пренебрежением к достижениям советского типа индустриализации или преуменьшением ее. Мы причинили бы вред демократии, если бы стали поощрять самодовольство среди антикоммунистов. Где существуют социальные волнения и широкая щель между aspirations властолюбивых и идеалистических мыслителей и возможностями, предоставляемыми социальной системой для реализации справедливых стремлений, коммунизм будет всегда иметь успех. Последняя коммунистическая победа на выборах в провинции Керала, в Индии, показала, что это так и в условиях политической демократии. Положение, в действительности, потенциально хуже там, где внутренняя или заграничная тирания толкает недовольных в подполье. С другой стороны, значительный успех Турции в направлении к демократии и последний пример с Вьетнамом доказывают, что путем разумной внутренней политики, при некоторой поддержке из-за границы, «недоразвитая» страна может избрать скорее демократический, чем диктаторский образец экономического или политического развития.

Какие же перспективы для будущего социализма и демократии в Советском Союзе? Считаю, что имеются основания для оптимизма. Самое большое значение имеет в современном мире факт невозможности всеобщей войны — по крайней мере, если люди сэберегут хотя бы минимум благоразумия. Этот факт может принудить лидеров всех больших государств к

14) E. H. Carr, *The Bolshevik Revolution, 1917—1923*, vol. I, New York, 1951, p. 20.

15) A. A. Berle, *The Twentieth Century Capitalist Revolution*, New York, 1954, p. 109.

сотрудничеству или, во всяком случае, к необходимости стоять на страже мира. На этой основе везде должны быть выработаны разные меры, нужные для расширения свободы. Другим основанием для моего оптимизма относительно будущего является факт, что, вопреки ужасам сталинизма, в СССР создана научная, технологическая и экономическая основа для лучшей жизни. Эксперты, правда, расходятся в оценке важных аспектов советского экономического развития. Как сторонники демократии, мы должны согласиться, что в условиях большей свободы можно добиться такого же развития много меньшей ценой, но я полагаю, что мы должны также признать, что достигнут большой экономический прогресс.

Народ становится свободным, если он желает быть свободным и когда имеются условия свободы. Для достижения политической свободы на Западе потребовались столетия. Пожалуй, потребуются и в Советском Союзе поколения.

Я сказал, что имеются основания для оптимизма относительно будущности советского народа. Такое утверждение требует, конечно, определенной оценки. Когда американец, исповедующий принципы конституционной демократии, приводит обоснованную оценку будущего страны, в которой американская социальная система систематически подвергается критике, он должен питать, по крайней мере, некоторую надежду, что эта другая страна будет со временем стремиться перемениться на что-то несколько большее, чем сейчас, на нечто похожее на его собственную страну.

Не означает ли это какой-то нашей собственной мессианской позиции, наряду с тою, за которую мы подвергаем критике коммунистов? Джордж Кеннан, который глубоко задумывается над этим вопросом, часто высказывал взгляд, что самой лучшей пропагандой для демократии является сила примера. Можно по этому поводу многое сказать. Конечно, мы не имеем права пытаться силой навязывать наши идеалы другим народам. Более того, нам нужно обратить много внимания на необходимость исправлять недостатки нашей собственной социальной системы более успешно и применять принципы, которые мы исповедуем.

Несмотря на это, нации не могут существовать как непроницаемые единицы, особенно в современных условиях увеличивающегося взаимодействия. Отчасти именно потому, что советские лидеры поняли этот факт, они достигли значительного успеха как пропагандисты и организаторы политического движения во многих странах мира. Чтобы защищать наши принципы и ценности, мы должны действовать как в плоскости международной, так и национальной. Мы должны обратить внимание на «элементарные общие цели» всех людей и разнообразие форм, в которых они отражаются в разных нациях и культурах¹⁷⁾. Одной из этих «элементарных общих целей» может быть, по крайней мере у некоторых людей, желание свободы мысли и слова; другим, может быть, хотелось бы иметь решающее слово в важных вопросах, касающихся их жизни, и пр. Какими бы «универсальными» эти импульсы и чувства ни были, они несомненно, существовали во всех странах современности. Американского, английского, индийского, немецкого или французского сторонников демократии соединяют общие связи с поляками, русскими или же венграми, которые исповедуют эти ценности. Это именно одна из основ, на которой люди, не

¹⁶⁾ Clyde Kluckhohn, *Mirror for Man*, New York, 1949, p. 289.

бывшие никогда советскими гражданами, могут сотрудничать с эмигрантскими учеными в отношении осуществления разумных решений науки и благополучия. Такое сотрудничество не является наивным идеализмом. Наоборот, в эпоху водородной бомбы, которая требует гораздо большего согласия в приложении разума к вопросам человечества, чем это достигнуто до сих пор, это является трезвым реализмом.

Вероятно, никто из нас не верит в марксистскую «диалектику» или же другие формы колдовства. Было бы неподходящим в нашей среде пытаться предсказать будущее. Наша задача — сделать вклад, в меру наших возможностей, в осуществление принципов, известных нам, как свободным людям, соединенным со сторонниками мира и свободы целого мира на путях исследования, упорного труда и терпения.

Выступление проф. **А. Г. Зоргенфрей**
по докладу проф. **Фредерика Ц. Баркгорна.**

Проф. Баркгорн поставил перед собой задачу осветить в своем докладе вопрос о том, осуществлен ли социализм в СССР.

Освещение этого вопроса он сузил до трех аспектов, а именно: социального, экономического и политического. В силу этого из доклада выпала важная для нас часть, а именно — раздел о современном советском обществе. Проблема, имеющая, с моей точки зрения, исключительную важность при подведении итогов 40-летнего властвования большевиков.

В порядке добавления к докладу проф. Баркгорна, я и хочу сказать несколько слов по этому вопросу, но из этого я прошу не делать вывода, что я со всеми положениями, выдвинутыми проф. Баркгорном, согласен. Напротив, мне представляются некоторые из его положений дискуссионными. Например, его утверждения,

что западные ученые оценивают марксистскую мысль, как несущественную в мировых вопросах современности;

что можно быть марксистом, не будучи социалистом;

что Ленин стремился установить подлинную демократию;

что в СССР возможна эволюция;

что советский народ мыслит марксистскими категориями и т. д.

Из перечисленных выше утверждений я отвечу тем, что скажу о советском обществе, только на одно, а именно, — мыслит ли советский народ марксистскими категориями или нет. На другие возражения у меня, к сожалению, не хватит времени.

В послевоенный период структура советского общества приобрела довольно четкие очертания, свидетельствующие о том, что в советском обществе за военное время и в послевоенные годы произошло дальнейшее расслоение, наметившееся еще в начале тридцатых годов.

Это расслоение выражается:

1. в образовании четких границ между советской интеллигенцией, с одной стороны, и рабочими и крестьянством, с другой;

2. в выделении во всех классах привилегированного слоя заслуженных перед советской властью людей (герои труда, орденосцы, лауреаты премий);

3. в создании, в результате индустриализации страны, прослойки так называемых менеджеров;

4. в образовании слоя высокопоставленной бюрократии государственного и партийного аппаратов.

Уже эта, далеко не полная схема со всей очевидностью подтверждает тот факт, что идея построения бесклассового общества не удалась, что развитие советского общества идет в диаметрально противоположном направлении.

В связи со сказанным мне представляется необходимым обратить Ваше внимание на следующие, с моей точки зрения, важные факты.

Во время войны и в первые послевоенные годы произошел большой рост комсомольской организации (в настоящее время эта организация насчитывает 18 500 000 членов) и КП (в коммунистической партии СССР сейчас 7 215 000 членов). Это количественное увеличение повлекло за собой невольное растворение в народе значительной части комсомольской массы и части рядовых членов КП. Этим в известной степени объясняется, например, тот факт, что в брожении среди студентов в прошлом году приняли участие и комсомольцы и отдельные члены партии.

Далее: в силу происшедшего расслоения, со всей очевидностью выявилась разность интересов, с одной стороны, бюрократии и привилегированных слоев, с другой — народа в целом. Здесь достаточно указать на речи, произнесенные 22 октября 1956 г. на дискуссии, посвященной роману Дудинцева «Не хлебом единым», и прозвучавшие как обвинительный акт бюрократии.

Другими словами, неосуществленной оказалась и вторая задача, которую ставила советская власть, а именно, создание монолитного советского общества.

Но, говоря о факте расслоения в советском обществе, необходимо сделать следующую оговорку: если мы сравним классовое общество дореволюционной России с современным обществом в СССР, то мы должны признать, что связь между интеллигенцией и рабочими и крестьянством существует в настоящий момент все же большая, чем до революции. В подтверждение сказанного следует указать на специфику процесса создания большевиками так называемой «своей» интеллигенции, когда сотни тысяч рабочих и крестьян совершили прыжок с фабрик и из колхозов — через рабфаки и высшие учебные заведения — на место, предназначенное для этой интеллигенции, и связи своей с прежней средой еще не потеряли.

Касаясь вопроса относительно советского общества, нельзя также обойти молчанием следующий важный факт: и советская печать, и западные источники свидетельствуют о том, что основное настроение масс — это апатия. Именно она представляет собой в настоящее время ту своеобразную форму сопротивления, которая не дает возможности советской власти поднять производительность труда на нужный уровень. Джилас в своей новой книге, которая выйдет в ближайшее время в Америке, дал следующее определение коммунистической власти: «коммунистическая власть есть скрытая форма борьбы народа с властью».

Далее я хотел бы подчеркнуть, что в отношении «противостояния» я отношу прослойку менеджеров к народу, так как именно менеджеры, в силу своего служебного положения, находятся в оппозиции к бюрократии партийного и государственного аппарата. Говоря о менеджерах, нужно заметить следующее: некоторые из наших исследователей, в силу того, что менеджеры, как известно, добиваются больших прав в смысле возможности проявления собственной инициативы, видят в них ту прослойку, в борьбе которой потенциально содержатся революционные элементы, и в какой-то мере делают ставку в отношении дальнейшего развития советского общества на эту прослойку. (Вы знаете, что менеджеров обвиняют в том, что они относятся к руководимым ими предприятиям, как к своей вотчине). Но события второй половины 1956 года и первых месяцев 1957 года показали, что на политическую арену внутренней борьбы в Советском Союзе выступили не менеджеры, а совершенно новый фактор, не имевший значения в СССР с середины двадцатых годов. Я имею в виду советскую молодежь — советское студенчество, о котором я и хочу сказать несколько слов потому, что этот вопрос органически связан с проблемой создания так называемого нового человека.

Период, который наступил после смерти Сталина, принято называть периодом либерализации. Я не хочу оспаривать этого наименования, но мне важно подчеркнуть, что так называемая либерализация была прямым следствием неуверенности новой власти в твердости своего положения, попыткой заигрывания с народом. Современное студенчество вступило в жизнь после смерти Сталина, в период так называемой либерализации.

Это то поколение, на которое сталинский террор непосредственно еще не мог быть направлен, которое, следовательно, не было еще окончательно подавлено страхом. Я думаю, что именно этим объясняется поведение этого поколения в критические месяцы 1956—57 годов, выразившееся после венгерских событий в форме брожения и даже отдельных политических выступлений. Но особо важным представляется мне не то, что спонтанно вышло на поверхность, а тот процесс, который происходил в студенческой среде до этого времени и подготовил ту вспышку, которая имела место впоследствии. Чтобы объяснить то, что я хочу этим сказать, позвольте привести из очень большого количества примеров хотя бы один. Год с лишним тому назад в одном из уральских университетов студенты заменили политчас свободным собеседованием. На этих собеседованиях они обсуждали вопросы, говорящие сами за себя, например, — о красоте человека, о счастье и долге, о любви и дружбе, о мелочах жизни, о поэте Сергее Есенине, о романтике. Если мы примем во внимание, что то, что советская печать подает как единичный случай, почти всегда является массовым, т. е. ставшим типичным, — не дает ли нам этот факт права утверждать, что задолго до венгерских событий в среде советской молодежи, точнее, в части советской молодежи происходило фактически пробуждение духа, желание духовной жизни и поиски правды? Не симптоматично ли, что ищущему эту правду двадцатилетнему студенту и поэту Евгению Евтушенку его друг Вовка говорит так:

«Ты что, один такой? —
Сегодня все раздумывают, брат!»¹⁾

¹⁾ Е. Евтушенко, Станция Зима, журнал «Октябрь», № 10, Москва, 1956 г.

Другими словами, не происходит ли в среде советской молодежи процесс переориентировки, т. е. отход от предписанной линии, процесс, значительно более важный, чем та или иная спонтанная вспышка? Не говорит ли это о том, что советской власти за 40 лет своего существования не удалось разрешить самой главной проблемы, а именно, победить личность, уничтожить индивидуальность, т. е. создать массового человека, такого, которого она хотела назвать «новым»?

В дискуссии по докладу проф. Фредерика Ц. Баркгорна приняли, кроме того, участие следующие лица: проф. Н. И. Осипов, д-р мед. М. Оройз, д-р Иосиф Шольмер, К. Г. Кромиади (Германия), д-р С. Торосян, проф. д-р Болько фон Рихтгофен, проф. А. В. Юрченко (Германия), проф. В. Н. Сперанский (Франция).

В Т О Р О Е   З А С Е Д А Н И Е

Суббота, 27 июля 1957 г., 9 час. 30 мин.

Председательствует проф. А. Т. Вакуленко.

Проф. А. А. Адамович: доклад —

ОБЩИЕ КОНТУРЫ СОРОКАЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА В СССР

За сорок лет существования советской власти на контролируемой ею территории в области литературы и искусства постепенно сложилась специфическая формация, общепринято называемая также советской и удивительная в качестве единственно допущенной на этой территории. Термин «советская» в данном случае внешне обозначает собою характеристику этой формации по географическому признаку, т. е. по признаку нахождения ее на советской территории, а также по признаку историческому, т. е. по признаку образования ее в течение советской эры, переживаемой народами этой территории.

Однако, за такой внешней характеристикой термин этот как нельзя лучше выражает и внутренний существенный, конституционный и отличительный признак данной формации. Ибо советская формация литературы и искусства отличается от несоветских или не вполне советских формаций их тем, что в ней литература, как и искусство, служит лишь одним из орудий советской власти, или, точнее, советского властвования, как самой реализации этой власти, внешне представляющей собой идеократию, претендующую на марксистское происхождение и теоретическое обоснование, но практически осуществляемую путем бюрократии, а фактически, по самому своему внутреннему существу являющуюся реализацией одного из исторически наиболее совершенных видов тоталитаризма. И термин «советская» в данном случае лишь неизменно сохраняет свое основное и первичное значение, которому он обязан именно этому, определяющему здесь словосочетанию «советская власть», из которого он, собственно говоря, и выделился, перейдя в более широкое и отвлеченное употребление.

Советская литература и советское искусство — это на советской территории действующие, в советские времена сложившиеся, облеченные в форму

литературы и искусства орудия советского властвования, идеократического по внешнему оформлению, с претензией на марксистское происхождение и теоретическое обоснование, бюрократического по практическому осуществлению и тоталитаристического по всему своему своему фактическому внутреннему существу — такое определение советской литературы и искусства казалось бы здесь достаточно исчерпывающим и вообще, и в качестве исходной точки для развития данной темы настоящего доклада в частности.

1.

Центральный пункт этого определения — то, что советская литература и советское искусство представляют собой лишь орудия, а не самостоятельные, т. е. не свободные факторы — лежит в весьма чувствительной и уязвимой для советской литературы и искусства плоскости, которая в то же время оказывается и наиболее интересной и благодарной плоскостью для исторического рассмотрения литературы и искусства в СССР — в аспекте понятия свободы. Эта плоскость представляет собою арену непрестанной борьбы за самые основы нормального существования литературы и искусства, не говоря уже об их процветании. Без свободы, как без воздуха, что общеизвестно, всякое творчество задыхается, тогда как при подлинной свободе, наоборот, неизбежно выдохлась или задохнулась бы сама советская власть, держащаяся, в конечном счете и главным образом, лишь на принципе крайней несвободы, на принципе тоталитаризма.

Конечное, идеократическое оформление советского властвования находит достаточно средств для того, чтобы прикрыть и перекрыть ту голую несвободу, на которой зиждется советская власть. По известной формуле, считающейся «марксистской», а на самом деле лишь при посредстве Энгельса взятая, как и многое другое, напрокат у Гегеля, свобода определяется как «осознанная необходимость», т. е. фактически объявляется объективно вовсе не существующей в непосредственном отношении и возможной лишь в пределах «осознания» субъектом некоей объективной «необходимости». Ясно, что по этой формуле возможна и полная, подлинная свобода советской литературы и искусства при условии «осознания» творцами их необходимости служить орудиями советского властвования. Однако никакой свободы литературы и искусства для несоветского, «капиталистического» — фактически именно свободного — мира даже по этой формуле не полагается, поскольку самые «необходимости», проявляющиеся в этом мире, представляются настолько отрицательными по существу, что всякое «осознание» их не только не принесло бы свободы, а оказалось бы просто убийственным для «осознавшего» их.

Интересна конкретная картина сравнительного положения свободы литературы и искусства в советском и свободном мире, которую часто любят изображать апологеты советской «подлинной свободы». Вот, например, одно из последних таких изображений:

«Нынешняя буржуазия в области политики только спекулирует лозунгами свободы, равенства и братства. Подобно этому в области литературы и искусства она лишь спекулирует лозунгом свободы творчества. По существу же она стремится освободить искусство от прав-

ды, а общество — от правдивого искусства. История литературы свидетельствует, что есть только один путь к свободе творчества, если иметь в виду взаимоотношения литературы с обществом, — это путь борьбы за свободу народа. Наш социалистический общественный строй освобождает литературу от политического, национального, религиозного притеснения, от каких бы то ни было форм притеснения, в виде ли своеволия властей или в виде своеволия издателей. Наш строй дает свободу литературе прежде всего потому, что дает и обеспечивает свободу литераторам, как гражданам. Эксплуататорское общество требует от художника приспособления к его интересам и запросам. Свободное социалистическое общество требует от художника сознательного служения ему...»¹⁾

Как видим, и как обычно бывает в подобных случаях, изображение построено на перестановке действительных отношений на все 180°. В самом деле, разве «стремится освободить искусство от правды, а общество — от правдивого искусства» не сама советская власть, больше, чем какая-либо «буржуазия»? Разве не она «требует от художника приспособления» больше, чем всякое «эксплуататорское общество», будучи сама властью эксплуататорской в небывалой степени, — да притом еще приспособления «сознательного», в оформлении идеократической фразеологии звучащего, как «служение»?

Только при переводе этой идеократической фразеологии на язык точных и объективных терминов (при котором, например, само это «служение» обратится в то «служение орудием», о котором говорилось выше), только при обратной перестановке отношений на 180° можно прочесть это изображение в ключе действительности. И тогда, конечно, можно будет согласиться и с утверждением относительно «пути борьбы за свободу народа», как, пусть если и не единственного, то, во всяком случае, при некоторых обстоятельствах столбового «пути к свободе творчества», — ведь именно этим путем и идет борьба в СССР, с той лишь разницей, что сама советская сторона оказывается в ней стороной, всячески подавляющей «свободу народа», а не наоборот.

Но в приведенном изображении следует обратить внимание на еще одну, на первый взгляд как будто бы и малозначительную деталь. Дело в том, что советские идеократы при конкретном разговоре о свободе весьма любят доводить его до самой наибольшей степени конкретности, предпочитая говорить не о свободе вообще, как таковой, а о вполне конкретных случаях свободы от чего-нибудь (от «правды» у «буржуазии», от «притеснения» у себя и т. д.), перечисляемых в большем или меньшем, в зависимости от «целевой установки», количестве. Исполнявший до настоящего времени роль верховного надсмотрщика над советской литературой и искусством, Шепилов, в своей речи, нынешней весной, на съезде композиторов, с особым ударением цитировал Ленина:

«Мы хотим создать и мы создадим, — писал еще в 1905 г. Ленин, — свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в

---

¹⁾ Проблемы советской литературной критики, доклад Н. Шамота на совещании критиков, литературоведов и искусствоведов Украины, «Литературная газета», № 47 (3703), 18 апреля 1957 г.

смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма; мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма».

«Это исключительно важная мысль», — поучительно подчеркнул он при этом²⁾. Действительно, после «свободы от анархического индивидуализма» остается лишь договориться до некоей «свободы от свободы», что, фактически, оставляя в стороне тавтологичность выражения, как нельзя лучше отражало бы подлинный идеал всех большевистских «борцов за свободу», от «великого» Ленина до великолепного здесь в своем апломбе Шепилова и иных побольше и поменьше. Все это живо напоминает одно из Тургеневских сатирических «стихотворений в прозе», где также договариваются до замечательной формулы — «лакей без лакейства», следуя так широко практикуемому и большевиками (особенно как раз при рассуждениях о свободе, как только что можно было видеть) «житейскому правилу» «старого пройдохи» — упрекать противника

«... в том самом недостатке, который вы за собою чувствуете... Во-первых, — это заставляет думать других, что у вас этого порока нет. Во-вторых, негодование ваше даже может быть искренним. Вы можете воспользоваться укорами собственной совести»...³⁾.

Но в данном случае нас интересует не вся курьезность подобных довариваний, а самый прием конкретизации понятия свободы в ряде ограниченных «свобод от». Ибо при помощи этого приема ведутся уже не только разговоры, а вся конкретная, практическая борьба со свободой, в процессе которой и выставляются для поражения и последовательно поражаются концентрированным огнем одна за другой как раз такие конкретные, ограниченные «свободы от». Как мы это постараемся доказать дальше, прием этот определяющим образом выступает во всей истории борьбы со свободой в литературе и искусстве в СССР, собственно говоря — во всей истории этой литературы и искусства вообще.

Именно поэтому и представилось необходимым остановить здесь внимание на этой, на первый взгляд, как было сказано, незначительной детали. При несомненно верном и ясном общем понимании самой постановки проблемы свободы по отношению к литературе и искусству в СССР, до сих пор, думается, недостаточно внимания обращается не только на отдельные детали и вообще моменты этой проблемы, выделить и по возможности осветить которые, хотя бы в некотором выборе и в некоторых отношениях, была произведена попытка выше, но — и это главное — на самое определяющее значение всей, эти и другие моменты в себя включающей, плоскости свободы. Между тем, именно в этой плоскости, как будет произведена попытка показать дальше, наиболее просто, ясно и верно разрешаются все основные общие вопросы исследования сорокалетней уже, но до сих пор еще не построенной научной истории литературы и искусства в СССР.

---

²⁾ Творить для блага и счастья народа, речь секретаря ЦК КПСС Д. Т. Шепилова на Втором Всесоюзном Съезде Советских Композиторов, «Литературная газета», № 41 (3697), 4 апреля 1957 г.

³⁾ «Житейское правило», Полное собрание художественных произведений И. С. Тургенева, т. VIII, 3-е зарубежное издание, изд-во «Жизнь и культура», 1930 г., стр. 306.

Прежде всего, просто, ясно и четко разрешается в этой плоскости такой, первостепенной важности и очередности для всякой истории литературы и искусства вопрос, как вопрос периодизации. Даже по ту сторону «железного занавеса» до сих пор нет удовлетворяющего и специалистов и неспециалистов решения этого вопроса, и необходимость нахождения такого решения то и дело, но все безрезультатно, подчеркивается на страницах печати. Так, в одной из недавних, определенно авторитетной и даже директивной редакционной передовой статье московской «Литературной газеты» читаем:

«Нет никакой ясности даже по такому первостепенной важности вопросу, как периодизация истории советской литературы. Был избран простой, но не самый лучший путь: периодизацию заимствовали из гражданской истории. Произвольно установленные периоды исказили правильное представление о становлении и развитии советской литературы»⁴).

Можно было бы лишь добавить, что таким же, не только «не самым лучшим», а с научной точки зрения и вовсе никуда не годным путем заимствования периодизации из гражданской истории (притом в чисто советской ее схематизации) следуют пока и историографические попытки не-советских авторов, также придерживающихся членения на периоды «революции и гражданской войны» (если не вовсе «военного коммунизма»), «нэпа», «первой пятилетки» и т. д. Между тем, принимая плоскость свободы за определяющую, весьма четко и в полном соответствии с фактическим ходом литературного и эстетического прогресса выделяются, прежде всего, три главные, основные периода истории литературы и искусства как таковой, а не как иллюстрации истории «гражданской» в ее советской трактовке:

1) период советизации, т. е. постепенной утраты литературой и искусством основ свободы при превращении их в советскую литературу и искусство, в советскую формацию литературы и искусства, как орудий советского властвования, — наиболее богатый событиями и ценностями, а, вместе с тем, и наиболее драматичный период, продолжавшийся с 1917 до 1932 г.;

2) период сталинизации, т. е. почти полной утраты свободы уже советизированной литературой и искусством при превращении их в орудия сталинокрации, т. е. исторически уникальной и по совершенству в степени, и по продолжительности во времени, и по обширности контролируемого пространства автократии — в данном случае автократии Сталина, в которую вылилось советское властвование и которая, хотя бы в силу той своей исторической уникальности, не говоря уже о всем прочем своеобразии, заслуживает терминологического выделения в эту особую, — конечно, целиком историческую — категорию «сталинокрации», — наиболее мрачный и наиболее бедный ценностями период, в литературе и искусстве продолжавшийся с 1932 по 1953 г.;

⁴) Боевой опыт литературы, «Литературная газета», № 56 (3712), 11 мая 1957 г.

3) период послесталинской фундаментации, т. е. образовавшегося после смерти Сталина подвижного равновесия между тенденциями десталинизации и ресталинизации, развивающегося в сторону очищения от нерациональных и иногда прямо-таки диких крайностей сталинизации при презервации достигнутых ею, вполне рациональных и положительных для всего советского властвования основных, фундаментальных для него результатов — период, полный обманчивых и, чаще всего, обманутых надежд на расширение диапазона свободы и основанных на них попыток действия в этом направлении — период, определенно переходный и по своему внутреннему характеру и по своей направленности, начавшийся после смерти Сталина в 1953 г. и продолжающийся по сие время.

Внутри каждого из этих главных, основных периодов возможна и легко осуществима и дальнейшая периодизация по этапам развития, причем весьма четкими границами между этими этапами оказываются здесь как раз факты утрат — в процессе борьбы, двусторонней вначале и все более односторонней с течением времени, тех отдельных конкретных «свобод от», о которых говорилось выше.

Первый этап первого периода советизации, продолжительностью с 1917 по 1920 год, характеризовался бы тогда наибольшей за все время советского властвования свободой, включавшей в себя почти полный ряд постепенно утраченных позже отдельных конкретных «свобод от» (как-то — свобода от жесткой партийной всеобязующей директивы, практическая свобода от полицейской цензуры, от различных форм террора и др.), при государственном меценатстве над литературой и искусством, осуществлявшемся советскими органами просвещения (вначале государственной комиссией, а затем Народным комиссариатом просвещения), возглавлявшимися Л у н а ч а р с к и м, этим «либеральным министром из очень нелиберального правительства», по характеристике Вл. Ходасевича ⁵⁾. Под этим меценатством проявляли вполне автономно свою инициативу шире всего два движения: «пролетарское» или, точнее, пролетарствующее — именем пролетариата действовавшее, возглавлявшееся возникшей еще до большевистского переворота и стремившейся сохранить полную свою независимость от советской власти организацией Пролеткульта, и «левое», развивавшееся, главным образом, футуристами. Организованное самим Лениным, в конце 1920 г., первое партийное вмешательство в жизнь литературы и искусства, завершившееся опубликованием 1 декабря 1920 г. специального письма ЦК РКП(б), положило конец независимости Пролеткульта, который административно был подчинен органам власти, а оперативно — партийным директивам, а также дискриминировало «левую» инициативу футуризма, как носителя и прививателя «нелепых, извращенных вкусов» ⁶⁾. В результате этого, литература и искусство утратили первую свою свободу — свободу от партийной директивы, и эта утрата, датируемая вышеупомянутым письмом ЦК, и обозначает собою границу между этим первым и следующим вторым этапом советизации.

⁵⁾ «Белый коридор», Литературные статьи и воспоминания В. Ходасевича, изд-во им. Чехова, Нью-Йорк, 1954, стр. 351.

⁶⁾ Хроника советской литературы за 20 лет, «Литературный критик», № 8, 1937 г., стр. 105—107 (полный текст письма ЦК РКП(б)).

Первый этап советизации полностью осуществился лишь в русской литературе и искусстве, так как в то время советская власть еще не стабилизировалась на территориях большинства нерусских народов СССР. Поэтому народы эти пережили данный этап частью лишь фрагментарно, частью с запозданием, одновременно со следующим этапом. Вообще, следует сразу же отметить, что в течение всего периода советизации литературный и эстетический процессы имели у каждого народа СССР свое более или менее самостоятельное течение, и единство между ними обнаруживалось лишь в самой плоскости советизации, в их реагировании на общий ход и отдельные акты ее, и то лишь постольку, поскольку там проявлялось единство и единообразие в этом отношении.

Второй этап советизации литературы и искусства, продолжительностью с конца 1920 по середину 1922 г., может быть с полным основанием назван ленинским, или этапом ленинизации, поскольку проходил под знаком высшего директивного руководства Ленина, положившего начало данному этапу, и выражался он, в основном, в следующих моментах: 1) в проведении ленинской директивы советизации «пролетарского» движения (вплоть до полной его ликвидации, как такового, в идеале и в явной перспективе), 2) в проведении ленинской же директивы просоветизации (т. е. привлечения на советскую сторону) не-«пролетарских» движений и элементов, данной Воронскому и осуществлявшейся им при помощи специально основанного для этого в 1921 г. «толстого» журнала «Красная Ночь», 3) в хотя и не декретированном, но фактическом следовании ленинским консервативным (точнее — реакционным) вкусам в литературе и искусстве, и в одобрявшемся, и во всяком случае, если не вовсе продиктованном Лениным, распространении красного террора, хотя и в весьма ограниченной, единично-избирательной и лишь «показательной», устрашающей форме и на писателей и художников (расстрел Гумилева и др. в 1921 г.).

И на данном этапе нет еще полного сравнения в темпах и сроках осуществления между советизацией литературы и искусства русского и нерусских народов (советизированный журнал в Белоруссии «Полымя» появляется лишь в конце 1922 г., зато белорусский поэт и писатель Шантыр расстреливается еще в 1920 г.; на Украине поэта Чупринку расстреливают почти одновременно с Гумилевым; советизированные журналы — «Життя и революция», «Червонный Шлях» — возникли в 1923 г.). В русской литературе данный этап отмечен и еще одним явлением, в подобных размерах не известным другим литературам СССР — массовым исходом писателей в эмиграцию, приведшим к образованию особой эмиграционной ветви русской литературы (с 1920 г.) и к раздвоению русского литературного процесса на эмиграционный, идущий по прежней, европейской и мировой линии развития русской литературы, и русско-советский, все более и более отходящий от этой линии и направляющийся (точнее — направляемый) в русло полной советизации при все большей изоляции от западных, европейских и мировых процессов. В нерусских литературах явление это не принимало таких размеров в силу особых условий становления и стабилизации советской власти на территориях этих литератур, не благоприятствовавших возникновению таких мощных эвакуационных и эмиграционных волн, как те, которые привели к образованию массовой

русской эмиграции, литературной и художественной по своему составу, в столь значительной степени ⁷⁾.

Границей между этим вторым, ленинским, и следующим этапом советизации является тем же Лениным, несомненно, продиректированное введение практическое до тех пор отсутствовавшей прямой политической цензуры художественной литературы и искусства, ознаменовавшее утрату еще одной свободы литературы и искусства — свободы от цензуры — и датируемое моментом учреждения Главлита (6 июня 1922 г.), формально на территории того же Наркомпроса существующего цензурного ведомства, фактически подчиненного и администрируемого Государственным Политическим Управлением (ГПУ), учрежденном незадолго перед тем (6 февраля 1922 г.) на базе знаменитой ЧК ⁸⁾.

Третий этап советизации литературы и искусства, продолжительностью со середины 1922 по средину же 1925 г., прежде всего и отмечен развитием деятельности и системы советской цензуры, расширяющейся в это время за пределы Главлитом и подобными ему учреждениями (вроде Главреперткома) осуществляемой предварительной и последующей политической цензуры. Наряду с ней и в помощь ей появляется здесь новый институт, также предварительной, но не полицейской, а редакционной цензуры, или, по вошедшему уже в обиход специфическому советскому техническому термину — «редактуры», оперирующей уже не только обычными цензурными мерами запрета и изъятия, но, главным образом, методом правки и переделки. Наконец, возникает и буйно расцветает и еще один вспомогательный вид цензуры, уже не столько и лишь редко предварительной, а преимущественно последующей — публичной, иногда называемой «общественной», критической цензуры, осуществляемый ортодоксальной и агрессивной критикой, которую можно назвать цензуральной, или цензориальной, поскольку одна из первых основных ее задач — критическим «разносом» того или иного произведения воздействовать именно на цензуру, как полицейскую, так и редакционную, на ее бдительность, ригористичность и оперативность, помогая ей воспитывать у себя эти качества, дополняя ее деятельность, а зачастую и побуждая к конфискационным действиям и предоставляя основания для них. Первым и наиболее знаменитым органом такой цензуральной критики явился начавший выходить со середины 1923 г. журнал «На посту».

Но в этом месте первая особенность данного этапа пересекается со второй, также весьма важной особенностью его, поскольку «На посту» явился органом нового движения, возродившего снова не особенно жалованную отошедшим тогда по болезни от дел Лениным «пролетарскую» вывеску и начавшего под ней, при полуофициальной инспирации и поддержке некоторых партийных кругов и элементов, создавать называемые «ассоциациями» организации бюрократического — «аппаратного» типа, восторжест-

---

⁷⁾ О начале истории русской зарубежной литературы см. Г. Струве, Русская литература в изгнании, изд-во им. Чехова, Нью-Йорк, 1956, стр. 15—19.

⁸⁾ Литературная энциклопедия, изд. Коммунистической академии, Москва, 1929, т. II, стр. 543. — Главлит «стоит на страже политических, идеологических, военно-экономических и культурных интересов советской страны и соответственно этому осуществляет предварительный и последующий контроль над издательской деятельностью в целом, за исключением хозяйственных вопросов, финансовых и торговых».

вовавшего к тому времени в самой партии и пестуемого там уже начавшим свое восхождение к власти Сталиным (ВАПП, возвышающаяся над разными МАПП, ЛАПП и прочими своими филиалами в литературе; АХР, а позже РАПХ — в изобразительных искусствах, РАМП — в музыке)⁹⁾. Преимущественно партийные и комсомольские по своему составу, стоящие твердо на платформе безусловного подчинения партийному руководству (в отличие от прежнего Пролеткульта), «ассоциации» эти начинают добиваться от партии мандата на свою «гегемонию», попутно развертывая ту цензуральную «напостовскую», прямо-таки террористическую критику, о которой уже говорилось, направленную против всех инакомыслящих и инакодействующих, а особенно — против фактически завоевавших себе господство, просто благодаря своим талантам, «попутчиков», как окрестил к этому моменту Троцкий просоветских художников, протежируемых и в направлении дальнейшей просоветизации воспитываемых все еще выполняющим данную ленинскую директиву Воронским.

Все это движение возникает и развивается в пределах русской литературы и искусства и если и перебрасывается за ее пределы (как, например, на Украину, где также возникают различные ВУАПП, АХЧУ, АПМУ и подобные «ассоциации»)¹⁰⁾, то воспринимаются там, как явно наносные и оказываются быстро преходящими.

Весь этап завершается знаменитой резолюцией ЦК «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г. (опубликована 1 июля 1925 г.), в которой впервые официально санкционируются, хотя лишь пока в перспективе, принципы «гегемонии» пролетарствующих, которым гарантируется полная моральная и материальная поддержка. Так границей между данным и следующим этапом ложится очередная утрата свободы, на сей раз, может быть, и не столь ощутимая непосредственно, сколько чреватая будущими тяжелыми последствиями — свободы от угрозы перспективы мандатной гегемонии «пролетарствующих».

Следующий, четвертый этап советизации, продолжительностью с 1925 по 1928 г., проходит под знаком вышеупомянутой резолюции, выработанной, как известно, под определяющим влиянием Бухарина, если просто не им самим (почему и весь данный этап можно было бы назвать «бухаринским») и широко рекламируемой — даже и сейчас, и с несоветской стороны — в качестве некоей «хартии вольностей». Конечно, последняя характеристика была бы вполне оправданной с точки зрения последующего развития событий, но для своего времени и с точки зрения предыдущего такая оценка должна быть значительно снижена. Восхищающее мно-

---

9) ВАПП — Всероссийская Ассоциация Пролетарских Писателей, МАПП — Московская Ассоциация Пролет. Писат., ЛАПП — Ленинградская Ассоц. Пролет. Писат., АХРР — Ассоциация Художников Революционной России, РАПХ — Российская Ассоциация Пролетарских Художников, РАМП — Российская Ассоциация Пролетарских Музыкантов.

10) ВУАПП — Всеукраинская Ассоциация Пролетарских Писателей, АХЧУ — Ассоциация Художників Червоної України, АПМУ — Ассоциация Пролетарских Музыкантов Украины, РАПП — Российская Ассоциация Пролетарских Писателей, ВОАПП — Всесоюзное Объединение Ассоциаций Пролетарских Писателей, ВУСПП — Всеукраїнська Спілка Пролетарських Письменників, БелАПП — Белорусская Ассоциация Пролет. Писат., ВОКП — Всероссийское Объединение Крестьянских (позже — колхозных) Писателей, Вапліте — Вільна Академія Пролетарської Літератури, РЕФ — Революційний Фронт.

гих и поныне одергивание «комчванства» и цензуральной критики «пролетарствующих» (кстати, не имевшей еще официального характера и поэтому отражавшейся лишь на нервах, а не на положении или судьбе критикуемых) и особенно провозглашение принципа «свободного соревнования» (и до тех пор фактически имевшего место) — перекрывалось этим главным и основным: признанием не только «пролетарской литературы» (и, конечно, искусства), отвергавшейся в качестве специфической и стабильной формации не только Троцким, а фактически и самим Лениным, но — что оказалось важнее всего — также и перспективы ее «гегемонии», на которую, правда, по резолюции надо было еще «заработать в соревновании», но утверждение перспективы которой вполне однозначно предreshало исход всего этого «соревнования» в пользу пролетарствующих.

Приближение этой перспективы не заставило себя долго ждать, и с весны 1928 г. «ассоциации» пролетарствующих, за время данного этапа несколько «перестроившиеся» в духе резолюции ЦК, в направлении некоторого смягчения цензурально-критической агрессивности и некоторого усиления внимания к самой творческой деятельности, получили полуофициальное, но достаточно авторитетное признание в качестве «главной опоры партии» (т. е. фактически уже некий полумандат на ту гегемонию) и были централизованы вокруг «российского» центра (РАПП) в единую унифицированную «всесоюзную» сеть (ВОАПП), спешно развернутую при помощи искусственного насаждения национальных «ассоциаций» там, где их еще (или уже) не было (ВУСПП на Украине, БелАППП в Белоруссии и т. п.).

Эта утрата свободы от полумандатной, всесоюзно унифицированной и централизованной гегемонии пролетарствующих, датирующая с момента создавшего ВОАПП I-го всесоюзного съезда пролетарских писателей в апреле 1928 г., разграничивает данный этап советизации от следующего и последнего этапа ее, продолжавшегося с апреля 1928 г. по апрель 1932 г. Этот весьма драматичный этап проходил в крайне напряженной атмосфере возобновившейся в полном размере и степени террористической цензурально-критической агрессии пролетарствующих, ободренных партийным признанием-полумандатом и все время подстегиваемых, а с другой стороны, постоянно и обескураживаемых двойственной, а часто и провокационной, линией поведения партии по отношению к ним. Заканчивается он, а вместе с ним и весь период советизации, знаменитым постановлением ЦК от 23 апреля 1932 г. о ликвидации всех — в том числе и пролетарствующих — организаций, как литературных, так и художественных, с созданием на месте их единых союзов по отраслям искусства, уже под прямой советской вывеской и при полностью «казенной», «аппаратной» структуре по точному образцу внешней структуры самой партии.

Этот первый, исходящий от личной директивы Сталина, акт открывает собою период сталинизации литературы и искусства. Собственно, проявление Сталиным интереса к области литературы и искусства и вмешательство в нее замечается уже в течение последнего этапа советизации, который можно было бы назвать этапом предсталинским, или этапом предсталинизации. С другой стороны, первый этап сталинизации, продолжительностью с 1932 по 1937 г., одновременно является и фактически завершающим этапом советизации — этапом ее организационного, или, как можно было бы точнее выразиться здесь специфическим советским техническим термином, — «оргвыводного» завершения. Это — этап ликвидаций, начиная

с декретированной постановлением 1932 г. ликвидации организаций и кончая террористической физической ликвидацией лиц, подводимых под сталинско-ежовскую «великую чистку».

В отношении этой последней ликвидации снова темпы и сроки, а даже и масштабы, для русских и нерусских расходятся. Так, Белоруссию первая мощная ликвидационная волна поражает уже в 1930 г., Украину — в 1933 г. (волна 1930 г. здесь прокатилась еще очень слабо; с другой стороны, волна 1933 г. сильно затронула и Белоруссию снова), и лишь в ежовские 1936—1937 гг. ликвидационный террор захватывает уже и нерусских и русских, хотя последних, все же, и теперь в пропорционально более скромных размерах. Начавшаяся с 1928 г. всесоюзная унификация и централизация литературы и искусства вокруг «российского» центра, отражающая ставку на русскую сторону, естественно, со всей последовательностью отражалась и здесь.

За этим периодом сталинизации проходит еще три этапа: а) с 1938 по 1941 г. — этап наибольшей стабилизации под знаменем еще на предыдущем этапе провозглашенного и введенного «социалистического реализма», официально приписываемого авторству «гения» самого Сталина; б) с 1941 по 1946 г. — этап вызванной обстоятельствами войны некоторой реабилитации, ослабления сталинизации, отдаленно напоминающего «оттепели» послесталинского периода (особенно в явлении «реабилитаций», впервые здесь допущенных, хотя и весьма ограниченных, буквально единичных: Демьян Бедный в русской литературе, Остап Вишня — в украинской, Максим Лужанин — в белорусской); в) с 1946 по 1953 г. — этап, получивший широкую и недобрую известность под именем **ж д а н о в щ и н ы**.

В периоде послесталинской фундаментализации, продолжающемся и поныне, также можно было бы наметить некоторые, уже пройденные этапы: 1) этап сталинизационной инерции — до Эренбургской «Оттепели»; 2) этап «оттепели» — до XX съезда; 3) этап намечавшегося было перевеса в сторону десталинизации — до венгерских событий и 4) этап перевеса в сторону ресталинизации — после венгерских событий. Возможно, что эта периодизация слишком дробна (1953—54 всего около года, 1954—56 — около двух лет, (февраль—ноябрь 1956 г. — неполный год) и что дробность эта обуславливается близостью во времени к нам и с течением этого времени, с некоторой перспективой должна будет подвергнуться некоторому укрупнению.

3.

Так в основном рисуется нам периодизация исторического развития литературы и искусства в СССР. На основании ее простым и плодотворным кажется построение самой истории литературного и художественного процесса в пределах данной формации. Конечно, в данном докладе нельзя развернуть это построение, так как это значило бы вместо доклада прочесть курс истории литературы и искусства в СССР. Поэтому остановимся хотя бы бегло лишь на важнейших моментах, имеющих общее принципиальное значение.

Как уже было упомянуто, на первом этапе первого периода истории литературы и искусства в СССР в литературном и эстетическом процессе прежде всего и шире всего развивают инициативу два движения, или те-

чения: «пролетарское» и «левое». Интересно, что в первом из них, возглавлявшемся Пролеткультом, которым руководил А. А. Богданов (кстати, как известно, — некогда один из ближайших соратников Ленина в большевизме, быстро, однако, превратившийся в наиболее, пожалуй, ненавидимого «Ильичем» противника), весьма четко наметились некоторые основные и основоположные черты, с самого начала вошедшие в железный фонд советской формации литературы и искусства и неизменно там до сих пор присутствующие без всякой перспективы возможного пересмотра, изменения или отмены. Перечислим их в беглом обозрении:

1. Рационалистический подход к литературе и искусству с вытекающим из него доктринализмом и догматизмом; не только эти 2 «д» — доктрина и догма — но и родственное им третье — директива — тяготеют над литературой и искусством в СССР уже со времен Пролеткульта.

2. Доктринальная концепция литературы (и искусства вообще) как организующего орудия — организационная (по Богданову, «всеорганизационная», или тектологическая) концепция литературы и искусства. Как верно констатировал один из наиболее вдумчивых и тщательных исследователей «пролетарского эпизода в русской литературе», Эдуард Браун,

«...сейчас эта идея, выражаемая в различных терминах, стала краеугольным камнем современной советской литературной теории... Идея, что литература должна служить орудием мобилизации и воспитания масс и что писатели должны быть, как, предположительно, выразился Сталин, «инженерами человеческих душ», явно не восходит к классикам марксизма. Это скорее вклад в советскую литературную мысль, сделанный Богдановым и Пролеткультом»¹¹).

3. Идеологизм, или точнее, тематоидеологизм, т. е. примат идеологии, или точнее, идеологически препарированной, пропитываемой идеологией тематики.

4. В результате этого — практическая дихотомия содержания, сводимого к тематоидеологии, и формы, сводимой к художественной технике, причем примат тематоидеологии становится, таким образом, «приматом содержания», а форма обращается в фактически безразличную для содержания чисто технологическую категорию, всякое привлечение внимания к которой, отвлекая его от тематологического содержания, подрывает примат последнего (и с некоторого времени жестоко осуждается как «формализм») и любая эклектика в области которой вполне допустима при том же неизменном условии «примата содержания».

5. Практический примат литературы, как наиболее непосредственно идеологического искусства, с вытекающим отсюда ведущим положением литературы среди других искусств, практической иерархией как искусств, так и жанров внутри их по степени близости их к литературе и связанности с ней, а также тенденцией литературизации других искусств (театра в первую очередь)¹². В силу всего этого и исследователю при рассмотрении советской формации литературы и искусства вообще прежде

¹¹ Edward J. Brown, *The Proletarian Episode in Russian Literature*, Columbia University Press, New York, 1953, p. 10.

¹² О литературизации театра — монография И. Костецкого, *Советская театральная политика и система Станиславского*, Мюнхен, 1956, стр. 14 и др.

всего и больше всего приходится иметь дело с литературой как, например, и в настоящем докладе. Также следует уже здесь отметить, хотя несколько более придется коснуться этого еще дальше в другой связи, что степень фактической и практической свободы искусств и жанров в советской формации также увеличивается по мере удаления их от литературы в отношении степени непосредственной идеологичности.

6. Склонность к практическому примату дидактических, тезисных, лозунговых, риторических и педантических элементов и жанров, как наиболее благодарных для выражения и оформления идеологизма.

7. Примат эмоционального мажора, отождествляемого с оптимизмом при оттеснении и вытеснении минора, отождествляемого с пессимизмом.

8. М а с с о в и з м , т. е. ставка на массовость литературного и художественного процесса как в отношении автора, так и рецептора (воспринимателя — читателя, зрителя, слушателя) — ставка на массу вообще (во времена Пролеткульта и периода советизации вообще — на массы «пролетарские», «трудящиеся», в период сталинизации — на «народные» массы с тенденцией подстановки под «народ» фактически массы партийных и «беспартийных большевиков») — с вытекающим отсюда требованием так называемой «понятности» литературы и искусства и несколько позднейшей ставкой на реализм, как на «общепонятное» искусство.

9. Введение литературного и художественного процесса в рамки организационных форм, притом также массовых (от «Пролеткульта через «ассоциации» пролетарствующих до нынешних «союзов» советских писателей, художников, композиторов).

К этим девяти пунктам можно было бы прибавить и десятый — лозунг и практику «освоения буржуазного наследства» с особенным упором на «классику» этого «наследства», так как и Богданов, и все руководство Пролеткульта, все его съезды, совещания, резолюции и т. п. неизменно выдвигали и подчеркивали этот момент, да и вся основная работа Пролеткульта — студийная — на нем и строилась, хотя некоторые крайние элементы — и немногочисленные, и невлиятельные, и даже совсем некрикливые, по сравнению, например, с занимавшими подобную позицию футуристами — и не разделяли такого курса и выступали против него (критик Ф. Калинин, беллетрист Ф. Бессалько, поэт В. Кириллов, автор сенсационных строк:

Мы во власти мятежного, страстного хмеля;

Пусть кричат нам: «Вы — палачи красоты».

Во имя нашего завтра — сегодня сожжем Рафаэля,

Разрушим музеи, растопчем искусства цветы).

Всю свою атаку против Пролеткульта Ленин построил на нечестном полемическом приеме приписывания этой позиции крайних всему Пролеткульту.

Кроме всех этих черт, до сих пор актуальных для советской литературы и искусства, Пролеткультом же были намечены и некоторые другие, утратившие сейчас свою актуальность полностью или частично, но долгое время обладавшие ею. Сюда относится, например, прежде всего принцип к л а с с о в о с т и (а фактически, точнее — сословности), сохранявший свою первостепенную важность в течение всего периода советизации, но в следующем периоде сталинизации утративший ее, оставаясь в почете лишь

номинально и для внешнего употребления, а фактически снимаясь, с одной стороны, старым, все более актуализируемым ленинским принципом «партийности», а с другой — восстановленным Сталиным принципом «народности» (вся эта триада — классовость—партийность—народность—сейчас составляют в своем взаимоотношении единый комплекс с решающим значением среднего члена — партийности — и с сильно иногда дающим себя чувствовать оттенком той же сословности).

Были, конечно, у Пролеткульта и черты, не перешедшие в дальнейшую историю, как, например, пресловутый «космизм», или «планетарность» (как раз противоположная установка злободневности — топиализма, представляемая в то время стоявшим несколько особняком, но к тому же «пролетарскому» лагерю принадлежавшим Демьяном Бедным, сразу же и прочно вошла в советский инвентарь). Но главная из таких черт, на которой и потерпел крушение Пролеткульт, — это принцип автономизма, независимости от органов советского властвования (в последнем счете — от Наркомпроса конкретно) — т. е. принцип свободы, первым борцом за которую довольно парадоксально и оказался здесь Пролеткульт. Правда, следует тут же оговориться, что борьба эта шла лишь за свободу внешнюю, за свободу от руководства, от директивы вне Пролеткульта стоявших сил и их органов, — внутри у себя вряд ли Пролеткульт придерживался этого принципа, оперируя по отношению к своим членам той же директивой в духе «диктатуры пролетариата» («культурной диктатуры пролетариата»), за которую ратовали его вожди¹³), и по существу представляя собой попытку образования другой партии той же диктатуры — «культурной» партии, в отличие от политической большевистской партии Ленина, что для последнего, собственно, и было основным мотивом для преследования Пролеткульта.

Очевидно, зажим этой внутренней свободы был настолько чувствителен, что привел к выделению из Пролеткульта еще до исхода его борьбы за свою внешнюю свободу первого, «пролетарского» же литературного клуба «Кузница», основатели которого, повидимому, предпочли внешнюю несвободу подчинения Наркомпросу, против которого упорствовал Пролеткульт, несвободе внутренней от пролеткультовской «культурной диктатуры пролетариата» с ее особенно угнетающим подлинного художника организационным массовизмом, которому «Кузница» впервые пыталась противопоставить фактически элитарный принцип построения организационной единицы — литературного клуба с последующим объединением этих единиц в свободные «ассоциации». Однако, под конец второго этапа советизации попадает в полосу кризиса и «Кузница» — и притом все в той же плоскости свободы — раскалываемая молодыми, агрессивно настроенными пролетарствующими, энтузиастами дисциплинированного подчинения уже не только Наркомпросу, а самой партии непосредственно.

Энтузиасты эти в начале третьего этапа советизации создают свои собственные клубы («Молодая Гвардия», «Октябрь» и др.) и упоминавшийся выше журнал «На посту», при помощи его открывают цензурально-критическую кампанию, выставляют требование мандатной «пролетарской» гегемонии, захватывают по инициативе «Кузницы» образовавшиеся, но за-

¹³) В. Яч. Полонский, Литературное движение октябрьского десятилетия, «Печать и Революция», № 7, октябрь—ноябрь 1927 г., стр. 37, 70.

брошенные ею «ассоциации» (МАПП, ЛАПП, ВАПП), активизируют и превращают их структуру в «аппаратно»—бюрократическую. Пролеткультовскому «космизму», разделяемому и «Кузницей», противопоставляется лозунг микрокосмизма — «живого человека», выдвинутый Лелевичем и Безыменским, на основании принципа классовости форсируется расслоение литературы, по чисто сословным, своего рода куриям, напоминающее характерное для русской литературы XIX в. явление, к XX в. давно ею изжитое. Эта «дифференциация» на свою, «пролетарскую», курию привилегированного сословия, аналогично дворянству; курию крестьянскую; курию «попутчиков», аналогичную «разночинцам» своего времени, с искусственным и произвольным выделением из нее, по различным «тактическим» соображениям, особой, в высшей мере цензурально-критическому террору подлежащей категории «необуржуазных элементов» — входит прочно в быт, фактически акцептируется резолюцией ЦК 1925 г. и держится в течение всего периода советизации. Наряду с организационным оформлением «пролетарской» курии в «ассоциациях» пролетарствующих делаются попытки такого же оформления курии крестьянской, которую еще Пролеткульт предлагал оформить в виде параллельного ему «крестьянокульт». Однако, более или менее прочная и эффективная крестьянская литературная организация возникает лишь на Украине («Плуг»); в русской литературе ВОКП с начала и до конца остается искусственным, нежизненным и непродуктивным образованием, не отмеченным ни одним каким-либо выдающимся литературным именем или произведением; в Белоруссии попыток обособления и организационного оформления крестьянской литературы вовсе не наблюдается разве за исключением появившейся под конец периода советизации почти фиктивной «Белорусской Ассоциации пролетарско-колхозных писателей» с журналом «Беларусь Калгасная», быстро, однако, попавшим в опалу и закрытым).

После резолюции ЦК 1925 г. движение пролетарствующих, сменив персональный состав своего руководства, вносит некоторые изменения и в свое направление, развивая прежний микрокосмизм лозунга «живого человека» в психологизм, или, точнее, — в психоидеологизм, стремясь этим последним модифицировать пролеткультовскую еще основную установку тематоидеологизма и выставить его в качестве сдерживающего момента против обычно фаворизируемого и все больше форсируемого партией топикализма — голый злободневности, «конъюнктурщины». Усиленно форсируется лозунг «освоения наследства», выдвигается лозунг «пролетарского реализма», чем уже закладываются основы будущего «социалистического реализма»¹⁴⁾, хотя практически на данном этапе весь этот «пролетарский реализм» выливается в культивирование школы Толстого.

Всей этой, упорно пропагандируемой, проводимой и отстаиваемой программой движение «пролетарствующих» обособляется — «отстает» от явно направленной уже к финишу советизации практической программы партии и тем самым входит постепенно в конфликт с нею, оказываясь даже

---

¹⁴⁾ О преемственности «пролетарского» и «социалистического реализма», — см. мой доклад о соц. реализме на нью-йоркской конференции нашего Института, 28—29 апреля 1956 г. (Симпозиум Конференции на англ. яз., стр. 99—100). Об этом же позже (в конце 1956 г.) начали говорить и некоторые советские критики (см. статью Г. Струве о советской литературе после десталинизации в Бюллетене нашего Института на англ. яз., № 5, май 1957 г., стр. 31).

неожиданно — и так парадоксально! — в роли борца за свободу проведения этой своей программы хотя бы. Руководящий центр движения — руководство РАПП — по весьма справедливым упрекам возникшей в недрах движения оппозиции так называемого «Литфронта» такой линией поведения фактически превращает этот РАПП со всеми ведомыми им на поводу «пролетарскими ассоциациями» в своего рода «пролетарскую литературную партию», аналогично пролеткультовской «культурной партии» своего времени, становящуюся в положение претендующего на автономность параллельного дублета компартии для области литературы и искусства. Снова обеспокоенная возникновением такой дублирующей и конкурирующей силы, партия, провокационно инспирируя цензурально-критическую террористическую активность движения, использует ее против него же и наконец совсем ликвидирует его — вполне по формуле: «РАПП сделал свое дело, РАПП может уходить»...

Так борьбой за свободу начинается и такой же борьбой заканчивается история даже наиболее «социально близкого» советскому властвованию «пролетарского» движения, заложившего самые основы советизации литературы и искусства¹⁵⁾.

Следует лишь еще отметить, что «пролетарское» движение и его формы, которые зародились в русской литературе и посредством которых литература эта получила и утвердила свое центральное и централизующее место в советской формации литературы и искусства, перебрасываясь в литературы и искусства нерусские, подвергалось там процессу постепенной натурализации и национализации. Этому процессу, хотя и в наименьшей еще степени, начало было подвергаться уже пролеткультовское движение, пытавшееся пускать корни в литературе украинской, хотя как на Украине, так и особенно в Белоруссии, «пролеткульты» в основном (а в Белоруссии исключительно) оставались еще русскими организациями даже по языку. Выделявшиеся из Пролеткульта и дальше разделявшиеся литературные клубы и кружки («Молодая Гвардия», «Октябрь» и др.) часто служили моделями для образования подобных и даже с теми же вывесками и «платформами» национальных «пролетарских» клубов (например, «Октябрь» — для украинского «Жовтня», «Молодая Гвардия» — для белорусского «Маладняка» и т. п.). Однако, в дальнейшем своем развитии модели эти изменялись до неузнаваемости, как, например, «Гарт» («Закал») на Украине или «Маладняк» в Белоруссии, и, что главное, выделяя из себя образования оригинального типа, элитарно-академические по принципу образования и национально-прогрессивистские по направленности, как, украинская «Валпiте» или белорусская «Узвышша», выходящие фактически за рамки «пролетарских», хотя и сохраняющие, условно или частично, эту вывеску. Лишь «ассоциации» пролетарствующих — ВУСПП, БелАПП — от начала до конца представляли собой экспозитуры московского центра, не подвергавшиеся никакой национализации.

Начавшее развивать инициативу и деятельность одновременно с «пролетарским», «левое» движение не внесло такого вклада в дело советизации, как «пролетарское». Начали его энтузиасты сотрудничества с советской властью, ее «октябрьской революцией» и «коммунизмом», поэт-фу-

¹⁵⁾ Лучшее исследование «пролетарского» литературного движения — работа Э. Брауна, указанная выше в примеч. 11.

турист Маяковский, театральный новатор Мейерхольд и художник Альтман — всего трое из пяти, откликнувшихся на первый призыв власти и явившихся на созванное еще в начале ноября 1917 г. в Смольном первое собрание литературно-художественной интеллигенции (кроме них, на собрание это явились еще поэты Блок и Ивнев)¹⁶. Вначале движение пользовалось старой вывеской футуризма, пытаясь иногда улучшить ее модной приставкой «ком» — «комфутуризм», но уже с конца 1918 г. начинает прививаться для него пущенный в обиход Маяковским ярлык «левого искусства» (позже — «левого фронта искусства», сокращенно — «ЛЕФ»).

Футуристы начали новую советскую эпоху своей деятельности весьма красноречивой декларацией именно в пользу свободы искусства: в выпущенной ими 15 марта 1918 г. «Газете футуристов», в специальном «Манифесте летучей декларации футуристов», прямо выставлялось требование признать «отделение искусства от государства»¹⁷ (очевидно, под свежим еще впечатлением официально декретированного властью 5 февраля 1918 г. отделения Церкви от государства). Но к концу 1918 г. происходит здесь поворот прямо на 180° — к декларациям о «государственном искусстве футуризма», и даже столь симпатизирующий и протезирующий футуристам сам Луначарский оказывается вынужденным протестовать против их «стремления, говоря от лица определенной школы, говорить в то же время от лица власти»¹⁸. В начале 1919 г. футуристы пытаются «оформиться» и «по партийной линии» и зарегистрировать при Выборгском районе РКП(б) в Петрограде первый коллектив коммунистов-футуристов «Комфут», в чем, однако, получают отказ¹⁹. Инцидент этот вызывает краткую дискуссию о футуризме и коммунизме, в которой адепт футуризма Виктор Шкловский демонстративно отстаивает попираемые «комфутами» принципы свободы искусства и чистоты футуризма:

«Искусство всегда было вольно от жизни, и на цвете его никогда не отражался цвет флага над крепостью города... Футуризм был одним из чистейших достижений человеческого гения».

Возражения противоположной стороны в лице футуристического критика Пунина отправляются от входящей уже в штамп аргументации против «искусства для искусства», «идеализма» и т. п.²⁰.

Но, больше всего в силу известного закона «безрыбья», «левые», по общему признанию современников и историков, на первом этапе советизации завоевывают практически господство в литературе и искусстве — ту «гегемонию», которой позже начинают добиваться для себя пролетарствующие. Начинается определенное влияние их и на этих пролетарствующих, не без обратного, однако, процесса — в общем, идет процесс взаимного сближения обоих движений. Отрицательное отношение к «буржуазному наследству» крайних пролеткультовцев, несомненно, подогревается весьма агрессивной позицией футуристов в этом вопросе (хотя те же пролеткультовцы резко выступают и против футуристов, как против таких

16) Хроника советской литературы за 20 лет, «Литературный критик», № 7, 1937 г., стр. 118.

17) Там же, стр. 123.

18) Там же, стр. 139—140.

19) Там же, стр. 147.

20) Там же, стр. 153.

же «буржуазных последышей»); некоторые пролетарствующие поэты начинают увлекаться и «освоением» художественной техники футуризма. Но в еще большей мере наблюдается приближение футуристов к позициям пролетарствующих. Их теоретик, Чужак, выдвигает концепцию «искусства, как жизнестроения» — по сути, ту же пролеткультовско-богдановскую «всереорганизационную» концепцию. От доктрины примата формы, через лозунг единства формы и содержания в новаторстве («нужна новая форма искусства, о новом надо говорить новыми словами». — Маяковский), практически футуристы — особенно Маяковский — приходят к тому же примату тематоидеологизма, как «содержания». Разделяется ими и массовизм (хотя и с существенной поправкой о «подтягивании масс» к пониманию подлинного искусства, вместо снижения искусства в «понятности») и, особенно, принцип классовости, появляются иногда и налеты «космизма», а топиализм-злободневность Демьяна Бедного целиком входит в практику Маяковского и даже вызывает одобрение самого Ленина, столь отрицательно относившегося и к футуризму и к Маяковскому, как футуристу (отзыв о стихотворении «Прозаседавшиеся») ²¹).

Однако, как уже упоминалось, «Письмо ЦК» 1920 г., ударившее по Пролеткульту, наносит косвенный удар и по футуризму, как носителю и прививателю «нелепых и извращенных вкусов»; с этого момента начинается закат и практической «гегемонии» футуризма. Лишь на третьем этапе советизации, в 1923 г. футуризм оправляется от этого удара, создается ЛЕФ, впоследствии трансформирующийся в «Новый ЛЕФ», наконец — в «РЕФ», когда партийная оппозиция делает термин «левый» непопулярным... В выдвинутой ЛЕФом теории «социального заказа» парадоксально отражается еще стремление отстаивать некоторые пределы независимости и свободы художника, но об этом подробнее дальше в своем месте. Давление полумандатной гегемонии пролетарствующих приводит к самоликвидации бывших «левых», вожди которых вступают в РАПП, хотя главный вождь — Маяковский — вскоре после этого и в возможной, хотя бы частично, связи с этим пускает себе пулю... Несколько дольше продолжается движение в других искусствах, где оно вообще развивает и более широкую и более плодотворную деятельность, особенно в театре, но и здесь уже на первом этапе сталинизации его добивают «формализмом», а вождь его — Мейерхольд — гибнет еще более трагично, чем Маяковский.

Аналогичными путями, и не без оглядки на русский футуризм, хотя и в оригинальных формах («панфутуризм», «коммункульт»), шло развитие и футуризма украинского, которому, однако, не удалось завоевать даже той кратковременной гегемонии в литературе, которой пользовался русский футуризм. В Белоруссии, не знавшей футуризма и до революции, «комфутуризм» проявился лишь в сильно запоздавшем по времени и весьма быстролетном эпизоде кратковременного существования «левой» организации «Літаратурная Камуна» в 1927—28 гг.

Кроме футуризма, в «левом» движении следует отметить еще течение конструктивизма, в изобразительных искусствах расцветшее сразу же после революции, а в литературе — со второго этапа советизации (в рус-

---

²¹) Большевицкая партия и советская литература, «Новый мир», № 5, май 1947 г., стр. 126.

ской литературе — с 1922—23 гг., в украинской — с 1925 г.), но при раз-
мерах настоящего доклада останавливаться на нем подробнее не пред-
ставляется возможным.

Все «левое» движение было, конечно, лишь наиболее «левым» (в обыч-
ном, политическом смысле этого слова) из всех «попутнических» движе-
ний и в качестве такового всегда официально и расценивалось, как ни
нравилось это самим «левым», всегда претендовавшим на звание «проле-
тарского» или «коммунистического» отряда литературы и искусства и,
притом, самого передового, если даже не вообще единственного, заслужи-
вавшего такое звание. Кроме него, с самого же начала советской эры воз-
никали и другие попутнические движения, среди которых, прежде всего,
следует отметить так называемое «скифство», основной программный те-
зис которого поэтически оформил в 1918 г. в известном стихотворении
«Скифы» упоминавшийся уже выше Александр Блок, вместе с Маяков-
ским и Мейерхольдом явившийся на первый зов власти в пятерке пер-
вых энтузиастов сотрудничества с нею. Связанное и даже, собственно,
инспирируемое левыми эсерами, этими политическими «попутчиками» (да-
же кратковременными союзниками) большевиков, течение это отличалось
своеобразным полумистическим национал-большевистствующим мессианиз-
мом, уходящим своими корнями в славянофильство и прорастающим в
«евразийство» (если бы этот последний термин не имел позднейших по-
литических коннотаций, он был бы здесь более подходящим, чем «скиф-
ство»), а художественно облакаемым в формы стилизации эпохи (особен-
но удачно — в гениальных «Двенадцати» Блока). Кроме Блока, в этом дви-
жении можно назвать Андрея Белого с его «Христос Воскресе», Есенина
с «Инонией», «Товарищем» и др., Клюева, Орешина, Клычкова и, конечно,
Иванова-Разумника, главного интерпретатора блоковского «скифства»,
идеолога и организатора движения.

Как и весь союз левых эсеров с большевиками, «скифство» оказалось
весьма недолговечным, расцвело и отцвело в 1917—18 гг. Некоторые от-
звуки его попадают в отдельных случаях и позже (например, в «Голом
годе» Пильняка, в 1921 г., в поэзии Максимилиана Волошина, в 1924 г., и
др.). На Украине, кроме отдельных случаев влияния некоторых образов
«Двенадцати» (впрочем, не финального их образа — Христа), следует от-
метить выдвинутую позже Хвылевым идею «азиатского ренессанса» (с
переносом евразийского мессианизма на Украину). В Белоруссии же твор-
чество первых пролетарствующих и одновременно национал-большевист-
ствующих прямо-таки прошло под знаком «Двенадцати» и даже «Ски-
фов» (М. Чарот и его «Босыя на вогнішчы», М. Грамыка и его «Міліён»
и др.).

Как уже упоминалось, над просоветизацией всех «попутчиков» работал
по директиве самого Ленина, Воронский, при помощи специально создан-
ного в 1921 г. «толстого» журнала «Красная Новь». Интересным, хотя и
косвенным результатом этой его работы было возникновение литератур-
ного движения молодежи, оформившегося и организационно в «содружест-
во» «Перевал» (с 1924 г.). Не назвавшее себя ни «пролетарским», ни «по-
путническим», а просто «рабоче-крестьянским», движение это целиком
восприняло всю художественную программу Воронского с ее концепцией
искусства как жизнепознания (в противовес «всеорганизующей» концеп-
ции пролетарствующих с ее левовским вариантом искусства-жизнестрое-

ния)²²⁾, постулатом искренности, художественной культуры, литературной морали и т. д. Устремлением к художественной культуре и прогрессу движение близко подходит к упоминавшимся уже движениям на Украине и в Белоруссии («Ваплите», «Узвышша»), особенно когда к 1930 г. начинает переходить к элитарно-академическому построению в отказ от прежнего массовизма. Однако, партийный уклон к троцкизму Воронского, помогший пролетарствующим разгромить «воронщину», мешает репутации и «Перевала», что лишает его возможности нормального развития и устойчивого существования, вызывая текучесть состава, неуверенность и изменчивость самой линии.

Однако, несмотря на это, перевальское движение представляет собой в основном и в своем развитии и перспективе уже переход от «попутнического» движения к оппозиционному. Правда, «Перевал» далеко не первый в этом смысле в русской и других литературах — движения и течения оппозиции и сопротивления советизации возникают уже с первого этапа ее, и на них сейчас и следует остановиться.

Оппозицией советизации со стороны большинства деятелей литературы и искусства отмечены уже первые дни советской власти, о ней говорит и приведенный уже факт отклика на призыв этой власти со стороны всего лишь пяти энтузиастов и, особенно, известное протестационное и забастовочное движение в театре²³⁾. Однако, благодаря применению известной политики «кнута и пряника», оппозиция эта довольно быстро ликвидируется или переходит от активных форм к пассивным. В литературе, собственно, эти пассивные формы превалируют с самого начала. Так, позицию полного игнорирования советского момента занимает с самого начала и держится ее все время такое сильное еще в то время течение русской поэзии, как акмеизм. На позиции эскапизма, «бегства в мечту», быстро переходят и «скифствующие», реализуя эти позиции в начавшем выходить с 1919 г. под редакцией Андрея Белого журнале «Записки мечтателей», становящемся органом этого течения «мечтательного эскапизма», группирующим вокруг себя все элементы пассивной оппозиции, в том числе и тех же акмеистов и др. (как, например, Е. Замятин и др.). Так развивается литературной в внутренней эмиграции, проявляющейся во всех подсоветских литературах, а особенно в литературе белорусской, по целому ряду обстоятельств не успевшей выделить из себя сколько-нибудь значительной литературной внешней эмиграции. Так называемый «неоклассицизм» на Украине — по сути, явление того же порядка.

Первым движением активной оппозиции советизации литературы и искусства было возникшее с начала 1919 г. движение имажинистов, на «передовой линии» которых выступили поэты Есенин, Ивнев (оба из «скифствующих»), Мариенгоф, Шершеневич (из футуристов) и художники Эрд-

---

²²⁾ Впрочем, позже пролетарствующие эклектически сочетали обе концепции и вообще много заимствовали у Воронского (см. об этом в указан. в примеч. 11 работе Э. Брауна, стр. 58 и след.).

²³⁾ См. выше, по прим. 16; подробнее — Н. А. Горчаков, История советского театра, изд-во им. Чехова, Нью-Йорк, 1956, стр. 25—37.

ман и Якулов²⁴). Оппозиция имажинизма в непосредственном отношении представлял собой оппозиционную футуризму, точнее — «комфутуризму» (по саркастической терминологии имажинистов — «третичному футуризму»), но, направляясь прежде всего и больше всего против советизационной эволюции этого футуризма, тем самым оказывалась оппозицией против советизации в конечном счете.

Хотя имажинисты и выдвигали свою собственную доктрину — доктрину образа, как конституционную доктрину своего движения, они демонстративно подчеркивали свое отрицательное отношение к подчинению, включению ее в какие-либо общие доктринальные системы философского порядка, как это делали и комфутуристы и пролетарствующие, стремясь выводить все свои доктрины из марксизма (или, вернее, подгонять их под нее)²⁵). Но наибольшую оппозицию вызвала у имажинистов доктринальная установка тематоидеологизма, разделяемая и пролетарствующими, и комфутуристами:

«Тема, содержание — это слепая кишка искусства — не должна выпирать, как грыжа, из произведений. А футуризм только то и делал, что за всеми своими заботами о форме... говорил о форме, а думал о содержании»²⁶).

Это, конечно, протест против навязанности, заданности тематоидеологически понимаемого «содержания» под прикрытием «примата» его, а не крайне формалистическое отрицание содержания вообще, как пытались изобразить это тенденциозные критики²⁷).

По той же линии шло и демонстративное отстаивание имажинистами «самого точного и самого ясного отделения одного искусства от другого... дифференциации искусств», сводившееся фактически и прежде всего к отстаиванию свободы от литературизации искусств, как средства тематоидеологизации их: «Актер — помни, что театр — не инсценировочное место литературы... Театру — освобождение от... литературы»²⁸). В этом пункте имажинисты сходились с известным театральным новатором Таировым, кстати, сотрудничавшим в их журнале «Гостиница для путешественников в прекрасном»²⁹); вообще, Камерный театр Таирова с полным основанием можно рассматривать, как прочную, наиболее продолжительное время продержавшуюся тыловую крепость того движения, застрельщиком которого была «передовая линия имажинистов» — поэтов и художников³⁰).

²⁴ Подписанная ими декларация появилась впервые в двухнедельном иллюстрированном журнале «Сирена» (изд. в Воронеже) от 30 января 1919 г. Полный текст напечатан в сборнике «Литературные манифесты», подготовленном к печати Н. Л. Бродским, В. Львовым-Рогачевским, Н. П. Сидоровым, изд-во «Федерация», Москва, 1929, стр. 89—93.

²⁵ Там же, стр. 93 («У нас нет философии. Если кому-нибудь не лень — создайте философию имажинизма»).

²⁶ Там же, стр. 90.

²⁷ Хотя более серьезные коммунистические критики понимали, что «это не значит, что имажинисты хотели быть «бессодержательными». Речь идет о том, чтобы передавать содержание без заботы о нем. Оно явится само собой» (Вяч. Полонский, в статье, указ. выше, в примеч. 13).

²⁸ Литературные манифесты (см. примеч. 24), стр. 91—92.

²⁹ В № 1 «Гостиницы...» за 1922 г. он поместил «Из записной книжки»; в № 1(3) «Гостиницы...» за 1924 г. помещена статья К. Фельдмана — «Статья вообще и о Камерном театре в частности» с апологией Таирова и его театра.

³⁰ Так же, как театр Мейерхольда — для «левого» движения, а Второй Моск. Худ. театр — для течения «мечтательного эскапизма».

Имажинисты выступили на арену в весьма тяжелое для книгопечатания время, когда крайне обострившийся в условиях разрухи первых лет советской власти бумажный кризис при государственной монополии на бумагу и типографские средства делал издательскую деятельность почти невозможной. Но и в этот, окрещенный современниками «кафейным», период они быстро завоевали господство в московских литературных аудиториях — кафе, не имея никакой поддержки и покровительства властей, которым пользовались комфутуристы в Петрограде, также сумели развить невероятную по условиям времени издательскую деятельность, завоевав и книжные витрины. Это вскоре обратило на себя внимание властей, и Луначарский в специальном письме в редакцию «Известий» от 14 апреля 1921 г. выступил против этих изданий имажинистов, как выходящих «незаконно, т. е. бумага и типографии достаются помимо Государственного издательства незаконным образом» и — главное — содержащих «злостное надругательство... над современной Россией»; «Главполитпросвет постановил расследовать и привлечь к ответственности людей, способствующих появлению в свет и распространению этих позорных книг», — сообщал в заключение «либеральный министр»³¹⁾.

После этого деятельность имажинистов замерла до конца первого этапа советизации, но с началом второго этапа они понемногу возобновляют ее, начиная издание упомянутого уже журнала «Гостиница...». Движение обнаруживает явное стремление к углублению своей доктрины и практики, к осознанию своего места в историко-литературном процессе. Ориентиром движения объявляется Пушкин, но в весьма красноречивой формулировке: «Не назад к Пушкину, а вперед от Пушкина. Мы умышленно принимаем за отправную точку вершину расцвета, а не подошву упадка (Некрасов)»³²⁾. Конъюнктурный топикализм — «злостный технизм» — объявляется полярной противоположностью поэзии³³⁾. Классовости противопоставляется «внеклассовый идеализм», «деклассированность», которую имажинисты даже вменяют себе в заслугу. Оппозиционные выпады также углубляются и обостряются: «Не напоминают ли пролетарствующий ЛЕФ и литературные октябристы из «На посту» — потемкинские деревни?» — и, особенно, весьма недвусмысленная декларация: «Имажинизм борется за отмену крепостного права сознания и чувства»³⁴⁾.

По верной оценке Д. Мирского, «во время худших дней большевистской тирании, когда книгоиздательство стало невозможным, имажинисты были живым напоминанием о бессмертной свободе; они были единственной независимой группой, не боявшейся обратить на себя внимание властей»³⁵⁾. Ясно, что в советских условиях такое «живое напоминание» не могло долго существовать. В 1928 г. один из главных основателей, организаторов, лидеров и теоретиков имажинизма, В. Шершеневич, на вопрос о том, «существуют ли имажинисты», мог дать уже лишь отрицательный ответ, попутно между строк указывая на обстоятельства и причины исчезновения има-

³¹⁾ Хроника советской литературы за 20 лет, «Литературный критик», № 9, 1937 г., стр. 71.

³²⁾ «Почти декларация», Литературные манифесты (см. прим. 24), стр. 123.

³³⁾ Там же, стр. 120 («Два полюса: поэзия, газета»).

³⁴⁾ «Восемь пунктов», там же, стр. 123, 126.

³⁵⁾ D. S. Mirsky, A History of Russian Literature, Edited and abridged by Francis J. Whitfield, New York: Alfred A. Knopf, 1955, pp. 494—495.

жинизма. Так, говоря о борьбе имажинизма и футуризма, Шершеневич констатирует:

«О победе говорить не приходится, ибо побежденными оказались обе школы. Если имажинизм сейчас мертв, то футуризм уже благополучно похоронен. Это произошло в силу объективных причин, лежащих вне поэзии», и несколько дальше:

«Сущность поэзии переключена: из искусства она превратилась в полемику. От поэзии отнята лиричность».

Еще красноречивее прогноз на будущее:

«Новое возрождение поэзии произойдет не под лозунгами имажинизма уже прежде всего потому, что возрождающейся поэзии придется иметь перед собою врагом не натурализм под маской футуризма, а иного врага».

И, наконец, главную заслугу имажинизма один из его бывших мэтров усматривает в том, что он «разоблачил обманчивый и внешне привлекательный вид троянского коня футуризма, в брюхе которого помещался старинный враг поэзии — абстракция лозунгового слова»³⁶).

При всех недоговариваниях, обусловленных, конечно, обстоятельствами цензуры, к 1928 г. развившей до совершенства все свои советские виды, вплоть до своеобразной, самой предварительной автоцензуры самого пишущего, картина, изображенная Шершеневичем, совершенно ясна — это картина действия той же советизации литературы и искусства, которая похоронила не только имажинизм и футуризм, но и все более или менее самостоятельные движения и течения.

Имажинизм не остался в пределах русской литературы. Если на Украине заметно было восприятие манеры имажинизма в той или иной степени некоторыми писателями (Чумак, Михайличенко, даже В. Сосюра и П. Тычина), то в литературе белорусской можно говорить уже о своем движении имажинизма, поставившем эту манеру на более прочную почву фольклора (пересечение с которым уже определено замечается и в творчестве такого, несмотря на высказываемые критикой сомнения, бесспорного имажиниста, как Есенин) и еще более заострившем его оппозиционность, придав ей национальную и даже националистическую окраску. Движение это, актуализированное наиболее выдающимися из белорусских поэтов послереволюционного времени, Пуцей и Дубоўкой, стало наиболее популярным в рамках упоминавшейся уже организации «Маладняк» и вместе с Дубоўкой и Пуцей и их последователями перешло в основанное ими «Узвышша», в декларативных «Тезисах» которого сохранялся имажинистский тезис «концентрационной образности»³⁷), реализовавшийся, по крайней мере, в практике всех лирических поэтов имажинизма.

Нам пришлось дольше остановиться на имажинизме, так как с легкой руки его поэтических и, особенно, политических противников установилось отношение к нему, как к чему-то несерьезному, — отношение, которое, безусловно, подлежит пересмотру не только в той плоскости, в которой ведется здесь изложение, но и вообще пересмотру всестороннему и осно-

³⁶ В. Шершеневич, Существуют ли имажинисты, «Читатель и писатель», № 3, 1928 г.

³⁷ См. журнал «Узвышша», № 1 за 1927 г., стр. 169. Заметку о белорусских имажинистах поместила в свое время и «Гостиница...» в № 4 за 1924 г. (кроме белорусских, в ней были отмечены и еврейские имажинисты — в № 1 (3) за 1924 г.).

вательной переоценке. Совершенно иная репутация и известность у возникшего как раз в перерыве деятельности имажинистов, в 1921 г., также оппозиционного (и также недолговечного) движения «Серрапионовых братьев», и поэтому в наших рамках на нем можно задержаться меньше.

Оппозиционность «серрапионов» в одном из своих исходных пунктов совершенно совпала с оппозиционностью имажинистов: они также, и еще даже более заостренно, выступали против «примата» тематоидеологизма, против того, чтобы идеология намеренно выпячивалась, «выпирала» из произведения и служила мерилom его общей ценности («пора сказать, что некоммунистический рассказ может быть бездарным, но может быть и гениальным») ³⁸⁾, хотя идеологии как таковой они и не отрицали, считая ее лишь одним из элементов произведения и отстаивая свободу исповедания писателем той или иной идеологической доктрины при единственном условии искренности, нефальшивости. «Мы не хотим утилитаризма, мы пишем не для пропаганды», — демонстративно декларировали «серрапионы». «Произведение может отражать эпоху и не отражать, от этого оно хуже не станет», — так парировали они и становившееся уже официальным требование злободневности — топикализма ³⁹⁾.

Не только свобода идеологии, свобода от утилитаризма, от обязательной пропагандной установки, от злободневности, но и свобода от непосредственного административного подчинения власти входила в глазах «серрапионов» в число необходимых для творчества условий. Явно под впечатлением недавнего лишения этой свободы Пролеткульта в конце первого этапа советизации, серрапионовец М. Слонимский, первым высказавшийся в анкете «Серрапионовы братья о себе», прямо заявляет, что серрапионовцы «пуще всего боялись потерять независимость, чтобы не оказалось вдруг «Общество Серрапионовых Братьев при Наркомпросе» или чем-нибудь другим» ⁴⁰⁾. Смело и демонстративно отвергали они и входивший в быт, особенно у пролетарствующих, бюрократический принцип организации: «В феврале 1921 г., в период величайших регламентаций, регистраций и казарменного упорядочения, когда всем был дан железный и скучный устав — мы решили собираться без уставов и председателей, без выборов и голосований» (см. сноску 39).

Советизационным и просоветизационным концепциям искусства как жизнестроения или жизнепознания «серрапионы» противопоставили свою простую и наиболее естественную концепцию искусства как жизни, по которой искусство должно «не быть копией с природы, а жить наравне с природой», ибо оно «реально, как сама жизнь. И, как сама жизнь, оно без цели и без смысла: существует, потому что не может не существовать» (несколько позже в Белоруссии и на Украине также оппозиционные течения нашли для этой концепции соответствующий термин — «витаизм», пытаясь построить на ней новые литературные движения). Исходя из этой же концепции, «серрапионы» строили свою организацию на принципе жизненной связи между членами — на принципе «братства»: «Мы не сочлены одного клуба, не коллеги, не товарищи, а — братья!» (см. сноску 38; несколько

---

³⁸⁾ Серрапионовы братья о себе, «Литературные записки», № 3, 1 августа 1922 г., стр. 31.

³⁹⁾ Там же, стр. 30.

⁴⁰⁾ Там же, стр. 25.

позже тот же по сути принцип принимают и другие оппозиционные организации — «содружество» «Перевал», белорусское «згуртаваньне» «Узвышша»).

Определенно оппозиционный смысл имела и провозглашенная наиболее авторитетно выступавшим от имени движения Лунцем ориентация «на Запад»⁴¹⁾, так и расцененная цензуральной критикой, несмотря на чисто художественную и вообще весьма ограниченную плоскость, в которой она провозглашалась (позже такую же ориентацию провозгласил в более широкой плоскости вождь украинской «Ваплите» Хвылевой, ее же фактически исповедывало и белорусское «Узвышша»).

При всей оппозиционности движения, отдельные «серапионовы братья», однако, во все большем количестве и степени становились и официально признавались «попутчиками», пока не вошли более или менее прочно в советскую литературу. Такую эволюцию их можно лучше всего понять в свете характерного высказывания о себе в упомянутой выше анкете одного из них, Николая Тихонова, ход и результаты эволюции которого иногда так удивляют критиков⁴²⁾:

«Сидел в Чека и с комиссарами разными ругался и буду ругаться, но знаю одно: та Россия, единственная, которая есть — она здесь. А остальных Россий, книжных, зарубежных, карманных, знать не знаю и знать не хочу. Эту здесь люблю сильно и стоять за нее готов»⁴³⁾.

Попутчиками, а затем постепенно и просто путниками так понимаемой России и стало большинство серапионовцев, ее условиям и требованиям подчинив и всю свою оппозиционность, по-гегелевски «сняв» ее, как и самое свое «братство», официально давно переставшее существовать, а в жизни, в быту, как передают, и поныне сохраняющееся. И не случайно срываются иногда с такого пути отдельные «братья», и в опалу попадают (как Зоценко, да и тот же Тихонов — в ждановскую) и чуть ли не в крамолу впадают (как Каверин, Федин, — недавно), но неизменно оказываются снова на том же пути, к удовлетворению и своему и тот путь ведущих.

Завершение советизации и вступление в действие сталинизации литературы и искусства принесло с собой ликвидацию не только организованных единиц, но и всех стоявших и не стоявших за ними, и советизационных и оппозиционных движений и течений литературного и художественного процесса и унификацию их в едином и единственном, строго регламентированном и регулируемом движении, получившем официальное наименование «социалистического реализма». Историю возникновения этого движения и характеристику созданной им системы мне пришлось уже предложить вниманию одной из конференций нашего Института, состоявшейся в прошлом году и опубликовавшей свой симпозиум, на свою часть которого — «Социалистический реализм и его современные аспекты» — сошлюсь сейчас и по необходимости буду ссылаться в дальнейшем⁴⁴⁾.

41) Л. Лунц, «На Запад!», речь на собрании Серапионовых братьев, 2 декабря 1922 г., — «Беседа», № 3, Берлин, сентябрь—октябрь 1923 г., стр. 259—274.

42) См., например, В. Марков, «Приглушенные голоса», изд-во им. Чехова, Нью-Йорк, 1952, стр. 24.

43) «Серапионовы братья о себе» (см. примеч. 38), стр. 29.

44) A. Adamovich, „Socialist Realism and its Current Aspects“, Report on the Soviet Union in 1956, a Symposium of the Institute for the Study of the USSR, New York, 1956, pp. 99—118.

Система «социалистического реализма» достигла своей стабилизации на втором, стабилизационном этапе периода сталинизации; четвертый, ждановский этап этого периода довел эту стабилизацию до крайних возможных пределов. Здесь основа «социалистического реализма» — партийно-пропагандный псевдореализм, представляющий собой определяемую линией партийной пропаганды и доводимую до фальсификации идеализацию во внешней оболочке стремящегося к иллюзионизму реализма⁴⁵⁾ — отливается в фиксированные формулы, становящиеся шаблонами художественной практики (основная из них великолепно представлена американским исследователем русской литературы проф. Э. Симмонсом в виде «формулы советской беллетристики»)⁴⁶⁾. Здесь и вся система «социалистического реализма» окончательно застывает в том своем виде, который в терминах истории литературы и искусства наиболее точно может быть обозначен как неопсевдоклассицизм, а при еще большем историческом уточнении — сталинский неопсевдоклассицизм⁴⁷⁾.

Никаких течений, даже намеков на возможности становления их внутри единого движения «социалистического реализма» в период сталинизации не наблюдается. Нельзя даже констатировать в нем наличие школ в узком смысле — школ отдельных художников, изредка можно лишь наблюдать явление школ в наиболее узком смысле — школ отдельных произведений (например, можно говорить о школе «Поднятой целины» Шолохова). Лишь в послесталинском периоде появляются зародышевые образования течений внутри и теоретически и практически продолжающегося движения «социалистического реализма». Второй этап этого периода и отмечен появлением первого такого течения, получившего по своему первому и наиболее характерному представителю — повести Эренбурга — название «оттепели» и характеризующегося сдвигом от псевдореализма к полуреализму и шире — от сталинского неопсевдоклассицизма к некоему посталинскому неосентиментализму⁴⁸⁾. Однако, появившаяся после соответствующей цензурально-критической кампании вторая часть той же повести Эренбурга засвидетельствовала собой конец этого, оказавшегося весьма недолговечным, течения.

---

⁴⁵⁾ См. сноску 44. Там же, стр. 103—104.

⁴⁶⁾ Там же, стр. 104, примеч. 32. По проф. Симмонсу, формула эта содержит «колхоз, завод, промышленное предприятие или новостройку после войны. Миссия героя или героини — почти всегда коммунистов — восстановить колхоз, разоренный войною, или ввести какое-либо нововведение в колхозе, заводе, предприятии или стройке, в результате чего — перевыполнение норм производства. Конфликт возникает обычно между свежими идеями и усилиями положительного героя и отсталостью или «буржуазными пережитками» отрицательного персонажа или персонажей. В результате борьбы «деус экс махина» бывает часто секретарь райкома партии, вносящий в критические моменты мудрость и помощь партии на поддержку колеблющемуся герою. Развитие характера, если оно существует, обычно концентрируется в герое-коммунисте. Безупречный беломраморный ореол его партийных добродетелей обычно содержит какой-либо идеологический дефект — напыщенную гордость, тенденцию пытаться делать все самому, неспособность работать с коллективом или неверное обоснование своей концепции социалистического труда. Посредством сурового опыта или практического совета или примера партсекретаря, эти дефекты выправляются в течение романа или рассказа...».

⁴⁷⁾ Там же, стр. 100—103.

⁴⁸⁾ Там же, стр. 107—111.

Третий этап послесталинского периода ознаменовался появлением нового и более бурного течения внутри того же «социалистического реализма», которое по эту сторону «железного занавеса» пытались окрестить даже «новым реализмом», а по ту сторону сами представители его предпочитают называть «критической линией». В основе этого течения, зародившегося в плоскости различных «реабилитаций», характерных для данного этапа, — стремление к реабилитации критического подхода, признававшегося в «социалистическом реализме» по отношению к советским объектам лишь номинально. Однако, говорить здесь о сдвиге в сторону так называемого «критического реализма» от, по существу апологетического, «социалистического реализма» не приходится, так как представители этой «критической линии» фактически оперируют всеми патентованными средствами того же «социалистического реализма», переосмысливая и переставляя лишь содержание столь существенных для него категорий положительного и отрицательного.

Четвертый этап послесталинского периода отмечен и сейчас еще не утихшим цензурально-критическим погромом этой «линии», особенно наиболее выдающихся представителей ее — нашумевшего романа Дудинцева, альманахов «День поэзии» и «Литературная Москва» и др. Начавшиеся уже «признания ошибок» и покаяния традиционно предвещают приближение конца и этого погрома и всей «линии».

4.

Так, вкратце, представляется сорокалетняя картина движений и течений литературного и художественного процесса в СССР. Бросим общий и беглый взгляд на важнейшие результаты этих движений и течений, на те, так сказать, отложения непосредственных художественных ценностей, которые они принесли и оставили после себя. Общий вид этих отложений представляет собой картину поляризации с выделяющимися на одном полюсе и ближе к нему отложениями советизационного и советского характера, а ближе к другому полюсу и на нем самом — отложениями характера нейтрального и оппозиционного.

На первом полюсе, который условно удобнее считать «северным», отложилось прежде всего и больше всего то, что на Западе и особенно в Америке называют «псевдолитературой» и «псевдоискусством». Один из американских ученых, Т. К. Поллок, определяет псевдолитературу как произведение, автор которых

«прежде всего озабочен не выражением своего собственного переживания, а просто вызыванием в читателе переживания... которое, по тем или иным причинам, обычно коммерческим, автор или издатель желает иметь у читателя»⁴⁹⁾.

Определение это полностью покрывает количественно прямо-таки необъятный контингент произведений советской литературы, в просторечии часто обозначаемых ярлыком «агитки» (при употреблении этого слова в широком смысле). Даже «коммерческий» момент здесь вполне на месте, если иметь в виду, что коммерции могут подлежать не только материальные то-

---

⁴⁹⁾ Thomas Clark Pollock, *The Nature of Literature*, Princeton University Press, Princeton, 1942, p. 180.

вары, но и так называемые «идеологические продукты», продажей (и даже экспортом) которых больше всего и занимается советская идеократия, всячески старающаяся, по американскому выражению, «продать свою партийную линию».

В коммерческом плане, по Поллоку обычно причинно-определяющем здесь, лежит и самый исходный момент псевдолитературы — момент *з а к а*. Момент этот с самого начала неизменно присутствует и играет главную роль уже в практике советизации литературы и искусства, хотя начиная со второго этапа ее в советских заказах литературе и искусству все сильнее и сильнее звучит тон фактического приказа. Практика эта породила и общеизвестную, по имени хотя бы, теорию «социального заказа» с весьма характерным первоначальным смыслом, уже менее известным и потому заслуживающим того, чтобы остановиться на нем несколько подробнее.

Термин «социальный заказ» появился в недрах «левого» движения еще на ранних этапах советизации литературы и искусства. Прилагательное «социальный» служило в нем прежде всего для целей облагораживания как-никак одиозного смысла существительного «заказ». Характерно, что выдвинутому ими «социальному заказу» «левые» противопоставляли не столько заказ индивидуальный, как логически следовало бы ожидать, а «реальный заказ», чем, наоборот, самому «социальному заказу» придавался еще более облагораживающий смысл заказа идеального. Однако, в противопоставлениях этих, да и, собственно, во всем термине скрыт был и еще один, наиболее глубокий и важный, да и наиболее интересный смысл. Когда к 1927 г. термин «социальный заказ», вышедший от «левых», вошел почти во всеобщее употребление, против него выступил коммунистический критик Вяч. Полонский, указавший, что термин этот предполагает известную свободу, независимость, которой не может быть в отношениях между художником и «классом» — свободу интерпретации «заказа» исполнителем, наконец, даже отклонения или неисполнения его⁵⁰). В 1929 г. по инициативе того же Полонского состоялась специальная дискуссия о социальном заказе, в которой «левые» устами О. Брика разъяснили весьма недвусмысленно:

«В том-то и дело, что левовцы, говоря о заказе, имеют в виду не заказ, который дается отдельными представителями класса, даже не отдельными учреждениями, в которых выражается воля класса, а говорят о самостоятельном понимании этого социального заказа, которое может противоречить реальному заказу отдельных представителей класса»⁵¹).

Таким образом, в теории социального заказа «левые» пытались резервировать для литературы и искусства позицию свободы от директивы не только «отдельных представителей класса» — диктаторов больших и меньших — но и «отдельных учреждений, в которых выражается воля класса» — т. е. самой власти, самой партии. Близко примкнул к этой позиции и принявший в дискуссии участие Б. Пильняк, предложивший вообще говорить не о «заказе», а о «наказе» (в том смысле, в котором говорится, на-

---

⁵⁰) Вяч. Полонский, Художник и классы (о теории социального заказа), «Новый мир», № 9, сентябрь 1927 г., стр. 169—176.

⁵¹) О. Брик, Не теория, а лозунг, «Печать и Революция», № 1, январь—февраль 1929 г., стр. 29.

пример, о наказе избирателей избираемым); с другой стороны, говорилось уже и довольно откровенно о замене «заказа» — «приказом»⁵²⁾.

Термин «социальный заказ» дошел до наших дней, давно утратив те коннотации свободы и независимости, которые пытались внести в него «левые», и сохранив, по сути, лишь первоначальную облагораживающую, идеализирующую функцию прикрытия собой не социального, а государственного, и не заказа, а приказа. Если в период советизации «приказ» этот еще и формулировался в виде «заказа», предъявляемого от имени общества («класса») его отдельными представителями с публичной трибуны критики или, пусть даже, в официальной обстановке редакторского или иного кабинета, то с наступлением периода сталинизации первоначальное право такой формулировки перешло в руки самого Сталина, ставшего верховным «заказчиком» советской литературы и искусства.

Определяющие эту сталинскую формулировку его личные вкусы и навыки стали, таким образом, всеобязующими нормами. Вкусы же эти, как известно, были уже не только реакционными или консервативными, как у Ленина, но и в значительной мере просто примитивными. Они, как верно отмечено в одном из изданий нашего Института, «вышли из мещанско-обывательской среды домашнего окружения, семинарских симпатий и быта профессиональных революционеров, в художественном отношении бедного и ограниченного условиями жизни. Они остановились где-то на полпути между народными и интеллигентными потребностями» (тут же очень хорошо охарактеризованы вкусы Сталина в музыке)⁵³⁾. В литературе вкусы эти определялись школьными хрестоматийными классиками и любимыми писателями самого «Ильича», как Салтыков-Щедрин и особенно Горький, знаменитый сталинский отзыв об одной из простеньких стихотворных сказок которого — «Девушка и смерть» — «Эта штука сильнее чем «Фауст» Гете (любовь побеждает смерть⁵⁴⁾», — остается прямо-таки шедевром (даже обычной грамотности). О театральных вкусах Сталина хорошо свидетельствуют его отзывы об отдельных постановках (например, особенно о постановке «Виринеи» Сейфулиной в театре Вахтангова)⁵⁵⁾.

Кроме вкусов Сталина, значение норм приобрели также и его навыки, особенно навык коллективизированной, «бригадной» или «стахановской» работы, при которой роль автора сводится разве лишь к финальным операциям «отбойным молотком», а фактическую работу проводит целый коллектив, подготавливающий все и непрерывно ассистирующий (так, как известно, и «творил» свои произведения Сталин). Отсюда и особенное распространение в период сталинизации «бригадных» работ, даже в изобразительных искусствах, о чем с недоуменным осуждением вспоминал недавно маститый художник и искусствовед И. Грабарь⁵⁶⁾.

Но особенно отразилась на «заказах» Сталина его мания величия, породившая пресловутый «культ личности», а в литературе и искусстве выз-

⁵²⁾ В яч. Полонский, Художественное творчество и классы, «Печать и Революция», № 2—3, февраль—март 1929 г., стр. 36.

⁵³⁾ Проф. Н. Куликович, Советская опера на службе партии и правительства, Мюнхен, 1955, стр. 130, примеч. 132.

⁵⁴⁾ См. фотостат сталинского отзыва в Большой Советской Энциклопедии, 2-е изд., т. 12, Москва, 1952, стр. 247.

⁵⁵⁾ Н. А. Горчаков (см. примеч. 23), стр. 137.

⁵⁶⁾ И. Грабарь, Заметки о живописи, «Литературная газета», № 115 (3616), 27 сентября 1956 г., стр. 4.

вавшая целую отрасль псевдолитературы и псевдоискусства, которую можно назвать сталинографией или сталинописью, первыми попавшимися образцами огромного контингента произведений которой могут служить знаменитый «Хлеб» А. Толстого, или «Счастье» Павленко, или поэма «Великая книга» Азарова (не говоря уже о целом потоке лирико-реторических од Сталину), или «Поэма о Сталине» Хачатуряна — в музыке, «Ленин и Сталин у прямого провода» И. Грабаря, «Сталин и Ворошилов в Кремле» Герасимова — в живописи, скульптура «Сталин» Меркулова, кинофильмы «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 г.» и др. Лишь первый этап послесталинского периода автоматически прекратил дальнейшее развитие этой отрасли; третий этап осудил ее, «но на нынешнем четвертом этапе уже раздаются голоса и в пользу ее «реабилитации» (например, в докладах и выступлениях на недавнем пленуме ССП СССР)⁵⁷.

Всякий заказ, также и «социальный», неразрывно связан с моментом материального вознаграждения и поощрения, гонорара в широком и узком смысле, и эту связь твердо имели в виду и самые «левые» творцы теории «социального заказа», а, как отметил В. Ходасевич, особенно «простоудшно и неприкровенно» высказывался об этом сам вождь их, Маяковский⁵⁸). Но вопрос о материальном вознаграждении и поощрении писателей и художников, об их материальном положении вообще, форсировали и пролеткультовцы, и их пролетарствующие наследники, официально зафиксирован он и в знаменитой резолюции ЦК в 1925 г.⁵⁹). В результате, материальный момент получил прямо-таки определяющее значение для советской литературы и искусства. Наиболее верную оценку этого дал один из лекторов русской литературы в США, проф. Дж. Гибиан, в прошлом году посетивший СССР:

«Сказать, что интеллектуальные работники куплены, было бы грубо. Но такие крайне привлекательные вознаграждения в течение и на вершине литературной или художественной карьеры представляют собою постоянный соблазн стараться «потрафлять». Таким образом и «продается» партийная «линия». Тайная полиция, аресты, трудовые лагеря являются последним и относительно редким средством»⁶⁰).

Так «зависимость от денежного мешка», столь возмущавшая Ленина еще в 1905 г., доведенная до небывалых размеров, стала одним из могущественнейших факторов советского властвования над литературой и ис-

---

⁵⁷ Бажан, между прочим, сказал: «Среди нашей интеллигенции нашлись, к сожалению, неустойчивые люди, которые думали в панике, что необходима переоценка всех ценностей, полная смена вех. Неправильно ставился и вопрос о личности И. В. Сталина. Многие ретивые редакторы дошли до того, что имя Сталина стали вычеркивать из наших произведений. Один из московских писателей заявил, что он горд тем, что ни в одном его произведении никогда имя Сталина не было упомянуто. А ведь гордиться-то нечем. Зачеркивать все, что было сделано Сталиным доброго, зачеркивать весь тот путь, который мы прошли, видя в Сталине воплощение партийной воли и партийного руководства, было бы недостойно честных советских людей и честных советских писателей» («Литературная газета», № 60 (3716), 21 мая 1957 г., стр. 3).

⁵⁸ В. Ходасевич, «О Маяковском», Литературные статьи и воспоминания, изд-во им. Чехова, Нью-Йорк, 1954, стр. 228.

⁵⁹ См. одну из резолюций Пролеткульта в «Хронике советской литературы» (см. примеч. 16), стр. 154, а также у Брауна (примеч. — 11), стр. 32 и след.

⁶⁰ George Gibian, Talks with Soviet Intellectuals, The New Republic, March 18, 1957, p. 14.

кусством. На этом «мешке» и вскармливается вся необъятная фаланга советской псевдолитературы и псевдоискусства.

По верному замечанию цитированного выше Т. Поллока, «псевдолитература может пользоваться любыми техническими приемами и формами, которыми пользуется литература... не следует и полагать, что качество письма в псевдолитературе обязательно низкое — нередко, в самом деле, оно вполне хорошее».

Это распространяется и на советскую псевдолитературу. Кроме того, конечно, при всем превалировании этой псевдолитературы (и псевдоискусства) в советской формации литературы и искусства вся эта формация к ней одной никак не сводится, выделяется в ней и сравнительно значительный за сорок лет контингент литературы подлинной, той «органической» литературы, которой всегда добивались и наиболее серьезные представители официальной точки зрения. Так, например, упоминавшийся уже критик-коммунист Полонский в свое время подчеркивал, что с этой точки зрения дело вовсе не в том, «чтобы принуждать художника писать под диктовку», а в том, «чтобы художник был органическим выразителем своего времени»⁶¹). Эта мысль повторялась и повторяется на разные лады, но практическое осуществление ее встречает прямо-таки непреодолимые трудности, напоминающие собою те страдания, которые приходилось испытывать многим арестованным во времена «ежовщины». Дело в том, что в ежовских застенках уже не удовлетворялись писанием «сознаний» под диктовку «следователя», а требовали, при помощи жутких «физических методов воздействия», своего рода тоже «органического» сознания в преступлениях, о требовавшемся «линией» общем характере и даже конкретных деталях которых должен был догадываться сам, никогда их не совершавший, арестованный «враг народа». То же, по сути, требуется и от советского художника, поскольку «органичность» и здесь измеряется соответствием не с самой жизнью, а с более или менее искусственной, непредвидимо зигзагообразной и вообще во всем объеме непредсказуемой для простого смертного партийной линией. Поэтому затруднительно назвать (кроме, разве, Шолохова) имена таких художников, которым удавалась бы такая «органичность» переживания и выражения партийной линии (при совмещении этой «органичности» с талантливостью, к тому же) в течение всей их карьеры.

Однако «органические» отложения в советской формации литературы и искусства все же существуют и количественно возрастают в направлении искусств и жанров, менее подверженных возможности непосредственной идеологизации и утилитаризации, т. е. в общем направлении от литературы к музыке, а в последней — от текстуализма к симфонизму, вообще — в направлении от искусства выражения социального человека к искусству выражения природы. Но ведь как раз движение в таком направлении не только не поощряется, но наоборот, всячески сдерживается, и потому отложения этого порядка, особенно по сравнению с отложениями псевдолитературы и псевдоискусства, количественно не так велики.

За этой широкой, но редко населенной, так сказать, нейтральной зоной, с узкой экваториальной полосой редких вершин таланта (о гении пока говорить не приходится) посредине, находится и другой, условно «южный»

⁶¹) В.яч. Полонский (см. примеч. 13), стр. 29.

полюс отложений советской литературы и искусства — отложений оппозиционного (по отношению к советской стороне) характера. Хотя «население» и этого полюса нельзя сравнить по численности с «населением» противоположного «северного» полюса псевдолитературы и псевдоискусства, но зато качественное сравнение неизменно выпадает в его пользу, так как можно полностью присоединиться к современному украинскому зарубежному критику Ю. Дивнычу в том, что «за сорок лет диктатуры большевизма подлинная художественность и оппозиционность стали почти синонимами. Исключения попадают, но они лишь подтверждают общее правило»⁶²).

Наибольшую оппозицию в литературе СССР вызвала наиболее непосредственно ощутимая бюрократическая сторона советского властвования, и поэтому антибюрократическая литература представляет собою наиболее мощный слой отложений оппозиционного характера, солидные вклады в который вносили иногда даже писатели в основном вполне ортодоксальные, допустившие этот уклон к оппозиции лишь как эпизод в своей карьере, как, например, Ю. Либединский нашумевшим в свое время «Рождением героя». В последнее время сюда же было устремились вклады представителей «критической» линии с Дудинцевым и др. Кроме бюрократизма, сильную оппозицию вызывали в литературе и некоторые советские политические кампании, особенно, например, коллективизация, но реакция литературы на них не была столь постоянной, как реакция на бюрократизм.

Непосредственное выражение оппозиционности в литературе и искусстве уже рано стало невозможным благодаря действию многогранного аппарата советской цензуры, не пропускавшей открыто оппозиционных произведений или прекращавшего печатание их (как это было, например, с романом «Вальдшнепы» Хвылевого на Украине, с романами «Крывичи» Зарецкого и «Нядоля Заблоцких» Калюги в Белоруссии). Поэтому оппозиционной литературе и искусству сразу же приходилось использовать различные обходные пути, простейшим из которых была публикация за границей, и ее использовали, например, Замятин для своего «Мы», Пильняк для «Красного дерева», некоторые белорусские поэты и др., достаточно поплатившись за это; другим, также простым путем была рукописная циркуляция, и при ее помощи распространялось множество мелких, преимущественно стихотворных произведений, иногда апокрифического авторства, как, например, известный «Ответ Демьяну», приписываемый Есенину. Первый расцвет такого рода литературы относится к разгару оппозиционной борьбы в партии, и излюбленным героем ее одно время становится Троцкий⁶³). Но и публикация за границей, и рукописная циркуляция уже одной ограниченностью района своего действия не могли удовлетворять потребностей оппозиционной литературы, и поэтому столбовым путем ее уже

⁶²) Ю. Дивнич, Література межевої ситуації, «Українська літературна газета», № 6(24), Мюнхен, июнь 1957 г., стр. 1.

⁶³) В памяти сохранились обрывки строф ходивших по рукам стихотворений о Троцком, приписываемых Есенину:

Лев Давыдыч! Лев Давыдыч! Выпьем?
Я да Вы, я да Вы — на Руси православные нынче...
Растуды их, растуды!
Я ругаюсь и буду часто:
Нас обоих свезли туды,
Вас — в Сухум, а меня — в участок...

тографии, как «предоставление трибуны» и даже простая аллегоризация⁶⁶⁾. Аллегоризация начала было как бы пробное восстановление в правах и в поэзии, где на нее обрушилась сейчас цензуральная критика, сделал «притчей во языцех» аллегорическое стихотворение Рождественского «Утро»⁶⁷⁾. Аллегорически и вообще криптографически звучат и многие другие стихотворения сборников «День поэзии» и «Литературная Москва», усиленно «прорабатываемых» сейчас цензуральной критикой.

5.

Так в основных и общих контурах представляется нам рассматриваемая в плоскости борьбы за свободу картина сорокалетней истории литературы и искусства в СССР в ее горизонтальном разрезе периодизации, вертикальном разрезе движений и течений литературного и художественного процесса и в результативном статическом разрезе отложений этих движений и течений. Для завершения этой картины необходимо еще дорисовать ее весьма существенный национальный аспект некоторыми дополнениями и обобщениями к уже сказанному, — попутно, о тех или иных его моментах.

Борьба за свободу в нерусских литературах и искусствах СССР осложняется по сравнению с такой же борьбой в литературе русской тем, что здесь прежде всего приходится вести борьбу за национальную свободу, за национальную самобытность и независимость литературы и искусства. Весьма важным определяющим моментом в этой борьбе явилось провозглашение Сталиным его знаменитой формулы «пролетарского (впоследствии — социалистического) содержания и национальной формы культуры», по времени почти совпавшее с опубликованием резолюции ЦК 1925 г., т. е. с концом третьего и началом четвертого, предпоследнего этапа советизации⁶⁸⁾.

Уже сама история этой формулы весьма интересна. Ленин никогда не оперировал категориями пролетарского (или социалистического) содержания и национальной формы культуры, говоря всегда лишь о национальной культуре вообще, как о культуре буржуазной и поэтому представляющей для него явление отрицательное, и об интернациональной культуре будущего, которая должна развиваться из «демократических и социалистических» элементов культуры прошлого. Но Ленин, как известно, внимательно читал Гегеля в оригинале и «с карандашиком», и гегелевское положение о тождестве формы и содержания не встретило у него возражений, он даже особо подчеркнул момент «активности» формы⁶⁹⁾, поэтому и раз-

⁶⁶⁾ О «широком» — аллегорическом назначении романа Дудинцева говорил, например, Л. Славин на первом публичном, еще не «разносительском», обсуждении книги в Москве (см. «Обсуждаем новые книги», «Литературная газета», № 128 (3629), 27 октября 1956 г., стр. 3); некоторые зарубежные публицисты (например, М. Вейнбаум в нью-йоркском «Новом русском слове») также указывали на возможность аллегорического «камуфляжа» у Дудинцева.

⁶⁷⁾ См., например, Г. Соловьев, От впечатления к образу, «Литературная газета» № 104 (3605), 1 сентября 1956 г., стр. 3, а также Б. Соловьев, Смелость подлинная и мнимая, там же, № 57 (3713), 14 мая 1957 г., стр. 1.

⁶⁸⁾ Формула Сталина впервые появилась в его речи к студентам КУТВ (Коммунистического Университета Трудящихся Востока), опубликованной в «Правде» 22 мая 1925 г.

⁶⁹⁾ См. Ленинский сборник, вып. IX, стр. 134, а также 132, 148.

деление на национальную форму и некое ненациональное содержание для него, как для диалектика, было бы вовсе неприемлемо. Формула интернационального, в перспективе социалистического содержания и национальной формы культуры задолго до Сталина имела хождение в немарксистских социалистических кругах (у известного украинского социалиста Драгоманова, у занимавшихся национальным вопросом эсеров)⁷⁰ и оттуда, конечно, и была им заимствована.

И в области теории и в практике строительства национальных культур в нерусских советских республиках в первые годы советизации не заметно никаких процессов и тенденций, которые так или иначе шли бы по линии сталинской формулы и предвосхищали появление ее. Наоборот, в одном из ранних (1919 г.) документов строительства «пролетарского искусства» на Украине, например, находим формулировку совершенно иного характера:

«Будучи в основе искусством интернациональным, пролетарское искусство к завершению своего интернационального естества может прийти через пути национальные не только по форме, а и по содержанию и его оттенкам»⁷¹.

В белорусской практике в ответ на просоветизационное давление обозначилась тенденция к созданию литературы коммунистической лишь по внешней форме, по фразеологии только, и попрежнему национальной по всему своему содержанию, наиболее ярко представленная в поэзии больше всех испытавшего это давление, ведущего белорусского поэта Янки Купалы, как раз накануне появления сталинской формулы, в 1923—24 гг. Подобные тенденции, которые, вероятно, можно было бы нащупать и в других нерусских литературах, конечно, лишь вводили в сторону от того пути, на который неизбежно должна была стать советизация — от пути унификации под прикрытием «пролетарской (или социалистической) интернационализации», и поэтому требовалась какая-то контракция в этом направлении, начало которой и положила сталинская формула.

Таковыми представляются истоки знаменитой формулы. Самое появление ее не вызвало никакой исторически зафиксированной реакции в нерусских советских республиках, хотя современники не могут не помнить, что стремление разобраться в возможностях ее конкретного применения обнаружилось сразу же у всех активно работавших в области национально-культурного строительства или просто живо интересовавшихся этой областью. Что следует конкретно понимать под «национальной формой»? — этот вопрос сразу же практически возникал сам собой, поскольку «пролетарское содержание» легко было осмыслить в аспекте идеологическом, и поэтому вопрос о нем прямо-таки отпадал также сам собою. Но в вопросе о форме оказывалось прямо-таки невозможным найти не только однозначное, но и вообще сколько-нибудь удовлетворительное конкретное, практическое решение.

---

⁷⁰ См., например, «Социализм и национальный вопрос», доклад Гайдара на конференции национально-социалистических партий, — Протоколы Конференции Национально-Социалистических Партий 16—20 апреля 1907 г., Санкт-Петербург, 1908, стр. 12, 14, 21, 23.

⁷¹ Пролетарське мистецтво (тези Гната Михайличенка на доповіді Всеукраїнському, 31. V. 1919), Десять років української літератури, А. Лейтес, М. Яшек, Харків, 1928, том 2, стор. 28.

Между тем, практически советская национальная политика сразу после появления сталинской формулы все яснее стала обнаруживать тенденцию приведения национальных культур СССР к одному знаменателю, теоретическое оправдание для чего лучше всего и предоставляла эта формула с ее тезисом единого для всех «пролетарского содержания». Разгорелись дискуссии — знаменитая литературная на Украине (1925—28 гг.), так называемые театральные в Белоруссии (1927—28 гг.), наконец, в той же Белоруссии дискуссия как раз о национальной форме, вызванная постановкой этого вопроса в одной из поэм Дубоўки (1929 г.), в которых национальные культуры пытались, иногда еще весьма воинственно, отстаивать свое право на самостоятельные, оригинальные пути развития.

В 1927 г. появилась нашумевшая в то время работа Ваганяна «О национальной культуре», в которой, между прочим, «национальная форма» прямо и просто сводилась к одному лишь национальному языку. Но Ваганян по своему партийному положению оказался троцкистом, и долгие годы его имя склонялось в разносительских сочетаниях, в том числе и тогда, когда вопрос заходил о «национальной форме». Однако, практически ваганяновская интерпретация была сразу же принята для литературы, а впоследствии утвердилась и в теории (например, в советских учебниках и энциклопедиях — конечно, без всякого упоминания имени ее «троцкистского» автора)⁷².

Но уже с началом периода сталинизации устанавливается твердый курс на практическое сужение области даже так интерпретируемой «национальной формы», поскольку открывается весьма откровенная и устойчивая кампания по русификации нерусских литературных языков СССР, особенно нерусских славянских — украинского, белорусского (собственно, точнее было бы говорить здесь не о русификации, а о руссосоветизации, поскольку сам русский литературный язык, служивший орудием этой операции, предварительно уже подвергся, да и в дальнейшем непрерывно подвергался и подвергается процессу советизации, постепенно превращающей его в язык русско-советский, отходящий от традиционного русского литературного языка, пожалуй, не меньше, чем английский язык в США — так сказать, англо-американский — от традиционного английского языка британской метрополии). Одновременно и в том же направлении действовала и выдвинутая еще пролетарствующими, рядом с их «пролетарским реализмом», установка ориентации на русскую литературу и искусство, как на «классические» образцы для всех остальных, установка, окончательно канонизированная в сталинском неопсевдоклассицизме «социалистического реализма»⁷³. Прочное закрепление всему этому несла всесоюзная организационная унификация литературы и искусства, вначале в пролетарствующих образованиях с ВОАПП во главе и особенно впоследствии в сталинских всесоюзных союзах советских писателей, художников, композиторов. В этой последней форме унификация эта достигла уже полного тождества структуры со структурой самой партии — если в ВОАПП входил еще РАПП, как особое образование для РСФСР, то в сталинских союзах, как

⁷² См., например, Г. Л. Абрамович, Введение в литературоведение, Москва, 1953, стр. 33; статьи в Большой Советской Энциклопедии второго издания: «Культура», том 24, 1953 г., стр. 30, «Национальная культура», том 29, 1954 г., стр. 290.

⁷³ См. сноску 44, стр. 102—103.

и в партии, таких образований уже не было и пока еще нет, лишь сейчас раздаются голоса о необходимости создания их (очевидно, по примеру создания Бюро ЦК КПСС по РСФСР)⁷⁴.

Все это, как мне уже приходилось отмечать, окончательно превратило литературу и искусства нерусских народов СССР из национальных в провинциальные, или региональные, фактически интегральные составные части единой советской формации литературы и искусства, центральное и централизирующее положение в которой отведено литературе русской. При таком положении и самый вопрос о «национальной форме» решается весьма просто — форма эта сводится к местному колориту, как это прекрасно сформулировал один из ответственных приказчиков советской литературного организационного аппарата Сурков на пленуме ССП Украины в начале нынешнего года:

«Национальная форма черпает свой строительный материал из национального колорита, потому что жизнь крестьянина на Украине и на моей родине, в бывшей Ярославской губернии (как красноречиво это сведение к крестьянину и, особенно, сравнение Украины не с Россией, а лишь с одной из ее провинций! — А. А.), отлична по свойствам и приметам быта, привычек и т. д.»⁷⁵.

При таком положении, как там же приходилось мне отмечать⁷⁶, в силу строгой иерархичности отношений между Центром и провинциями, всякое новое движение может возникнуть лишь в Центре и оттуда перебрасываться или не перебрасываться в провинции; недолговечная «литературная оттепель», например, туда не перебросилась. Перебросились, и то в ограниченном размере, «реабилитации» и расширение континента «органической» литературы за счет менее идеологичных жанров (лирика, пейзаж). «Критическая» же «линия», и в особенности наиболее яркий экспонат ее — роман Дудинцева, вызвала даже особое возмущение, особенно со стороны советских белорусских писателей на недавних пленумах ССПБ и ССП СССР⁷⁷. Провинции, особенно преданной Центру провинции, всегда наиболее свойственно и прямо-таки надлежит быть более реакционной, выступать в роли оплота реакции, особенно, когда провинция эта по горькому опыту отлично знает, что наименьшая ее нереакционность (не говоря уже о намеке даже на какую-либо «революционность»), подлежит неизменно подведению под «буржуазный национализм» и двойному, по сравнению с подобным случаем в Центре, наказанию.

Впрочем, реакция вообще, в различной лишь степени, — это наиболее, пожалуй, нормальное состояние всей советской литературы и искусства на всем ее протяжении в пространстве, да и, пожалуй, во времени. Поэтому и борьба за свободу — это лишь проявление нормального также стремления живых существ дышать, иногда хотя бы вздохнуть, в такой тяжелой, убийственной атмосфере...

⁷⁴ См. выступление белорусского поэта П. Бровки на последнем пленуме правления ССП СССР, «Литературная газета», № 60(3716), 21 мая 1957 г., стр. 2.

⁷⁵ «Всесторонне изображать жизнь», из выступления А. Суркова на пленуме ССП Украины, «Литературная газета», № 7(3663), 15 января 1957 г., стр. 3.

⁷⁶ См. сноску — 44, стр. 117—118.

⁷⁷ См. «Пленум правления ССП Белоруссии», «Литературная газета», 37 (3693), 26 марта 1957 г., стр. 1, а также выступление П. Бровки (сноска 74, стр. 1—2).

Выступление проф. Л. Д. Ржевского
по докладу проф. А. А. Адамовича.

Доклад проф. Адамовича в письменной его форме несколько отличается от его устной интерпретации, но я его и прослушал внимательно, и прочел, и хочу сделать несколько замечаний. Каких-нибудь капитальных возражений по поводу доклада у меня нет. Надо отметить, что с точки зрения методологической он построен весьма последовательно. Мне нравится, в частности, верная мысль автора о том, что систематизация и описание различных этапов истории советской литературы выйдет, конечно, объективно правдивее, если мы положим в основу не какие-то политико-экономические вехи, пятилетки и другие периоды, а то, что положил докладчик, — стремление тоталитарной власти превратить литературу в СССР в орудие партийной политики. В этом смысле мне кажется бесспорным деление сорокалетнего пути советской литературы на три периода: период советизации, период сталинизации и послесталинский период. Я думаю также, что весьма интересна периодизация, которую докладчик предлагает для первого этапа истории советской литературы. Но я хотел бы говорить не столько по поводу общей концепции докладчика, сколько о том, чего докладчик, по условиям отсутствия времени и возможности, не сказал или о чем говорил мало. Мне кажется, что он слишком мало говорил о самих художественных фактах литературы. Конечно, социологическая концепция требует установления условий, в которых возникает то или иное явление, — социологических же условий. Но все-таки: произведение художественной литературы, — если мы говорим именно о художественной литературе, а не о статистике, например, — помимо своей социологической обусловленности, имеет и другое качество, качество художественности, с его специфической способностью влиять на человека. Оно, это качество, как известно, пронosit произведения художественной литературы через века... В этом смысле мне жаль, что докладчик недостаточно говорил о, как он выражается, «отложениях», т. е. о подлинных художественных произведениях советской литературы. А их ведь довольно много. Это не только Шолохов, Алексей Толстой, — это и Леонов, это из старых, скажем, Паустовский, Пришвин, из более новых — Василий Гроссман, Казакевич, Твардовский, совсем молодой — поэт Евтушенко и многие, многие другие. Несомненно, литература украинского народа, литература белорусского народа имеют тоже сейчас своих талантливых представителей, от которых не в праве отмахнуться историки литературы.

Все это я говорю не для того, чтобы увести вас от стержня доклада. Напрогив, я думаю, что, поскольку этим стержнем и основным тезисом доклада было то положение, что художественная литература в СССР есть «орудие» партийной политики, постольку возникает вопрос: а что же это за орудие? Удалось ли советской власти выковать острое и действительно выгодное для себя орудие, или оно, это орудие, — рыхлое и тупое? Иными словами: влияет ли советская литература на советского читателя в выгодном и нужном для партийной власти направлении? Думаю, что это очень интересный вопрос, на который стоит ответить. Я, например, ответил бы на него положительно. — Да, влияет! Влияет не в той мере, в какой хотелось бы партийной власти, но несомненно влияет. Влияет преж-

де всего в смысле внедрения в сознание советского читателя некоторых недостаточно объективных, может быть, проще сказать — партийных представлений и оценок действительности. Влияет в смысле стимулирования не только органического патриотизма, но и патриотизма партийно-советского, направленного на примирение с властью и режимом.

Возможен вопрос: как же так? С одной стороны, мы, как будто, говорим, что советская литература — литература партийного заказа, партийный диктат художнику. С другой, — говорим о «влиянии». Для того, чтобы могло возникнуть художественное произведение, художник должен иметь автогенный для него материал, такой, который его воодушевляет и радует. Тогда только, в результате взаимодействия субъекта и объекта художественного творчества, возникает эстетическая субстанция, гармония, — подлинно художественное произведение. Партийный же заказ — это нечто гетерогенное, чуждое художнику. Как же тут может получиться что-либо, что впечатляет читателя? Я думаю, дело в том, что иногда этот партийный заказ составляет как бы второй план автогенной, т. е. близкой художнику темы. Он как бы прикорнул, этот самый партийный заказ, в тени этой темы, как некий фон, расплывчатый, но все-таки осязаемый. Скажем, когда Александр Фадеев писал свою повесть «Разгром», для него, вероятно, вовсе не была уж столь органичной тема коммунистических догм, которые провозглашались в то время. Но для него была органична романтика партизанской войны. И вот возникло довольно теплое в художественном отношении произведение, которое занимает читателя своей фабулой, возбуждает его своей героикой, а где-то там, на заднем плане, прислонился к этому читательскому впечатлению образ Левинсона, партийного руководителя партизан, которому автор придал известный ореол. И даже некоторые счастливые страницы в романе «Молодая гвардия» рождены, вероятно, не темой партийного заказа о верности партии, партии, как организатора масс, а органичной для художника темой патриотического порыва в борьбе со вторжением. Недаром этот роман пришлось переделывать: «заказанная» тема звучала слишком слабо.

Почему может иногда влиять на советского читателя даже сравнительно слабое в художественном отношении произведение? Назову, например, «Повесть о настоящем человеке» Полевого. Это почти лубочная вещь, а успех у молодежи, насколько я мог проследить, она имеет. Почему? Импогнирует, конечно, не тема партийного заказа — «партийный» патриотизм легчика, который, потеряв обе ноги, все-таки выучился снова летать, — а общегероическая тема утверждения человеческой воли в борьбе с несчастием или даже стихией. В этом смысле эта слабая повесть Полевого как-то перекликается с замечательной повестью Хемингуэя «Старик и море», где тоже, по-существу, звучит та же тема самоутверждения человека. Кстати: когда сопоставляешь эти две повести, так ясна становится ненужность и порочность партийного заказа, — ведь, скажем, если бы у Старика в повести Хемингуэя был бы партийный билет в кармане и он бы эту свою огромную рыбу вылавливал по заказу какой-нибудь рыболовецкой артели, подвиг его, разумеется, не стал бы от этого замечательней, не стала бы замечательней и повесть. Но это ясно нам, а вот ясно это или нет советскому читателю?

Здесь мы подходим к проблеме реакций советского читателя на произведение в духе социалистического реализма и встречаемся с явлением, ко-

торое я называю «комплексом невозникающих вопросов» в сознании советского человека. Чтобы пояснить характер этого комплекса, позвольте рассказать маленький анекдот. В советской школе учительница читает детям басню Крылова: «Вороне где-то Бог послал кусочек сыру», и вдруг вспоминает, что если она не сделает каких-то комментариев к слову Бог, ее, пожалуй, обвинят в том, что она забывает задачу антирелигиозной пропаганды. И вот она говорит: «Дети, вы, конечно, знаете, что Бога нет». «А сыр есть?» — спрашивает кто-то с парты... Известно, что вся система советской пропаганды стремится заглушить возможность такого рода вопросов, ограничить свободу и многообразие реакций советского человека. И поэтому, когда какой-либо советский читатель читает, например, повесть о том, как герой-студент разрывает с любимой девушкой потому, что она не явилась на субботник, — кто знает, может быть перед этим читателем (не всяким, конечно), и не возникает ряда «подобных» вопросов. Например: нужны ли субботники на четвертом десятке строительства социализма? Дело ли это студентов убивать свое свободное время на прокладывание траншей для водопровода? И, наконец: нормален ли, попросту говоря, герой, который может порвать с любимой девушкой по такому поводу?..

Излагая все это, я пытаюсь показать, что мы не можем недооценить влияние, которое оказывает советская литература на советского читателя в пользу «заказчиков», так сказать.

И все-таки еще в большей мере можем говорить, нисколько не опасаясь впасть в противоречие, об отрицательном, негативном для власти влиянии советской литературы на советского читателя. В чем же выражено это влияние? Я бы ответил коротко: в неудовлетворенности. Советский читатель воистину напоминает нищего, который просит на паперти милостыню — «и кто-то камень положил в его протянутую руку». Эта неудовлетворенность в период, который докладчик называет периодом сталинизации, не имела, вероятно, решительно никаких отдушин для своего выражения, подавленная тогдашней цензурой. Положение, мне кажется, теперь несколько изменилось. Эта неудовлетворенность получила в последние годы такие формы выражения, которые даже советская цензура не смогла заглушить. Жажда советского читателя иметь подлинную литературу, литературу для души и сердца, вместо романов о скоростной резке металлов, — эта жажда выросла чрезвычайно, равно как и жажда писателей и поэтов выразить себя. Партийному заказу в литературе, как мне кажется, сейчас нанесен удар, от которого он вряд ли когда-нибудь сможет оправиться. Те сдвиги, которые сейчас заметны в советской прозе в сторону от социалистического реализма — к реализму критическому, или в поэзии — от «клюквенной красоты» и иллюстраторства к индивидуализму и субъективизму — весьма существенны.

Я бы сказал, что партийному заказу грозит сейчас опасность быть смененным заказом социальным, которого никогда со времени Сталина в Советском Союзе не было (мы этот термин употребляем неправильно, если понимать под ним подлинные требования и пожелания советского читателя). Я хотел бы проиллюстрировать эти сдвиги в советской поэзии несколькими стихотворными строчками, выражающими весьма независимое поэтическое «кredo». Строчки эти — из сборника «День поэзии», принадлежат поэту Сергею Смирнову.

Через моря и океаны
Итти на поиски строки
Не для того, чтоб, хищно глянув,
Перемигнулись знатоки,
Но для того, чтоб кто-то, где-то,
Наивный пусть, безвестный пусть,
Ее, строку, как нитку света,
Ловил и помнил наизусть.

И вот я думаю, что теперешний период жизни советской литературы в значительной мере может характеризоваться как жажда советского читателя найти эту «нитку света» в тусклых строчках литературы «партийного заказа».

В дискуссии по докладу проф. А. А. Адамовича приняли, кроме того, участие следующие лица: Вали Зуннун, д-р С. Торосян (Германия), проф. Г. П. Струве (США), о. А. Флориди (Италия), проф. С. И. Гольдельман (Израиль), Л. И. Львов (Германия), Абдул Вахаб Юрцевер (Турция).

Председательствует проф. А. А. Адамович.

Проф. Н. М. Васильев: доклад —

СОРОК ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

1. Общие замечания

Сорок лет существования советской экономической системы — достаточно большой срок для того, чтобы можно было подойти к ее анализу не только с точки зрения оценки тех или иных этапов ее экономической политики, всегда являющихся преходящими в жизни каждого народного хозяйства, но и с точки зрения объективного анализа основ этой системы.

Этот анализ несколько затрудняется тем фактом, что ни одно народное хозяйство не было в такой мере поставлено на службу политическим целям и нигде хозяйственные явления так тесно не переплетались с политическими установками правящей верхушки государства, как в Советском Союзе. Однако, несмотря на огромное влияние субъективного фактора, как одной из главных направляющих сил советской экономики, народное хозяйство СССР часто проявляет в своем развитии самостоятельные тенденции, резко расходящиеся с желаниями и целями лиц, стоящих во главе государственного управления страной, выходит за рамки направления, которое пытаются ему сообщить, и идет своими самостоятельными путями, влияя на формы и сущность тех отношений, которые устанавливаются в стране. Этот момент частичной независимости явлений народного хозяйства и позволяет подойти к нему не только с точки зрения экономико-географической, количественной, но и с точки зрения характеристики его движущих сил и основных начал.

Попытаемся подвести итоги тем формам хозяйственной жизни, которые сложились в Советском Союзе на протяжении 40 лет, и вскрыть то содержание, которое кроется за этими формами.

2. Генезис советской экономической системы

Основным фактом в истории советской экономической системы является факт искусственного создания этой системы.

Для всех объективных исследователей ясно, что Октябрьская революция была не результатом общественного развития в духе учения исторического материализма и концепций К. Маркса о «вызревании новой социально-экономической формации в недрах существующего строя» и о наступлении социалистической революции в силу внутренних, имманентных капитализму законов развития, а захватом небольшой группой лиц политической власти в духе учений французских революционеров-заговорщиков Бабефа и Бланки.

Причины обеих русских революций 1917 г. коренились в специфических условиях исторического развития России. Более далекими причинами, приведшими к революции, были: общая хозяйственно-культурная отсталость России, по сравнению с передовыми европейскими странами, архаичность политического строя, ненормальные земельные отношения, отсутствие у рабочих тех прав, которыми давно уже пользовались в европейских странах,

национальный гнет. Все эти явления могли и не привести к революции, если бы не война 1914—1918 гг., расшатавшая все устои царской империи, так как Россия в начале XX века безусловно вступила на путь быстрого экономического и культурного прогресса. Однако, события, связанные с войной, в частности — поражение русской армии в 1915 г., разочарование в связи с этим населения, рост народного недовольства, неспособность царских министров справиться со стоящими перед страной задачами, моральное разложение царизма в связи с распутищиной, разруха транспорта, приведшая к расстройству снабжения столицы продовольствием и пр. — все это оказалось теми непосредственными причинами, которые привели к революционному взрыву и переходу власти в руки Временного правительства.

Временное правительство, в силу отсутствия у русских политических партий опыта государственного строительства, не смогло подняться до понимания тех путей, по которым следовало бы вести страну, и не сделало решительных шагов для подавления разлагающей пропаганды небольшой, но хорошо организованной большевистской партии, и последняя, используя ряд радикальных демагогических лозунгов, привлекательных для масс, разложив своей агитацией армию и подорвав административный аппарат управления, подготовила и успешно провела вооруженное восстание.

Октябрьская революция, как она выступает теперь в исторической перспективе, была не «разрывом капиталистической оболочки» вследствие создавшихся новых производственных отношений (для яркости пользуемся здесь марксистской терминологией), но типичной политической революцией.

Хозяйственные отношения, которые создались после Октябрьской революции, совсем не были похожи на ту картину, которую рисовали социалистические теоретики на следующий день после социалистической революции. Захватив власть, большевики очутились перед миллионами мелких крестьянских хозяйств, которым они отдали землю в результате декрета о земле, с дезорганизованной войной крупной промышленностью, которая занимала сравнительно небольшое место в общем народном хозяйстве страны, с большим количеством мелких промышленных предприятий, с не особенно густой сетью железных дорог и огромным процентом неграмотного населения.

Разрыв в этом смысле между русской действительностью и утверждениями большевиков об Октябрьской революции, как неминуемом результате развития в духе учения Маркса, был настолько разителен, что для объяснения этого разрыва усиленно пропагандировалась теория «прорыва империалистической цепи в наиболее слабом звене», согласно которой социалистическая революция может начаться и в отсталой стране, где пролетариату легче захватить власть вследствие слабости господствующих классов. Эта теория совершенно расходилась, конечно, с основными концепциями Маркса. Уже здесь как раз зарождаются первые проявления тех постоянных расхождений между пропагандными утверждениями и идеологическими установками партии и реальной действительностью в стране, которые с этих пор становятся столь характерными для советской власти.

После захвата власти большевиками, основными мероприятиями советской власти в экономической области было объявление национализации земли, транспорта и кредитной системы и проведение, несколько позже, национализации промышленности. Эти мероприятия и были исходными мо-

ментами нового экономического строя, возникшего на территории бывшей Российской империи. С этого времени прерывается органическое развитие русского народного хозяйства и создается та своеобразная система хозяйственных отношений, которая, хотя и продолжает еще существовать вследствие поддержания ее системой террора и насилия, но которая на всем протяжении своего существования, вплоть до настоящего времени, непрерывно проявляла и проявляет свою несостоятельность вследствие полного несоответствия тем целям, которые ставит себе человек в своей хозяйственной деятельности.

Констатация того факта, что существующие на территории Советского Союза хозяйственные отношения, установившиеся после октябрьского переворота и позже в период пятилеток, были результатом не органического роста, а результатом принудительного насаждения их декретным порядком, — есть один из важнейших моментов для понимания сути и природы советского хозяйства и всех событий, которые происходили в последующие годы.

3. Периодизация советской экономической истории и основные этапы экономической политики

Развитие советского народного хозяйства за 40 лет его существования можно разделить на 4 следующих периода:

1. период гражданской войны с 1918 по 1920 г., называемый иначе эпохой военного коммунизма;
2. период новой экономической политики (нэп), с 1921 по 1927 г.;
3. период первой пятилетки и коллективизации сельского хозяйства, являющийся периодом окончательного становления хозяйственных форм Советского Союза, с 1928 по 1932 г.;
4. период существования советского хозяйства в окончательно установившихся новых формах — с 1933 г. по сей день.

Первые два периода характеризуются тем, что советское хозяйство выполняло задачи, диктуемые объективной обстановкой момента. В первом периоде оно должно было обеспечить победу в гражданской войне, во втором — обеспечить восстановление до какой-то степени почти прекратившейся нормальной жизни страны. С третьего же периода начинается волюнтаристическая эпоха советского хозяйства, характеризующаяся проведением в жизнь чисто рационалистически составленного плана, не считавшегося ни с возможностями страны, ни с интересами населения, ни с реальной природой человеческой психологии.

Экономическая политика советской власти в период военного коммунизма сводилась к выполнению лозунга: «Все для фронта». Хозяйственная жизнь этого периода, несмотря на стремление власти регулировать хозяйственные процессы, представляла собой картину полного хаоса и протекала во многом в формах натурального хозяйства.

Вследствие полной экономической разрухи в период военного коммунизма и создавшегося в связи с этим грозного для советской власти политического положения (Кронштадтское восстание) большевики должны были пойти на введение новой экономической политики, сущность которой сводилась к оживлению личной заинтересованности на основе допущения частного капитала. Новая экономическая политика привела к восстанов-

лению экономики страны, в 1928 году, в основном, до уровня довоенного ее состояния.

Третий период в развитии советской экономики характеризуется снова полным уничтожением частного капитала и переходом к «строительству социализма в одной стране».

Объявив Октябрьскую революцию социалистической и видя полное несоответствие хозяйственной действительности с прокламированным постулатом о социалистическом содержании Октябрьской революции, большевики должны были поставить перед собой проблему заполнения этой пустоты каким-то «социалистическим» содержанием. Средством к достижению этой цели должна была послужить форсированная индустриализация страны. Выбору этого пути предшествовали довольно длительные дискуссии. Вопрос заключался в том, каковы должны быть источники финансирования намечавшегося экономического строительства. Эти источники можно было искать в трех направлениях:

1. получить необходимые капиталы из-за границы;
2. построить экономику по плану, предложенному Бухариным;
3. проводить строительство за счет внутренних ресурсов страны.

Получение иностранной помощи могло быть в двух формах: займов и концессий. Первый путь был для большевиков закрыт вследствие аннулирования царских долгов. Организация же концессий наталкивалась на непримиримые противоречия между интересами концессионеров и хозяйственно-правовыми нормами Советского Союза, и практика концессий окончилась неудачей.

План Бухарина, состоявший в построении экономики на базе объединения огосударственной промышленности, транспорта и кредитной системы (так называемых «командных высот»), полностью находящихся в руках государства, с частной системой крестьянского хозяйства, на основе свободного рыночного обмена, был отвергнут сталинской группой большевиков вследствие:

1. принципиальной боязни мелкого товарного хозяйства;
2. боязни укрепления собственнических настроений среди крестьянства;
3. невозможности осуществления общегосударственного планирования,
4. необходимости, в первую очередь, развивать легкую и пищевую промышленность.

Путь, выбранный сталинской группой, — финансирование строительства исключительно за счет внутренних сил страны на основе полной ликвидации частного сектора во всех отраслях народного хозяйства — означал жесточайшую эксплуатацию населения, и в первую очередь миллионных масс крестьянства, путем проведения коллективизации.

Коллективизация была невиданной в истории, по своей жестокости, расправой со всем прошлым огромной массы сельскохозяйственного населения. Она ломала те отношения, которые сложились на протяжении многих веков, и разрушала благосостояние лучших хозяйств. Население не могло не ответить на это ничем иным, как открытым и отчаянным сопротивлением, и это привело к перманентной войне между советским государством и миллионными массами населения, сопровождаясь неслыханным в истории планомерным и систематическим уничтожением людей государством.

Указанные выше процессы: начало индустриализации страны и перевод сельского хозяйства с частно-хозяйственных начал на начала принудительно-коллективные с одновременным оформлением методов эксплуатации городского населения, с целью создания для советского государства различных ценностей, которые реализовались на мировых рынках для закупки необходимых для индустриализации технических средств, — были содержанием третьего периода существования советской экономической системы.

В начале четвертого периода, а именно в 3-й пятилетке, все указанные процессы находят свое завершение и закрепление, и хозяйство СССР окончательно приобретает те формы, которые, несмотря на различные изгибы экономической политики, остаются неизбежными до настоящего времени.

4. Индустриализация, как основная линия советской экономической политики

Индустриализация является альфой и омегой экономической политики Советского Союза. Только индустриализация, по мысли большевиков, могла обеспечить хозяйственную самостоятельность страны, обезопасить ее от нападения извне и, главное, быть основой построения социалистического общества. Советские теоретики не хотят замечать, что и в этом пункте имеется разительное расхождение с теоретическими установками марксизма. По Марксу, социалистическая революция и социалистическое общество должны были базироваться на уже созданной при капитализме крупной машинной технике; в Советском Союзе создание машинной техники и индустриализация страны должны были совершиться уже после социалистической (Октябрьской) революции. Учение большевиков о социалистической индустриализации, начавшейся с развития тяжелой промышленности, в отличие от капиталистической индустриализации, когда строительство начинается с легкой и пищевой промышленности, ничего общего с теорией Маркса не имеет.

Индустриализация Советского Союза была задумана вначале, в основном, как чисто хозяйственная задача. Она должна была быстро двинуть вперед развитие всех производительных сил страны, изжить односторонне аграрный характер прежней экономики, привести к гармоническому развитию народного хозяйства путем втягивания в экономическую жизнь новых, национальных, в частности, районов, служить основой реконструкции других отраслей народного хозяйства, в первую очередь сельского хозяйства, и привести к общему подъему материального благосостояния населения. Считали, что ускоренные темпы реализации намеченных планов — интенсификация строительства — должны быстро создать все условия для процветания страны. Поэтому не считались ни с какими иными проблемами народного хозяйства. Ни стоимость строительства, ни высота цен готовой продукции, ни будущая рентабельность предприятий не оказывали влияния на окончательные решения. Принципы географического размещения промышленности, по знаменитой теории «штандорта» А. Вебера,¹⁾ были отброшены как «буржуазные». На возникающие диспропорции между различными отраслями народного хозяйства не обращали внимания, считая,

¹⁾ А. Вебер, Теория размещения промышленности, 1909 г. (сокр. русск. перевод — 1926 г.).

что развитие их будет выправлено по окончании выполнения основных заданий по индустриализации. Строить во что бы то ни стало, сколько бы это ни стоило, как можно скорее и в самых больших масштабах — таковы были действительные основания экономической политики этого периода. Все резервы рабочей силы, все сырьевые ресурсы, все лучшие партийные и профессиональные кадры бросаются в тяжелую промышленность. Догнать и перегнать капиталистические страны — стало основным лозунгом экономической политики.

Для выполнения этих заданий не считались ни с какими расходами. Особенной растратой народного достояния отличались периоды первой и второй пятилеток, когда в жертву были принесены самые насущные интересы населения, когда, для того, чтобы получить золотую валюту для закупки машин и оборудования, на мировые рынки были выброшены по бросовым ценам огромные массы пищевых продуктов, в которых нуждалось свое собственное голодающее население, хищнически разрабатывались и вывозились различные природные богатства старны, и шли в продажу даже художественные ценности, накапливавшиеся в продолжение целых столетий.

Но скоро характер целей индустриализации меняется. Все большее перенесение тяжести вопроса о мировой революции в сферу военного столкновения (путем вмешательства, в надлежащий момент, в конфликт между капиталистическими странами) придает индустриализации определенно военный характер.

Создание мощной военной промышленности на базе развития машиностроения и химии, металлургии и всех связанных с ней отраслей промышленности, становится главной задачей, подчиняющей себе все остальные. Кардинальный вопрос о соотношении тяжелой и легкой промышленности решается, в связи с этим, резко в пользу тяжелой промышленности. Такое же второстепенное место отводилось в новых капиталовложениях и другим отраслям народного хозяйства. Колхозное строительство должно было финансироваться за счет внутренних ресурсов (а при полном упадке сельского хозяйства это означало, что колхозы, фактически, помимо всех других моментов, не будут иметь каких-либо возможностей к дальнейшему развитию), строительство путей сообщения, вследствие своей дороговизны, ограничивалось только постройкой самых необходимых, с точки зрения хозяйства, линий; коммунальное хозяйство и жилищное строительство получали, в сравнении с нуждами населения, совершенно ничтожные ассигнования; торговля, в основном, также использовала старую сеть магазинов и складов. Вся же главная масса капиталовложений на протяжении пятилеток направлялась в тяжелую промышленность.

При строительстве предприятий тяжелой промышленности, основными стали соображения стратегического и общевоенного порядка. Эти цели заглохли собой прежнее хозяйственное значение пятилеток, а так как политическое положение в последние десятилетия все более обострялось, то эта линия военного значения пятилеток все более укоренялась. Благодаря включению в государственный бюджет всего народного хозяйства, на оборону затрачивались гораздо большие суммы, чем это показывалось в прямых статьях на оборону. Появление новых видов оружия и необходимость перевооружения армии придали пятилеткам еще большую военную направленность. Усиленная индустриализация сделалась не временным мероприятием, которое должно было создать условия к повышению материального

благополучия, а постоянным экономическим явлением, первоначальные цели которого отодвигаются в неизвестное будущее. Обещание создать, по мере выполнения пятилеток, общее благополучие в стране не только оказалось не выполненным, но к 40-летию существования нового народного хозяйства страна очутилась, в смысле материального обеспечения, на еще более низком уровне, чем до начала индустриализации.

Отрицательное значение односторонней индустриализации усугубляется еще тем, что, в случае перехода страны к нормальному меновому хозяйству, многочисленные предприятия окажутся полностью нерентабельными, а затраченные на них средства — потерянными.

5. Эксплуатационный характер советской экономической системы

Индустриализация страны, которая определяет все остальные процессы народнохозяйственной деятельности, происходит за счет невиданной эксплуатации населения. Эта эксплуатация находит себе концентрированное выражение в понятии «социалистическое накопление». С того момента, когда решено было вступить на путь построения социализма в одной стране, «социалистическое накопление» становится основной формулой грандиозного эксплуатационного хозяйства, все ресурсы которого основываются почти целиком на полном присвоении результатов труда населения и предоставлении ему лишь самого низкого прожиточного минимума.

Источниками социалистического накопления являются: 1. полное распоряжение государством всеми природными богатствами страны, 2. эксплуатация деревни и 3. эксплуатация города (рабочих, служащих и интеллигенции).

Пути присвоения результатов труда населения приобрели в советском государстве чрезвычайно разнообразные формы.

В сельском хозяйстве основой эксплуатации явились ликвидация крестьянства как класса и превращение его, по сути, в пролетариат.

Проведенная в 1917—1918 гг. национализация промышленности, транспорта и кредитной системы отдавала фактически эти отрасли народного хозяйства в руки советского государства, национализация же земли была, в большинстве, формальной, поскольку государственные и помещичьи земли были розданы крестьянскому населению, и на протяжении всех годов до первых пятилеток оно обрабатывало эту землю на частнохозяйственных основах. Желая получить в свое полное распоряжение также и сельское хозяйство страны, большевики решили провести принудительную коллективизацию его.

Проводя коллективизацию, большевики преследовали четыре основных задачи:

1. не имея возможности получить от крестьян (путем эквивалентного обмена продуктов сельского хозяйства на промышленные изделия) нужного для прокормления городов продовольствия и необходимого сырья для промышленности, государство присваивало этой операцией все земельные богатства страны (т. е. проводило фактическую национализацию);

2. коллективизация превращала самостоятельных крестьян-хозяев в батраков государства, которые получали от него за свой труд ничтожную оплату по трудовым дням, а государство начало распоряжаться огромной массой труда, которой оно могло пользоваться по своему усмотрению;

3. коллективизация должна была привести к постепенному уничтожению собственнических чувств сельскохозяйственного населения и этим окончательно уничтожить ту основу, которая могла бы привести к появлению опасных для «социалистического» государства тенденций;

4. все сельское хозяйство переводилось на путь планового хозяйства и включалось в общий план народнохозяйственного строительства, так как, несмотря на кооперативный характер колхозов, планы их работы диктовались им государственными земельными органами.

Для «социалистического накопления» особенно важное и прямое значение имели первые два задания. Отобрав у крестьян землю, превратив их в полупролетарский элемент, прикрепив к земле (никто не имеет права без разрешения сельсоветов уйти из деревни), выплачивая им очень низкое вознаграждение за их труд, государство превратило сельское хозяйство в один из важнейших источников накопления фондов для индустриализации. Эта последняя, в большой мере, до сегодняшнего дня покоится на пауперизации сельскохозяйственного населения, сведении его существования до голодного минимума.

Неожиданно, повидимому, и для самих большевиков, коллективизация привела к созданию еще одного дополнительного источника присвоения человеческого труда, а именно, в результате ликвидации «кулачества», миллионы крестьян были арестованы и сосланы в концентрационные лагеря, где они, вместе с арестованными из других слоев населения, составили главную массу тех многочисленных рабов, которые были брошены «социалистическим» государством на самые тяжелые работы — на рытье каналов, рубку леса, добычу золота и т. д. И по этой линии основным создателем различных ценностей для советского государства явилось в первую очередь крестьянство.

Если источники накопления в сельском хозяйстве имеют явный и неприкрытый характер рабского или крепостнического труда, то эксплуатация городского населения выступает в завуалированных формах. Здесь эта эксплуатация реализуется, главным образом, через рыночные (понимая это слово в техническом значении) отношения.

Суть эксплуатационных методов сводится здесь к поддержанию реальной заработной платы рабочих и служащих на очень низком уровне. Это делается при помощи знаменитого своей циничностью, так называемого налога с оборота на продукты каждодневного потребления. Налог с оборота достигает иногда огромных размеров, превышая себестоимость продуктов на сотни процентов. Таким образом, через покупки населением необходимых ему продуктов государство отбирает у трудящихся большую часть их заработка (в среднем, по исчислению специалистов, до 60%).

Элементарный метод сравнения среднего заработка иностранного рабочего с заработком среднего рабочего в СССР показывает, что реальная заработная плата последнего в 4—6 раз меньше. Этим фактом объясняется, что в Советском Союзе почти всегда работают все члены семьи, так как заработка главы семейства не может хватить для удовлетворения даже самых насущных потребностей.

Параллельно с системой снижения реальной заработной платы при помощи налога с оборота советское государство все время стремится к повышению до максимума производительности труда путем его интенсификации в виде создания так называемых «социалистических методов» труда, ударни-

чества, отличничества, соцсоревнования и т. д., заставляя трудящихся «добровольно» брать на себя новые дополнительные обязательства без соответствующего увеличения оплаты труда. Так как эти формы не дали желательного народнохозяйственного эффекта, большевики перешли к организации так называемого стахановского движения, которое было инсценировано в виде «всенародного похода» за пересмотр, якобы, «устаревших» норм и привело к повышению всех прежних норм и к переводу все большего числа трудящихся на сдельные формы труда. Стахановское движение, распространенное на все отрасли народного хозяйства, стало дополнительным источником социалистического накопления.

Наконец, последний источник социалистического накопления — это разветвленная система различных вычетов из зарплаты, начиная с ряда прямых налогов и удержаний из годового заработка месячной зарплатой на оплату государственного займа (который, как известно, также проводится в принудительном порядке) и кончая оплатой членских взносов в разные «добровольные объединения» (профсоюз, ДОСААФ, МОПР, Санслужба и т. п.); к этому нужно добавить также однодневные отчисления в отдельных случаях, которые служат различным целям и в большинстве связаны с усиленной подготовкой к войне и поддержкой пятых колонн за границей.

Таким образом, основой социалистического накопления является беспощадное присвоение государством результатов труда населения, или, употребляя марксистскую терминологию, небывало высокая степень присвоения прибавочной стоимости. В то время, когда капитализм уже давно прошел стадию тяжелой эксплуатации трудящихся, экономическая жизнь Советского Союза характеризуется самой жестокой эксплуатацией. Построение социалистического общества идет за счет жизненных сил населения.

Превратив крестьян в батраков государства, пользуясь даровым трудом заключенных в коцентрационных лагерях, поддерживая заработную плату на очень низком уровне, повышая нормы выработки, большевики все время стремятся и к повышению темпов накопления.

Повышенная эксплуатация населения СССР поддерживается целой системой юридических актов, административных и уголовных законов, направленных на то, чтобы трудящиеся не могли выйти за круг этой эксплуатации.

Если в капиталистическом обществе рабочий сейчас является полноправным его членом и этические нормы отношений к нему являются само собой разумеющейся истиной, то в Советском Союзе трудящиеся рассматриваются лишь как одна из производительных сил, как статья в калькуляционном исчислении себестоимости.

Чрезвычайно ярким внешним проявлением эксплуататорской сущности государства является новая социальная структура советского общества.

Одной из высших целей, которые должны были быть достигнуты в результате построения новой экономической системы, было уничтожение классово-структуры и построение бесклассового общества, так как только при этом условии, согласно положениям марксизма, может быть уничтожена эксплуатация человека человеком. И целой системой экономических и внеэкономических мероприятий большевикам, действительно, удалось, на протяжении 10—15 лет, уничтожить существовавшую классовую и сословную структуру царской России, превратив все население в однородную серую массу.

Однако, незаметно, на протяжении последующих лет, в советском обществе зародились и оформились новые группы населения, которые выдвигались на поверхность уже самой советской системой и которые поднимаются над остальным населением, как привилегированные группы, получившие название «советской аристократии». Эти группы оторвались от общего материального уровня существования среднего советского гражданина и своим положением, с одной стороны, по отношению к советскому государству, а с другой — по отношению к остальному населению, резко отличаются от последнего. Это как раз тот новый слой общества, при помощи которого Коммунистическая партия держит в повиновении миллионные массы населения и который, во имя уничтожения эксплуатации, проводит жесточайшую их эксплуатацию.

К этим высшим слоям в Советском Союзе принадлежат: члены Коммунистической партии, весь аппарат советской полиции государственной безопасности, генералитет и часть офицерства, высшие слои хозяйственников, профсоюзная бюрократия и некоторые верхушечные слои интеллигенции.

Эти новые общественные группы нельзя назвать классовыми группами, с точки зрения классического определения понятия класса (Кэнэ, Смит, Рикардо), под которым понималась принадлежность к определенной группе, в зависимости от места, занимаемого человеком в процессе материального производства. Однако эти новые группы в советском обществе настолько ярко выражены и занимают в нем такое специфическое место, что они не могут не быть выделенными в отдельную категорию.

Эти слои населения, хотя доступ к ним остается формально свободным для всех, превратились в замкнутые группы, поскольку пополнение их происходит под строгим контролем партии, и те, кто попадает сюда, превращаются в субъектов эксплуатации, проникаются соответствующей психологией и отрываются от остального населения. За выполнение специальных обязанностей государство награждает лиц, принадлежащих к этим группам, самыми разнообразными благами, в первую очередь материальными.

В результате такого процесса дифференциации, советское общество не представляет собою, с социальной стороны, совокупности равноправных граждан, и похоже именно на ту «пирамиду», в виде которой большевики часто изображают классовые и социальные отношения в капиталистических странах, где, якобы, на плечах всего населения держатся группы, его эксплуатирующие. Для остального мира такая «пирамида» — это уже далекое прошлое, для советского же общества она — реальность сегодняшнего дня, с той только разницей, что никогда трудящиеся других стран не находились под прессом такой эксплуатации, какую мы видим в Советском Союзе.

Выступив идеологически как решительный враг классовой структуры общества, большевики создали систему, приведшую к появлению новых, фактически классовых, групп, которые они всячески поддерживают, так как без них они не могли бы проводить свою политику эксплуатации и угнетения населения. Это рождение новой классовой структуры советского общества есть одна из наиболее ярких иллюстраций эксплуататорской сущности советского хозяйства.

6. Основные черты хозяйственной системы Советского Союза

Строительство и развитие советской экономической системы происходит на принципиально иных основах, чем система капиталистического хозяйства.

Основными чертами хозяйственной системы Советского Союза можно считать:

1. уничтожение частной собственности;
2. установление планового хозяйства.

Частная собственность и вытекающие из нее личная заинтересованность и инициатива, прибыль, как важнейший стимул экономической деятельности, и конкуренция, как могучий фактор технического прогресса и поднятия качества продукции, — все то, что, наряду с успехами знания, сделало капитализм самой блестящей эпохой в развитии человечества с точки зрения производства материальных благ, целиком уничтожены в Советском Союзе. Все те стимулы, которые побуждают человека к активности и которые воплощались в понятии, созданном еще классической школой политической экономии — «homo economicus» — в советском хозяйстве отсутствуют.

Частная собственность, как известно, в Советском Союзе распространяется на очень небольшое количество объектов личного обихода, вся же основная масса фондов и благ народного хозяйства составляет так называемые социалистические виды собственности: государственную и кооперативно-колхозную (которая, по сути, также является государственной).

Уничтожив свободное предпринимательство, превратив всех жителей страны в массу, лишенную каких-либо видов недвижимой собственности, основанных на сбережении, заботливости и личном труде, и получающую минимальное вознаграждение, советская система создала положение, при котором никто не заинтересован в своем трудовом процессе, при котором трудящиеся не развивают той хозяйственной инициативы и не вкладывают в свою хозяйственную деятельность того труда как в количественном, так и в качественном отношении, какие они вложили бы, если бы видели зависимость своего вознаграждения от своих трудовых усилий.

Отсюда простекают и здесь коренятся все основные пороки советского хозяйства: низкая производительность труда, бюрократизация хозяйственной деятельности, низкое качество продукции, все те грандиозные материальные потери и беспорядки, которые можно отметить по всем линиям народного хозяйства, и весь тот комплекс уголовных законов, который направлен на преодоление этих отрицательных явлений и на превращение трудящегося в послушное орудие государства.

Особенно отрицательными результатами уничтожения частной собственности являются низкая производительность труда и бюрократизация народного хозяйства.

Производительность труда, которая, согласно теоретическим установкам марксизма-ленинизма, есть решающий фактор в победе новой социально-экономической формации, является в советской экономике, несмотря на утверждение обратного, одним из самых слабых мест. Последние работы, проведенные иностранными исследователями, показывают чрезвычайно большую отсталость советского хозяйства в отношении производительности труда в советской промышленности и еще большую отсталость ее в сель-

ском хозяйстве (производительность советского рабочего равняется только 34 процентам производительности американского рабочего, а производительность советского колхозника составляет только 8 процентов производительности американского фермера).

Хотя производительность труда в большей мере определяется состоянием и ростом технических средств, чрезвычайно большое значение для ее увеличения играет и фактор субъективного отношения трудящихся к процессу труда. Потенциальная эффективность лучшей техники может быть снижена имеющими дело с этой техникой людьми, если они не проявят надлежащего внимания и энергии. С таким именно положением мы и встречаемся в Советском Союзе (не говоря уже о том, что многие производственные процессы в СССР до сих пор еще не механизированы, работа выполняется вручную).

Миллионы рабочих и еще больше колхозников, не пользующихся результатами своего труда, не показывают никакой заинтересованности в улучшении процессов труда и увеличении производительности. Достаточно просмотреть тысячи сообщений советской прессы о недостаточном использовании технических средств, о низких показателях труда, о неритмичности работы предприятий, о никуда негодном ремонте, о простое машин и оборудования, о низком качестве продукции, об антимеханизаторских тенденциях на предприятиях, о боязни новшеств, о плохой обработке полей, о гибели скота и т. д., для того, чтобы убедиться в истинном положении вещей. Наилучшей иллюстрацией незаинтересованности трудящихся в своей работе могут служить посевные и уборочные кампании, которые проводятся в СССР. Для того, чтобы провести сев или уборку сельскохозяйственных культур, что в других странах является само собой разумеющимся делом, в Советском Союзе требуется мобилизация всех сил партийных и профсоюзных организаций, посылка тысяч людей в деревню и пр., и все это, чтобы каким-нибудь образом, кое-как, и то всегда с большим опозданием, выполнить эти народно-хозяйственные работы.

В основе низких показателей производительности труда лежит неискоренимый порок советской системы — уничтожение частной собственности, и, несмотря на утверждения большевистской пропаганды о, якобы, изменившемся отношении советского человека к труду и об изменении его психологии, — все факты 40-летнего существования советского хозяйства говорят об обратном.

Бюрократизм также является одной из самых характерных отрицательных черт советской хозяйственной системы. Бюрократизм в советском хозяйстве есть явление более широкого порядка, чем в других странах, т. к., если там бюрократизм охватывает обычно только сферу административно-государственного управления, то в СССР он распространяется и на всю систему хозяйственных отношений. Между тем, нигде он не приносит столько вреда, как именно в хозяйственной деятельности, всегда требующей свободы и быстроты решений, связанных иногда с известным риском.

Советский хозяйственный бюрократизм вырос не только в связи с уничтожением частной собственности и частной инициативы и замены их государственной собственностью и государственным управлением, — его истоки, в большой мере, коренятся также в недоверии, которое постоянно питает большевистская власть к трудящимся, и в вытекающем отсюда ее стремлении поставить все под строгий и неуклонный контроль.

Бюрократизация превратила советский хозяйственный аппарат в чрезвычайно неповоротливый механизм.

Полное отсутствие инициативы у рядовых работников, незаинтересованных в своей работе, при низкой квалификации многих руководителей предприятий, которые почти всегда являются членами партии и занимают эти посты только благодаря партийному билету, боязнь нести самому ответственность за те или иные мероприятия, что заставляет каждого стремиться переложить ответственность на другого, и поэтому самый простой шаг, который в условиях свободного хозяйства решается быстро на месте, должен быть сделан в советском хозяйстве только после санкций ряда вышестоящих звеньев, — все это парализует нормальную жизнь советского экономического организма. Управленческий аппарат на протяжении 40 лет вырос в абсолютно не адекватном отношении к росту самого хозяйства. Ни одно государство не требует такого большого количества министерств, главков, плановых бюро, статистических отделов, финчастей, ревизоров, нормировщиков, контролеров, бригадиров, кладовщиков, председателей, секретарей, профработников и т. д., как система «высшего социалистического» государства. Достаточно вспомнить, что перед укрупнением колхозов в них было свыше 7 000 000 человек управленческого аппарата, то-есть лиц, не участвующих в производственном процессе. Все это приводит к большому увеличению себестоимости продукции и чрезвычайно усложняет проведение в жизнь самых простых мероприятий.

Поскольку бюрократизм советского хозяйства не есть какое-то преходящее явление, а порождается самой сутью советской системы, это явление не уменьшается, а с ростом хозяйства все больше увеличивается, и избавиться от него советское хозяйство не сможет. Та реорганизация управления промышленностью, которая недавно была проведена, не уменьшит бюрократичности управления, а только передвинет центры бюрократического управления на периферию. Не оспаривая возможности улучшения управления промышленностью вследствие приближения управленческого аппарата к местам нахождения предприятий, ввиду чего облегчится учет местных условий, нельзя думать, что 105 новых совнархозов будут иметь меньшую бюрократическую машину, нежели прежние 26 министерств.

Второй основой советской хозяйственной системы является плановое начало. Если капиталистическое хозяйство развивается стихийно, не имеет единой регулирующей воли, которая направляла бы все хозяйственные процессы (государственная власть не вмешивается в жизнь отдельных частных предприятий, создавая только своими мероприятиями общую для всех хозяйственную атмосферу), а каждое предприятие работает по собственному плану, руководствуясь своими собственными интересами, и распределение общественного капитала между различными отраслями хозяйства происходит при помощи рынка с его механизмом цен, то советская экономическая система основана на полном регулировании всех хозяйственных процессов государственной властью. Свободные меновые отношения капиталистического хозяйства заменены здесь всесторонним планированием экономической жизни, вытекающим из факта огосударствления всех средств производства. Ни одно предприятие в Советском Союзе, от самого большого до самого малого, не может работать без утвержденного государством плана, иначе оно не получит необходимых для его работы сырья, материалов, ассигнований на оплату рабочей силы и т. д. Плани-

рование в Советском Союзе есть тот механизм, на основе которого функционирует общественное хозяйство. Естественно, что при таком его значении ему уделяется в Советском Союзе очень большое внимание. На протяжении сорокалетнего существования советского строя, принципы планирования, методы планирования, его организация, техника проведения планов и т. д. выросли в сложную систему, которой советская власть гордится как огромным достижением.

В действительности же плановое хозяйство, вытекающее из факта передачи всех фондов народного хозяйства в руки государства, создает такую громоздкую систему хозяйствования, при которой народное хозяйство хорошо работать не может. Отрицательные черты советского планирования сводятся к двум моментам:

1. к невозможности спланировать огромное количество объектов. Достаточно указать, что в Советском Союзе существуют — свыше 100 000 крупных промышленных предприятий, до 90 000 колхозов, свыше 100 000 км железнодорожных путей сообщения, десятки тысяч торговых предприятий и кооперативных артелей и т. д.;

2. к появлению, после утверждения планов, огромной массы диспропорций, которые обычно вызываются невыполнением производственных программ отдельных отраслей. Вследствие взаимосвязанности, прорыв в какой-либо отрасли передается в другие и вся цепь плановых построений срывается и нарушается. Это вызывает постоянную напряженность всего народного хозяйства и необходимость постоянного корректирования планов. Срыв производственных программ приводит не только к диспропорции между отдельными отраслями, но чрезвычайно вредно отражается на работе самих предприятий. Попав в прорыв, предприятие обычно теряет нормальный тонус производственной жизни, начинает работать с перебоями, вынужденно прибегать к штурмовщине для выполнения плана. Вследствие этого все советские предприятия работают лихорадочно, с ненормальным производственным режимом.

Ввиду существования этих отрицательных моментов, предприятия, чтобы застраховаться от них, стремятся к составлению заниженных планов и раздутых смет строительства, что порождает новые диспропорции и вносит хаос в распределение средств, предназначенных для народного хозяйства.

Сам аппарат планирования и статистического учета (тесно связанного с первым), несмотря на то, что он поглощает сотни тысяч квалифицированных кадров, которые могли бы быть занятыми на более продуктивной работе, редко справляется с поставленной перед ним задачей. Планы, как правило, утверждаются к середине того периода, на который они составляются, а нередко и концу его, и предприятия получают его «постфактум». Поэтому создается такое положение, которое остроумно было определено как «плановая бесплановость».

Протекая, в общем, в рамках, намечаемых пятилетним планом, хозяйственная жизнь Советского Союза почти никогда не совпадает с планами на более короткие периоды, представляя собой картину грандиозного самотека. Употребляя этот термин по отношению к отдельным предприятиям, большевики никогда не употребляют его по отношению ко всему народному хозяйству, но именно он чрезвычайно хорошо характеризует движение и работу всего хозяйства.

Плановое хозяйство кроет в себе много опасностей в том смысле, что ошибочные установки Центра сейчас же автоматически распространяются на все хозяйство страны, нанося ему огромные потери, как это не раз наблюдалось в истории советского хозяйства. Этим фактом, вероятно, и вызваны те поиски лучшей организации планирования, которые были связаны с созданием и последующим упразднением Государственной экономической комиссии.

Плановое хозяйство является душой советской экономической системы, отличая ее, может быть, наиболее резко, от системы капиталистического хозяйства. Однако, в то время, когда рыночный механизм свободного менового хозяйства действительно является замечательным орудием приспособления производства к потребностям общества, плановая организация советского хозяйства представляет из себя только механический проводник директив государственной власти.

7. Определение сущности советской экономической системы

Что же представляют собой современные экономические и социальные отношения Советского Союза? Являются ли они прежними отношениями, прикрытыми новыми формами и названиями, или это действительно новая система экономических и социальных отношений?

Советские партийные ученые утверждают, что в Советском Союзе последовательно существует социалистический тип общества (полный социализм). Аргументация этого положения сводится к следующему:

Советская власть поставила перед собой задачи:

1. уничтожить частную собственность,
2. создать плановую экономику,
3. уничтожить классовую структуру общества и ликвидировать эксплуатацию человека человеком,
4. создать новую, высшую психологию и новые отношения к труду,
5. достичь более высокого уровня жизни трудящихся, нежели в «капиталистических» странах.

Все это уже, по утверждению большевиков, достигнуто.

Из всего, что было сказано до сих пор, ясно, однако, что утверждение это неправильное. Большевикам удалось выполнить только две первые задачи, три же последние, самые, может быть, существенные для проблемы создания социалистического общества, не только не реализованы, но, наоборот, — советское общество в этих отношениях неизмеримо ниже «капиталистического».

Говорить о материальных (в смысле уровня жизни), социальных и моральных достижениях Советского Союза не приходится. Простое наблюдение внутрисоветских отношений говорит об обратном.

Если советское определение создавшегося в СССР строя совершенно неправильное, то вряд ли можно согласиться и с широко распространенным мнением, что советское хозяйство представляет собой систему государственного капитализма. Сторонники этого взгляда аргументируют это положение тем, что советское государство представляет собой одного единого государственного предпринимателя, захватившего в свои руки все средства производства и жестоко эксплуатирующего население. Это определение не выдерживает критики с логической и методологической точек зрения.

Определить советское хозяйство как государственный капитализм не представляется возможным, поскольку в советском хозяйстве уничтожены все те экономические категории, которые составляют основу капиталистического способа производства. Все характерное для капитализма в Советском Союзе просто отсутствует (за исключением машинного производства, но и последнее явилось результатом успехов знания, а не созданием определенного общественного строя): уничтожена частная собственность на землю и средства производства; стихийность менового хозяйства заменена плановым хозяйством (как бы плохо оно ни работало, оно покоится на принципиально новых основах, сводящихся к планомерному учету и распределению материальных и рабочих сил страны), рыночный механизм цен, являющийся регулятором общественного хозяйства при капитализме, отсутствует и т. д.

Эксплуатация населения также не может быть положена в основу определения советского общества как государственного капитализма, потому, во-первых, что эксплуатация была присуща многим социально-экономическим формациям и потому не может служить конститутивным признаком для определения одной из них, а, во-вторых, — современное капиталистическое общество никем не признается эксплуататорским.

Мы считаем, что правильнее всего определять советскую хозяйственную и социальную систему, как п с е в д о с о ц и а л и з м .

При определении советской системы мы должны резко разграничить систему хозяйственных отношений от системы социальных отношений. С точки зрения хозяйства, мы считаем, что в Советском Союзе существует последовательно-социалистический строй в том смысле, как его понимали теоретики того направления социализма, которое известно под названием коллективизма (проведение обобществления средств производства и введение полностью планового хозяйства), а с точки зрения социальных отношений — никаких социалистических отношений в Советском Союзе, конечно, нет.

Комбинация социалистических форм хозяйства с принудительной системой общественных отношений является совершенно новой жизненной комбинацией, возможность которой никто из теоретиков социализма не предугадывал.

Утверждение о существовании в советском обществе каких-либо социалистических форм (в данном случае в хозяйстве) может казаться на первый взгляд очень странным. В понимании многих понятие «социалистический» всегда было связано с понятием чего-то высшего, не только в отношении к существу современного капиталистического строя, а вообще в отношении всех проявлений жизни. И связать это представление с жесткой действительностью советского государства, где характер жизни и отношения между властью и населением напоминают время деспотий Древнего Востока, очень трудно. Но при более глубоком анализе оказывается, что экономические отношения, построенные на социалистических принципах, в основе которых лежит уничтожение частной собственности, могут быть реализованы при различных условиях.

Представление о превосходстве наступающих общественных отношений при реализации социалистических принципов в хозяйстве было логической, но чисто рационалистической, не основанной на каком-либо опыте экстраполяции творцов социалистического идеала от экономических ка-

тегорий ко всей совокупности общественных отношений. Но жизнь, как известно, настолько сложна и имеет в себе столько скрытых динамических сил, что часто создает такие формы и идет такими путями, которые никто не мог предвидеть.

Теоретическое представление об автоматическом наступлении социалистических общественных отношений при создании социалистической хозяйственной системы (одно из положений исторического материализма) не оправдалось и резко разошлось с действительностью. Это положение мы и наблюдаем теперь в Советском Союзе.

Создание советской системы общественных отношений явилось результатом стремления к построению, во что бы то ни стало, социалистического строя в стране, в которой к этому не было никаких предпосылок.

8. Оценка результатов существования советской экономической системы и теперешнего ее состояния

На протяжении своего существования советскому государству удалось достичь значительных успехов в развитии промышленности. Построено много предприятий, созданы новые отрасли производства, в хозяйственную жизнь втянуты районы, представлявшие собой на карте в прошлом белые пятна. Советский Союз вышел по объему промышленной продукции на второе место в мире, обогнав ряд передовых европейских стран. В 1956 г. Советский Союз давал 18% мировой добычи угля, 17% мировой выплавки чугуна, 20% производства вагонов, 30% производства тракторов, 11% производства цемента, 26% производства пиломатериалов, 16% хлопчатобумажных тканей. Наличие количественных успехов промышленности не подлежит сомнению. Однако все эти результаты были достигнуты ценой жизни нескольких поколений, ценой гибели многих миллионов людей, страшным понижением жизненного и культурного уровня населения, и все эти огромные новостройки являются во многом материализованным воплощением жесточайшей эксплуатации населения.

В то время как хозяйственная политика других стран следует великому принципу Канта о равноценности человеческой личности, что в экономической интерпретации означает создание материального благополучия для каждого члена общества, чтобы, обеспечив ему известный досуг, дать ему возможность приобщаться к благам духовной культуры, в Советском Союзе интересы населения страны не играли на всем протяжении 40-летнего существования советской власти никакой роли; все хозяйственные достижения поставлены на службу чуждой стране цели — подготовке мировой революции. Народы, живущие на территории СССР, дорого заплатили за указанные выше количественные достижения в развитии промышленной мощи страны.

В результате низкого прожиточного минимума, а также под влиянием тяжелого психического давления террористической системы управления на протяжении десятков лет, почти все население страны страдает минус-вариантными отклонениями от нормального физического и духовного состояния. Уже до войны были известны цифры, говорящие о снижении биологического субстрата населения. Недоедание является одним из характерных признаков советской действительности. Нормы питания советского человека во много раз ниже, чем в других странах.

Население не имеет возможности в сколько-нибудь значительных размерах удовлетворять и другие насущные потребности. Всем, кто бывает в Советском Союзе, сразу бросается в глаза бедный внешний вид городских жителей, которые не в состоянии обеспечить себя сносной одеждой. Еще хуже обстоит дело с жилищными условиями. Несколько комнат может иметь только тот, кто принадлежит к верхушке советской аристократии, все же остальное население живет по формуле: «одна комната — одна семья». Это приводит к понижению санитарно-гигиенического уровня жизни, к невозможным бытовым условиям, к понижению морального уровня, особенно молодежи. Ни о каком, даже элементарном комфорте средний советский гражданин не может и думать. На таком же низком уровне стоит и удовлетворение культурных потребностей.

Причиной всех этих отрицательных явлений была основная линия экономической политики, направленная на безудержную индустриализацию страны, которая, казалось, должна была привести к решению всех хозяйственных задач. Однако это оказалось глубокой исторической ошибкой, которая в настоящее время становится совершенно очевидной.

Индустриализация страны привела к полному упадку сельского хозяйства и застою остальных отраслей народного хозяйства. Для того, чтобы представить себе современное низкое состояние советского народного хозяйства, достаточно просмотреть те выступления и постановления, которые печатались в советских газетах в последние годы и в которых приводятся отчеты о съездах работников различных отраслей. В этих постановлениях и выступлениях, помимо постоянных повторений о недостаточном размере производства и о низком качестве готовой продукции, перечисляются и другие недостатки советской экономической действительности. Вот чем характеризуется состояние некоторых отраслей хозяйства:

Земледелие — низкие урожаи, неудовлетворительное качество сельскохозяйственных работ, несвоевременное их выполнение, пренебрежение к агротехнике, недостаток удобрений и химикалий для борьбы с вредителями, отсутствие надлежащей селекционной работы, плохое хранение посадочного материала, огромные потери при уборке урожая;

Животноводство — низкое поголовье, медленный его рост, низкая продуктивность скота, большой падеж скота вследствие плохого ухода, отсутствие необходимых кормов, отсутствие надлежащих помещений, скудность скота, плохое водоснабжение ферм, отсутствие механизации основных трудовых процессов;

МТС — несвоевременная обработка полей, простой машин, отсутствие ряда марок машин, вследствие чего невозможно провести комплексную механизацию сельскохозяйственных работ, недостаток квалифицированных управленческих кадров, несвоевременное и низкое качество ремонта, отсутствие запасных частей, частые аварии, текучесть рабочей силы, слабая подготовка трактористов и комбайнеров, отсутствие ремонтных мастерских, гаражей, а также сараев для хранения машин, плохое материальное снабжение;

Пищевая и легкая промышленность — недостаточный ассортимент, нехватка ходовых продуктов питания, низкие вкусовые качества продукции, отсутствие надлежащей упаковки, отсутствие расфасованных товаров, недостаток самых необходимых предметов каждодневно-

го обихода, однообразность фасонов одежды и обуви, устарелость моделей, огромное количество брака;

Торговля — невыполнение планов товарооборота, недостаток торговой сети, путаница в завозе товаров, огромные злоупотребления, плохое оборудование магазинов, большой процент порчи товаров, плохое обслуживание покупателей, недостаток надлежащих складских помещений, отсутствие оберточной бумаги;

Транспорт — несвоевременная подача вагонов, вносящая путаницу в работу предприятий, простои вагонов, недостаточная механизация погрузочно-разгрузочных работ, низкая эксплуатационная скорость движения поездов, невозможность для железных дорог сколько-нибудь удовлетворительно справиться с перевозками пассажиров, постоянные опоздания поездов, недостаточность рефрижераторного парка, плохой ремонт паровозов и их недостаток.

Можно было бы еще детализировать указанные в постановлениях недочеты, но и приведенных здесь достаточно, чтобы видеть, в каком положении находится советская экономика. Как видно из признаний самих советских руководителей, многие отрасли находятся в совершенно ненормальном состоянии.

Основной причиной такого положения был безусловно просчет в темпах и результатах индустриализации.

Когда Сталин указывал, что «мы отстали от передовых стран на 50—100 лет и мы должны пробежать это расстояние в десять лет», то это были не пустые слова. Расчеты первых двух вариантов первой и второй пятилеток, в сравнении с третьим, окончательно утвержденным, показывают, какое фантастическое представление имели большевики о возможностях и темпах хозяйственного развития. Твердя о возможности догнать и перегнать капиталистические страны, они верили в это сами и, очевидно, не ожидали, что и через 30 лет эта задача останется такой же далекой, как и раньше, и что для этого нужны будут еще десятки лет.

Однако общее положение страны теперь уже не то, что было до войны.

Жизнь общества складывается из трех элементов: экономики, общественной организации и психических переживаний людей. Создав всеобъемлющую общественную организацию, в основе которой лежит всеобъемлющая система террора, безжалостно подавляющая малейшие отклонения от намеченной и предначертанной линии мышления и чувствования, большевики обратили все свои силы и помыслы на развитие промышленности, считая, что, быстро проведя индустриализацию, советское хозяйство сможет перейти к более широкому удовлетворению объективных материальных и культурных потребностей населения. Этого не произошло.

Между тем, исторические события привели к изменению в соотношении трех указанных факторов. Война, патриотический подъем, знакомство с другими странами, смерть и развенчание Сталина — все это привело, к значительным изменениям в психологии населения и к известному ослаблению террористической системы управления, и советские вожди стали перед рядом сложных проблем, сводящихся к вопросу: какими путями идти дальше в развитии народного хозяйства? Вести ли прежнюю линию безудержной эксплуатации населения для дальнейшей индустриализации и рисковать при этом возможностью революции (в этом отношении венгерское восстание по своему внутреннему значению может быть приравнено

к Кронштадтскому восстанию 1921 года и расценено как сигнал о существенно изменившейся в последнее время ситуации в стране) или идти по линии большего удовлетворения нужд населения, но отказаться от усиленных военных приготовлений перед лицом всего остального мира, который они сплотили своей агрессивной политикой и который они рассматривают как величайшую им угрозу. Колебания в отношении этого основного вопроса отмечают все последующие годы после смерти Сталина и связаны с такими драматическими событиями, как отставка Маленкова, или теми, подчас непонятными, колебаниями экономической политики, в сельском хозяйстве, в частности, когда то принимаются меры к ущемлению интересов колхозников, то, наоборот, принимаются меры к поощрению их личных интересов.

Но и на пути продолжения прежней линии безудержной индустриализации в настоящее время появились очень большие трудности. Удовлетворение растущих потребностей занятых в промышленности рабочих и жителей городов становится все труднее, так как ни по линии земледелия, ни по линии животноводства нельзя отметить никаких значительных сдвигов. Для обеспечения страны хлебом пришлось идти на такое опасное с агрономической точки зрения мероприятие, как распашка целинных земель, которое требовало огромных усилий страны с риском неполучения адекватных результатов. Сельское хозяйство, несмотря на большое количество тракторов, только теперь, после 40 лет, начинает подходить к энергетическому уровню царской России, тяговая сила которого состояла исключительно из лошадей.

Движение вперед самой промышленности затрудняется недостатком рабочей силы. До последнего времени увеличение промышленной продукции в стране происходило в большой мере за счет увеличения числа новых рабочих. Но сейчас страна стоит накануне исчерпания своих трудовых резервов. Сельское хозяйство не может больше снабжать промышленность рабочей силой, так как само испытывает ее недостаток — вследствие наступления белых пятен в возрастном составе населения и гибели большого количества мужчин во время войны. По линии же производительности труда большевики, как указывалось выше, не смогли добиться тех показателей, к которым стремились. Помимо экономических и психологических предпосылок низкой производительности труда, начинает сказываться также наступающая устарелость основных фондов промышленности и плохая постановка технологических процессов производства.

Все это привело к тому, что, очень скоро после утверждения шестого пятилетнего плана, пришлось приступить к его пересмотру, так как оказалось, что советское хозяйство не в состоянии вынести ту напряженность, которая на него была возложена, и уже первый год шестой пятилетки окончился срывом ряда планов по развитию тяжелой промышленности. Многие данные говорят о том, что темпы развития промышленности СССР явно снижаются. Частично эти причины кроются также в невозможности для Советского Союза дальнейшей экономической эксплуатации своих спутников.

При таком положении разрыв между экономикой быстро идущего вперед свободного мира и Советского Союза все увеличивается не в пользу последнего. В каком направлении будет идти дальнейшее развитие народного хозяйства Советского Союза, зависит от политических решений, которые

будут приняты руководителями Коммунистической партии. Но этот вопрос уже выходит за рамки экономического анализа. Можно лишь утверждать, что за всю историю советской власти экономические явления не выходили столь далеко за рамки субъективных желаний партии и никогда не грозили так перечеркнуть ее экономические и политические планы, как в настоящее время, и это заставляет руководителей Советского Союза лихорадочно искать выход из создавшегося положения.

Всем, что было сказано выше, мы не хотим утверждать, что советское хозяйство стоит накануне краха. Советское государство, имея в своем распоряжении огромную и богатейшую страну с большим количеством населения, уже созданную, значительную по своим размерам, промышленность, террористическую систему и весь механизм угнетения, хотя и смягченные, но полностью продолжающие действовать, конечно, сможет добиться дальнейших количественных успехов в области промышленного строительства.

Но все состояние и движение советского народного хозяйства ясно показывает, что тот экономический строй, который подходит к своему сорокалетию, несмотря на долгий срок своего существования, не смог и никогда не сможет привести страну не только к процветанию, но и к сколько-нибудь удовлетворительному обеспечению даже самых обычных потребностей населения, так как является искусственно созданным и искусственно подерживаемым образованием.

Выступление доц. **Ю. А. Таскина**
по докладу проф. **Н. М. Васильева**.

Я полностью согласен с основными положениями доклада проф. Васильева, в частности с тем, что советская система хозяйства является искусственно, сверху созданным образованием, а не органическим, вытекающим из самой природы экономической структуры страны, и с тем, что индустриализация является главной линией экономического развития СССР. Постараюсь иллюстрировать это последнее положение некоторыми данными, которые говорят о том, что в своем развитии Советский Союз не достиг тех целей, которые советское правительство перед собой ставило.

Индустриализация, как вы знаете, началась в 1929 году, и тогда уже стали говорить о высоких темпах социалистического развития, которые должны превысить темпы развития капиталистических стран Европы и Соединенных Штатов Америки. Надо сказать, что именно в темпах, выражаемых в процентах, советская власть и видит свои успехи и думает, что она сможет догнать и перегнать передовые капиталистические страны. Факты говорят, однако, как раз о том, что Советский Союз не только не догоняет и не перегоняет капиталистические страны, а продолжает отставать от них. Приведу, для примера, несколько цифр по выплавке стали в 1940 году: Соединенные Штаты Америки — 61 млн. тонн, Советский Союз — 18 млн. тонн. В 1955 г., соответственно: 106 и 45 млн. тонн. О чем говорят эти цифры? В журнале «Партийная жизнь» за 1956 г. автор одной из статей говорит: если промышленная производительность Соединенных Штатов превышала в 1940 г. ту же производительность Советского Союза в

3,3 раза, то в 1955 году — уже только в 2,4 раза. Значит, — как говорят советские экономисты, — имеется сокращение разрыва, имеется, значит, «большой рост Советского Союза и преодоление отставания его от Соединенных Штатов».

Советы идут и по другому пути вводящего в заблуждение исчисления в процентах. Они говорят: если производство стали в 1940 г. в Соединенных Штатах Америки составляло 61 млн., а стало в 1955 году 106 млн., значит, имелся рост только на 75%, в то время как в Советском Союзе в 1940 г. было 18 млн., а стало 45 млн. — рост на 150%. Совершенно, якобы, ясно, — СССР догоняет Соединенные Штаты Америки. Но отбросим проценты. Возьмем выплавку стали в 1940 году в млн. тонн: 61 и 18. Разница в 43 млн. т. Возьмем 1955 год: 106 и 45. Разница в 61 млн. т. Я спрашиваю, догоняет ли СССР Америку или продолжается и увеличивается отставание Советского Союза? Я думаю, что оперировать в данном случае процентами совершенно не правильно, и очень жалко, что очень многие наши экономисты-эмигранты продолжают пользоваться процентами, когда говорят о темпах Советского Союза. Мы только что убедились, как выглядит положение, когда мы обращаемся к абсолютным цифрам роста.

Или вот еще — нефть. Когда-то Россия была на первом месте по добыче нефти. Это было в 1901 г., когда Баку стояло на первом месте по добыче нефти во всем мире. Затем количество добываемой нефти несколько снизилось и больше не повышается. В то же время в Соединенных Штатах Америки рост добычи нефти резко увеличился и продолжает оставаться на высоком уровне и до настоящего времени. Правда, после войны, благодаря открытию больших новых месторождений нефти, главным образом в районе второго Баку, рост добычи нефти резко повысился и в Советском Союзе. Но если мы посмотрим, какой рост был от этого же уровня в Соединенных Штатах Америки, то увидим, что он сохранил почти прежние темпы, т. е. кривая роста осталась та же, что 35 лет назад!

Шестым пятилетним планом, т. е. на 1960 г., запроектировано добыть нефти 135 млн. т, а Соединенные Штаты уже сейчас добывают более, чем 350 млн. тонн. Как видите, для того, чтобы догнать США, согласуясь с абсолютными цифрами, — надо еще очень много — не пятилеток, а десятилетий.

Положение со сталью такое же. Сначала идет очень медленный рост ее производства, затем, когда все в СССР было брошено на тяжелую промышленность, за счет, как вы знаете, не только здоровья, но и жизни населения (организация стахановского движения и т. д.), за счет остальных отраслей промышленности, главным образом пищевой и легкой, которые почти не развивались, — удалось рост ее производства поднять. Но на сколько? Только до 20 млн. тонн. Лишь после войны ускорился рост ее производства. Однако в 1956 г. он не превысил 48 млн. тонн, в то время как Соединенные Штаты Америки дали 106 млн. тонн. Как видите, и здесь, — чтобы догнать Соединенные Штаты Америки, надо еще очень много времени. В производстве цемента также большой разрыв. В 1956 г. СССР дал около 25 млн. тонн, а США — 53 млн. т.

Теперь о производстве электроэнергии. Электрификация страны была первой задачей, которая была поставлена, как вы знаете, Лениным, потому что коммунизм есть, как он говорил, «советская власть плюс электрификация всей страны». И что мы видим? Соединенные Штаты Америки

выработали в 1956 г. 682 млрд. квтч электроэнергии, а Советский Союз только 191 млрд. квтч. Таким образом, и здесь Советский Союз резко отстает от Соединенных Штатов Америки и не только абсолютно отстает, но не догоняет и по темпам, как это видно из кривой роста выработки.

Следует сравнить данные СССР и с данными крупнейших стран Европы. В частности, добыча угля во Франции, Германии и Англии тоже выше, нежели в СССР. Население этих трех стран составляет вместе 144 млн., а в СССР — 200 млн. Если взять количество угля, добываемого на душу населения в Советском Союзе, то оно должно быть в указанных выше странах, по крайней мере, на 25% меньше, чего, однако, нет.

Короче говоря, никаких особенных социалистических темпов развития, которые были бы не известны «капиталистическому» миру, как об этом говорят в советской прессе, не существует. Все эти темпы, которые есть сейчас в Советском Союзе, были уже когда-то и в капиталистическом мире, когда он стоял на том уровне своего развития, на котором стоит сейчас Советский Союз. Другими словами, производство в Советском Союзе находится сейчас еще в стадии первоначального роста промышленного развития, т. е. в той стадии, когда продукция процентуально растет быстрыми темпами потому, что идет она от нуля, или почти от нуля — от чрезвычайно низкого уровня. Так что сравнивать надо только абсолютные цифры производства, а если говорить о процентах, то только сравнивать проценты от одинакового уровня. В этом часто не видят разницы и приходят к большим ошибкам. Маленькая иллюстрация: если я получаю 500 долларов, а какой-нибудь X получает 100 долларов в месяц и мне прибавили в следующем месяце 20%, а ему прибавили 50%, то, я думаю, каждый из вас согласится, что мои 20 процентов будут гораздо существеннее, чем его 50%. Совершенно то же самое и здесь.

Советский Союз по производству электроэнергии на душу населения стоит на 13-м месте, по производству стали — на 8-м, по цементу — на 13-м. В тех отраслях, относительно которых Хрущев хвастается, что он догонит Соединенные Штаты через четыре года — по производству масла, например, — СССР стоит на 12-м месте, по маргарину — на 13-м, по сахару — на 9-м. Эти данные можно было бы умножить. Во всяком случае, совершенно ясно, что ни о каком «догнать и перегнать» в ближайшие исторические сроки, как говорил Молотов и как подтверждается во всей советской прессе, и думать, конечно, нельзя. Если, однако, под ближайшим историческим сроком понимать время в 50 лет, то, может быть, через 50 лет что-нибудь и произойдет новое, но, вернее, это произойдет только тогда, когда в соответствующих отраслях хозяйства «капиталистических» государств наступит остановка в развитии, — например, сократится строительство железных дорог. Кривая этого строительства в Соединенных Штатах Америки теперь падает. Почему? Что это значит? «Загнивание капиталистической системы»? Нет. Это значит только, что железнодорожный транспорт в Соединенных Штатах Америки не играет теперь главной роли и ж. д. строительство прекратилось, причем некоторые ж. д. линии даже закрыты, уступив свое место автомобильным и воздушным трассам. То же самое и с добычей угля. Ее рост в Соединенных Штатах Америки приостановился. Но тут нельзя говорить о «догнать». Догонять может один человек другого, если оба бегут к одной цели. Но если один остановился, то другой, конечно, догонит его, даже идя очень медленно. В добыче угля, в частности,

Советский Союз почти догнал Соединенные Штаты Америки. А почему? Потому, что главными видами топлива в США являются теперь газ и нефть. Добыча газа в США составляет свыше 310 млрд. куб. метров, в то время как в Советском Союзе она равняется только, приблизительно, $\frac{1}{20}$ этого количества. О нефти я уже говорил — какая имеется разница в производстве ее в США и СССР. Уголь поэтому не играет в США уже той роли, которую он еще играет в Советском Союзе. И если будет время, что Советский Союз догонит США в отношении протяженности железнодорожных линий, то это будет свидетельствовать не о каком-то прогрессе, а о том, что Советский Союз продолжает еще использовать устарелые виды транспорта, в то время, как передовые страны Европы и Соединенные Штаты Америки перешли уже к более совершенным видам передвижения.

В дискуссии по докладу проф. Н. М. Васильева приняли, кроме того, участие следующие лица: проф. д-р П. Л. Кованьковский (Германия), д-р В. Клатт (Англия), проф. С. И. Гольдельман (Израиль), проф. Е. А. Гловинский (Германия), проф. В. Н. Ильин (Франция), проф. Н. И. Осипов (Германия), доц. В. П. Марченко (Канада).

Председательствует проф. А. А. Адамович.

Д-р Д. Ю. Даллин: доклад —

ГЛАВНЫЕ ЧЕРТЫ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

1.

Хрущев и Молотов во внешней политике

Через два дня после того, как Москва объявила об исключении группы Молотова—Кагановича—Маленкова из Центрального Комитета партии, Уинстон Черчилль сделал несколько очень оптимистических замечаний о перспективах взаимоотношений с советским правительством. Советский Союз, сказал он, начинает приобретать новую физиономию в международных делах; он ныне будет занимать свое должное место, как составной элемент человеческого рода (The Soviet Union is moving toward a new status in international affairs in which it would play its part „in this broad and easy composition of the human race“).

В Нью-Йорке и в Париже мне пришлось слышать аналогичную оценку московских событий. «Догматики» — так называют группу Молотова — это доктринеры, для которых идеология играет решающую роль; «прагматики», т. е. практики, вроде Хрущева, не руководствуются теорией и принципами, и во внешней политике заботятся не столько о коммунизме, как о безопасности и обороне своего государства.

Чем же отличается политика Хрущева от внешнеполитического курса поверженных вождей? Если можно довериться официальным московским сообщениям, разногласия сводились к следующим вопросам:

1. о договоре с Австрией вся молотовская оппозиция, или часть ее, держалась отрицательного мнения. Повидимому, она рассматривала оккупированную восточную Австрию как базу для дальнейшего продвижения на запад и сопротивлялась возврату советизированной индустрии «буржуазному» правительству Вены;

2. по вопросу о договоре с Японией оппозиция, повидимому, отказывалась сделать те — в сущности небольшие — уступки, без которых возобновление дипломатических отношений было невозможно;

3. в вопросе о Югославии позиция Молотова была давно известна. Он продолжает держаться старых представлений о международном коммунистическом движении как о монолите, как о едином организме, руководимом из Кремля; поэтому не примирение с Тито, а «разоблачение» его является настоятельной необходимостью;

4. в более неопределенной форме, без конкретных указаний, оппозиция обвиняется в том, что она сопротивлялась курсу на «смягчение международной напряженности» и «мирному сосуществованию».

Таковы четыре пункта внешнеполитической программы, которые вызвали разногласия, — если верить московским версиям. Но было несколько вопросов в течение последнего года, которые разногласий не возбуждали; это были большие операции, при которых Хрущев явно шел в ногу с Молотовым и пользовался поддержкой «антипартийной группы». Назову два самых важных:

1. венгерское восстание было подавлено по всем признакам при полном согласии всех течений в КПСС;

2. Ближне-Восточная операция — поставка оружия Сирии и Египту, прямая угроза войны Англии и Франции и др. — были явно проведены советским правительством без внутреннего сопротивления.

Ни в том, ни в другом деле — ни в венгерском, ни в суэцком — не было ни малейшей угрозы Советскому Союзу; его безопасность не стояла под вопросом. Его воинственная линия очевидно диктовалась другими соображениями, — и тут мы имеем первый ответ на вопрос, продолжает ли идеология влиять на внешнеполитический курс Москвы после свержения «антипартийной группы». Рискуя большой войной из-за Суэцкого канала, Хрущев—Молотов руководствовались идеями и эмоциями традиционно-коммунистического характера — борьба с западным капитализмом, ослабление Англии и Франции. Еще меньшую роль играла советская безопасность в венгерских событиях. Здесь на карту была поставлена территориальная экспансия коммунизма; для стратегической обороны Советского Союза Венгрия играет ведь минимальную роль. Вообще, зимние месяцы последнего года — 1956/57 — прошли под знаком компромиссов, даже попытки примирения между обеими частями Президиума (повидимому, венгерское восстание было толчком в этом направлении). Одним из проявлений этого курса была попытка возрождения Коминтерна—Коминформа, сделанная в январе этого года для формального закрепления руководящей роли Кремля в делах международного коммунизма. Предложение о новой международной коммунистической организации, сделанное, конечно, по инициативе Москвы, двумя западными коммунистическими партиями, было, однако, отвергнуто итальянской, китайской, польской и югославской партиями, а быть может и некоторыми другими. В результате, была собрана ограниченная по составу конференция, которая на днях заседала в Москве.

Наиболее ясный ответ о роли идеологии в московской внешней политике последнего времени дает ее курс в германском вопросе. Стремясь оторвать Германию от Западных союзников и искать с нею сближения, советское правительство, казалось бы, вступает на традиционно-российский путь сотрудничества с Пруссией-Германией против Англии и Франции. Эта политика сотрудничества преобладала в XIX веке; она была воспринята и Сталиным в 20-х и 30-х гг. Конечно, Москва и сегодня хочет видеть независимую от Запада Германию, как барьер и как потенциального союзника. Но первой предпосылкой такого отрыва Германии от Запада является возврат ей Советской зоны, т. е. ликвидация одного из важнейших коммунистических сателлитов. Москва могла бы добиться пертурбаций в европейских отношениях, жертвуя одной коммунистической территорией. Но она этого не делает. Тут интересы Советского Союза приходят в конфликт с идеологией, с интересами коммунистической экспансии.

Поэтому и политика так называемого «мирного сосуществования» так ни к чему и не приводит. Этот термин десятки раз повторяет Хрущев; его на все лады комментирует советская пресса и советское радио; его включают в резолюции партийных съездов. Запад, со своей стороны, не собирается начинать войны. Казалось бы, все в порядке. Но обе стороны по различному понимают «сосуществование». Для Хрущева этот термин обозначает статус-кво: принимаемая «мирное сосуществование», Запад тем самым окончательно примиряется с границами коммунистической империи и дол-

жен отрешиться от мысли об освобождении сателлитов. Конечно, это невозможно; хоть и не решаясь идти на войну, Западная Европа не может примириться со своим положением вечно угрожаемой периферии евразийского континента. И Америка, в своих собственных интересах, всегда поддержит Европу в этом отношении. «Отчего бы мирное сосуществование социалистических и капиталистических стран было невозможно? — спрашивает Хрущев. — Конечно, мы не любим капитализм, а вы не любите социализм. Но мало ли есть браков без любви, и многие из них устойчивы». Но в том браке, который предлагает Хрущев, есть слабая сторона. Он считает, что Советский Союз будет одновременно жить в браке и с одиннадцатью «социалистическими» странами; больше того, эти браки, по Хрущеву, основаны на горячей любви. В этой матримониально-государственной неразберихе сожительство с нелюбимой западной женой превращается в домашний ад... Опять мы видим, как сумма идей, называемая коммунистической идеологией, препятствует достижению реального замирения.

Лет пятнадцать назад, в разгаре мировой войны, многие писатели и журналисты Англии и Америки изображали Сталина как «реалиста», который, в отличие от Троцкого, порвал с идеологией и руководствуется лишь интересами советской безопасности. Было много «доказательств» — и возрождение Суворова и Кутузова, и Александр Невский, и Патриарх, и многое другое. Эта теория оказалась фантазией. Не успела война закончиться, как конфликты, вызванные сталинским курсом на коммунистическую экспансию, положили начало новой, хоть и холодной, войне.

Конечно, лучше, если Хрущев заключает мир с Японией и уводит свои войска из Австрии, чем если бы Молотов продолжал старую или начал новую агрессивную политику. Спору нет, — и это Черчилль явно имел в виду — язык мирного соревнования с Америкой лучше языка пушек и бомбовозов. Но бурный антагонизм к Западу, питаемый в большой степени из коммунистической подпочвы, делает замирение условным, временным, неустойчивым.

2.

Нейтральные и союзные страны

Старая теория о «неизбежности войны» в капиталистических условиях служила несколько десятилетий, при Ленине и Сталине, основой внешней политики по отношению к Западу. Под самый конец сталинской эры началась осторожная, даже боязливая ревизия этой философии: с одной стороны, нельзя было продолжать настаивать, что неизбежен новый, быть может, еще более страшный военный кошмар, а, с другой, — ортодоксы коммунизма (среди них и Молотов) отдавали себе отчет в том, что, если вынимать один за другим кирпичики из ленинского здания, оно может обрушиться целиком. Ведь у Ленина, а затем и у Сталина, «неизбежные войны» вели к расширению сферы коммунизма. Третья мировая война, говорилось, завершит дело коммунистического переворота во всем мире. Отказываясь от этой теории, коммунизм не умеет, однако, заменить ее другой. Нет сейчас в мировом коммунизме человека, способного подняться до уровня подлинного теоретика.

Восемьдесят государств, составляющих политическую карту современного мира, принадлежат, по мнению Москвы, к одному из следующих пяти классов:

V	IV	III	II	I
СССР	11 союзников и сателлитов Сов. Союза	Нейтральные страны в Европе, Азии и Африке	Члены НАТО, Багдадского Союза и СЕАТО	США

1. Крайнюю правую группу занимают США, которые в хрущевских концепциях остаются «самым реакционным» из больших государств современного мира.

2. На втором месте стоит группа стран-союзников Соединенных Штатов Америки — члены НАТО, Багдадского Союза, СЕАТО.

3. Группа нейтральных стран, не примыкающая ни к одному из военных блоков. В Европе это — Финляндия, Австрия, Югославия, Швейцария; в Азии и Африке — Индия, Индонезия, Афганистан, Бирма, Египет, Сирия.

4. Далее следует группа союзников Советского Союза — семь в Европе и четыре в Азии.

5. Советский Союз — на крайнем левом фланге.

Поскольку и до тех пор пока нет войны, прогресс по пути к коммунизму выражается, по новой версии, в передвижении одной страны за другой справа налево. Внешняя политика советского правительства ставит себе целью облегчить и ускорить эту трансформацию, а именно: переход из второй группы в третью, т. е. из группы союзников Соединенных Штатов в группу нейтральных, а затем переход отдельных стран из третьей группы в четвертую, т. е. от нейтральности к союзу с Москвой.

Разложение НАТО, отрыв одной страны за другой от трех союзов, возглавляемых Англией и Америкой, является первой стадией на этом пути. Советское правительство старается убедить Францию, что ей следует перейти в нейтральную сферу потому, что вооружение Германии несет ей опасности; вместе с тем Москва старается убедить боннское правительство, что воссоединение Германии делается возможным, если Западная Германия станет нейтральной и выйдет из западного блока. Японии Москва обещает экономическое и политическое сотрудничество в блоке, в который войдет и коммунистический Китай, лишь только Япония повернется спиной к Соединенным Штатам Америки и т. д.

Что касается нейтральных стран, то советское правительство всеми силами стремится связать их с советским блоком, и, поскольку у них имеются коммунистические движения, — открыть пути для вступления их в состав международных коммунистических объединений. Значительного успеха эта политика добилась, например, в Индонезии, отчасти в Сирии; в Индии один из штатов, Керала, с недавних пор управляется коммунистическим правительством, которое в глазах Москвы и Пекина является зародышем всеиндийского коммунистического правительства.

Для того, чтобы добиться этих целей, советское правительство хрущевского периода применяет во все растущих масштабах два новых средства:

во-первых, поставки оружия тем нейтральным странам, которые обещают обратить его против Запада;

во-вторых, займы и, в меньших размерах, дотации, а также техническая помощь и промышленное строительство. Это относится не только к союзникам Советского Союза, но в очень значительных размерах и к нейтральным странам.

Советская экономическая помощь другим странам приобретает очень большие размеры в последние годы. Здесь играет роль и соревнование с Америкой, стремление завоевать престиж экономически-первоклассной мировой державы, играет роль и попытка, при помощи советских капиталов, приобрести то место и влияние, которое в отсталых странах принадлежит Америке, Англии, Франции, Германии и др.

Советские займы и дотации нейтральным странам достигают 780,8 миллионов долларов. Эта цифра относится ко всему послевоенному периоду; но фактически кредиты были минимальны до 1955—56 гг., и почти вся упомянутая сумма была ассигнована в последние полтора-два года. Темпы этих кредитных операций очень ускоряются в последнее время.

В частности, получили:

Афганистан	106,8	млн. долларов
Бирма	23,0	„ „
Индия	241,5	„ „
Индонезия	100,0	„ „
Итого — Юго-Восточная Азия	471,3	„ „
Финляндия	20,0	„ „
Югославия	281,5	„ „
Итого — Европа	301,5	„ „

В дополнение к этим суммам советское правительство дает займы, и в значительно больших размерах — сателлитам и своим союзникам. Их размер Хрущев определил на XX съезде очень большой цифрой — в 5 ¹/₄ миллиардов долларов, — он явно стремился произвести впечатление. Фактически эта цифра включает и долги Болгарии, Румынии, Китая за передачу им советской доли в так называемых «смешанных обществах», но и подлинные займы очень значительны. До февраля 1956 г. (XX съезд) они составляли 1 229,5 миллионов долларов; с февраля 1956 г. до апреля 1957 г. — 1 429 миллионов долларов. Займы дали возможность коммунистическим союзникам, в свою очередь, открыть долгосрочные кредиты нейтральным, — поставлять, в частности, им оружие. В дополнение к 780 миллионам долларов, предоставленным им из Москвы, 381 миллион долларов был дан Чехословакией, Восточной Германией и др.

Советская Россия в качестве страны, которая в очень больших размерах инвестирует капиталы за границей в политических целях — это новое явление хрущевской эры. Источником миллиардов, которые должны оплодотворить и вооружить два или три десятка стран, является труд все тех же крестьян, рабочих и интеллигенции Советского Союза. Это они создают грандиозную советскую военную машину, кормят многомиллионную бюрократию и проводят своеобразную индустриализацию — так называемый курс на тяжелую промышленность. Чем крупнее советские загранич-

ные инвестиции, тем ниже уровень жизни советского населения, — ведь Советский Союз попрежнему, после всех чудес индустриализации, продолжает занимать, по уровню жизни, последнее место среди больших стран Европы и Америки.

Здесь мы видим отчетливо, как необходима система строгой диктатуры для внешней политики хрущевского правительства. Если бы существовала в Советском Союзе вторая партия, или вторая фракция, с минимальным хотя бы правом публичных выступлений, она направила бы убийственную критику на эту мировую гигантоманию — на строительство, за счет очень бедных советских народов, электростанций в Бирме, металлургических заводов в Индии, автомобильной промышленности в Китае и т. д.

Если все это принять во внимание, мы сможем правильнее оценить хрущевскую политику «отказа от войны»: она отнюдь не означает примирения с несоветским миром; не означает, что все внимание будет сосредоточено на повышении уровня жизни населения; не означает отказа от международных авантур, интриг, комбинаций и дипломатической агрессии. Советское правительство попрежнему ходит по самому краю пропасти. Конечно, лучше хрущевские мирные договоры, чем корейские операции и берлинские блокады. Но этот курс очень далек от идиллии мирного сосуществования, международного сотрудничества и объединения народов в одно органическое целое.

3.

На Западе и на Востоке

Последние годы были для советской внешней политики трудными годами, особенно в Европе.

Политика московского правительства покоится на двух факторах: на советской военной мощи, с одной стороны, и на коммунистических движениях вне Советского Союза, с другой. В последние годы эти два фактора развивались в противоположных направлениях. Советская военная сила быстро росла в то время, как коммунистическое движение в Европе шло на убыль. Пятидесятые годы ознаменовались отливом коммунизма в Европе и новым его приливом в Азии.

В Европе, с конца 40-х гг., советская экспансия должна была приостановиться. Греческое восстание кончилось поражением; блокада Берлина потерпела неудачу, и советское правительство капитулировало; во Франции коммунистическая партия была исключена из правительственной коалиции; в Западной Германии поражение коммунистов на выборах были уничтожающими. Парадоксально нелепая карта центральной Европы с разделенным на секторы Берлином, с оазисом в советской зоне, закрепилась на годы, как сохраняется надолго в войне извилисто-нелепая карта фронта, когда приостанавливается большое наступление.

Затем последовал в 50-х гг. внутренний кризис коммунистических движений — «прочь от Сталина», «прочь от Москвы», «национальные пути к социализму», — за Югославией Польша, Венгрия и периодически вспыхивающие бунты и дворцовые перевороты в высших коммунистических органах сателлитных стран. В результате, ослабление не одного лишь морального авторитета Кремля. Если взять население всех сателлитов и прибавить к нему население коммунистической Югославии, то это составит в

Европе около ста пяти миллионов человек. А население трех бунтующих стран — Венгрии, Польши и Югославии — составляет около пятидесяти миллионов человек; значит, половина населения сателлитной империи в Европе живет в странах, правительства которых стремились или стремятся к независимости от Москвы. В этом и состоит тот кризис советской империи, который является главным мировым событием последнего года. Это начало большого процесса, который не может остановиться, он будет продолжаться, с перерывами, может быть, и с рецидивами, но который не может не закончиться полным разложением сателлитной империи в Европе.

Вооруженные силы сателлитных государств в Европе, которые оценивались различно, но в общем, примерно, в полтора миллиона человек, перестали служить надежной опорой советской политики. Даже в Румынии, в Восточной Германии, в Болгарии армии и небольшая авиация находится под сомнением, с точки зрения лояльности Москве. И ко многим соображениям, которые удерживали советское правительство от более активной наступательной политики в Европе в последние годы, прибавился еще один громадной силы фактор — ненадежность и нелояльность сателлитных войск.

4.

Дальний Восток

Если ослабление позиций советского правительства в странах-сателлитах Европы было явным в последний год, то в Азии события развивались несколько иначе, и здесь я позволю себе сослаться на материал и сообщения, которые мне удалось собрать во время недавней моей продолжительной поездки по Дальнему и Ближнему Востоку (материал этот я собирал для книги о «советской внешней политике после Сталина», которую я предполагаю закончить в ближайшем году.). В Азии ни один сателлит не объявил, по примеру Венгрии, о желании выйти из состава советского блока и приобрести действительную независимость. В Азии сателлитные народы советскими войсками не усмирялись. Но то, что произошло в Азии в связи с возвышением Китая, означает фактически отступление советского правительства.

Когда в Пекине обосновалось правительство Мао Цзе-дуна — это было меньше чем восемь лет назад, — Москва смотрела на него с гордостью и упованием, но смотрела как на еще одно сателлитное правительство. Ничего кроме сателлитного типа власти Сталин не признавал в рамках своей империи. Либо ты враг, фашист и капиталист, либо ты сталинский сателлит, — третьего не было дано. Советские войска оставались в Маньчжурии, советские офицеры и генералы инструктировали новую китайскую армию, советские инженеры и техники работали над восстановлением и расширением китайской индустрии, советские специалисты по полицейским делам помогали создавать китайский НКВД. О независимости Китая и речи не могло быть. Это был ведь тот период, когда Сталин, в бешенстве от бунта Югославии, проводил свои кровавые процессы против строптивых коммунистических вождей в Венгрии, Болгарии и Чехословакии. Китайцы не проявляли недовольства или, вернее, не проявляли его открыто.

Через несколько месяцев после провозглашения нового правительства, его вожди, Мао Цзе-дун, Чжоу Энь-лай и другие, были в Москве, на совеща-

нии у Сталина. По имеющимся сведениям, переговоры шли не очень быстро и не очень гладко. Сказал ли Сталин своим китайским товарищам, что через несколько месяцев он откроет большой поход из Северной Кореи в Южную? Об этом точных сведений не имеется, но большинство осведомленных людей в Корее, на Формозе и в Гонк-Конге говорили мне, что они твердо уверены — нет, Сталин ничего не сообщил Мао, а обратился к нему лишь значительно позднее, когда северо-корейский поход встретил сопротивление, когда поражение коммунистической армии казалось неминуемым.

В корейской войне китайские армии были вооружены советским оружием (или же японским оружием, захваченным советскими войсками в конце второй мировой войны). Китайская стратегия была советской стратегией, китайская политика была советской политикой, по крайней мере в Корее. Ни о какой независимости в этом деле не могло быть и речи. Однако, одновременно с корейской войной развивались другие китайские операции на юге и юго-востоке Азии, которые уже очень скоро придали китайской коммунистической политике новую окраску. В Тибете поход коммунистической армии оказался удачным. В Непале, по пути в Индию имели место восстания, на которые Пекин возлагал большие надежды. В Индо-Китае Хо Ши-Мин нуждался в помощи коммунистического Китая и эту помощь он получал — оружие, советников и пропагандистов; без этой помощи Хо Ши-Мин не мог бы добиться того, что половина Индо-Китая была ему в 1954 году отдана. В Восточной Бирме китайские армии обосновались и, несмотря на всевозможные так называемые дружественные переговоры, которые идут в последние годы, они остаются на месте. На границах Таиланда в рамках Китая была создана так называемая «автономная область» по советскому образцу. В этой автономной области часть населения говорит на таиландском (сиамском) языке; создание ее является такой же попыткой апеллировать к народу Таиланда против таиландского проамериканского правительства, какой явилась Молдавская республика в составе Советского Союза в отношении Румынии или Карельская республика в отношении Финляндии. В Лаосе коммунистические отряды — некоторые из них есть вооруженные партизаны — стремятся превратить эту страну в союзника коммунистического Китая.

Успехи Китая за эти семь—восемь лет внушительны, и легко понять, почему за это время неизмеримо выросли самоуверенность, планы на будущее и амбиция его нового правительства. Они нашли свое выражение на Бандунгской конференции 1955 года, на которой Советский Союз не был представлен и где представитель Китая Чжоу Энь-лай играл фактически доминирующую роль. Бандунгская конференция была симптомом и провозвестником новой политики Китая, его претензии на руководство так называемыми освободительными движениями всей Азии и Африки, всеми движениями против Запада, в особенности против Соединенных Штатов Америки. Надо помнить, что коммунистическое правительство Китая нашло в Азии то, что называется «вакуум» — своего рода «пустое пространство»: Япония, единственная азиатская великая держава, была разбита в 1945 году; Англия, влияние которой ощущалось на каждом шагу до второй мировой войны, потеряла почти все свои позиции; и ничто не мешало такой сравнительно слабой величине, какой был еще коммунистический Китай,

заявить свою претензию на доминирующую роль на Дальнем Востоке и в южной Азии.

Конечно, зависимость китайского коммунистического правительства от Москвы является постоянным фактором. Оно не могло бы создаться без советской помощи, и повседневная его работа зависела от сотрудничества с Москвой и помощи Москвы. Китайские генералы обучались в советских академиях, китайская политическая философия — это марксизм в русской интерпретации, а ее представитель Мао мало, в сущности, прибавил к коммунистической идеологии. Китайские государственные учреждения, экономическая система, медицина и естественные науки, школы и университеты, газеты и издательства, радио и вся так называемая культура — это копия с советских оригиналов. Если вы читаете китайские газеты и журналы, вы удивляетесь степени сходства их с литературной продукцией Советского Союза в последние десятилетия. Индустриализация Китая идет по путям так называемой «тяжелой индустрии», вполне соответствующим советским образцам. Наконец, ни одна другая страна в мире не согласилась бы поставлять Китаю так много орудий и оружия, необходимых не для того, чтобы повысить уровень жизни китайского народа, а для того, чтобы превратить Китай в большую военную силу Азии. «Антиамериканизм» был удвоен или удесятерен в китайской пропаганде: именно здесь, в Китае, он получил приложение более сильное и более постоянное, чем в Советском Союзе. Китай около ста лет находился в полуколониальном положении, и оппозиция против влияния других держав на Китай и вмешательства в его дела, против отторжения территорий и экономических привилегий составляла не меньший, а может быть больший элемент китайской коммунистической идеологии, чем борьба против капитализма.

Но какие, собственно, страны вмешивались в китайские дела, отторгали китайскую территорию, ранили китайское национальное самолюбие, эксплуатировали старый Китай? Среди них была и Англия, была и Франция, но не меньшую роль в этом процессе сыграла Россия, в особенности послереволюционная Россия.

Китайские коммунисты никогда не забывали, что Маньчжурия была поделена между Японией и Советским Союзом; что в 1929 г. Сталин воевал с Китаем за свои права в северной Маньчжурии; что железные дороги в Маньчжурии были в советских руках; что в Синьцзяне так называемая Восточно-Туркестанская Республика была почти неприкрытой попыткой Сталина захватить значительную часть этой обширной китайской провинции и подчинить ее Москве; в Китае не забыли и особенно коммунистические вожди не могли забыть, что Внешняя Монголия, которая была раньше китайской провинцией, была превращена советским правительством в так называемую Народную Республику и сделана в начале двадцатых годов сателлитом номер один. Если измерить территории, захваченные другими державами у Китая, то Россия далеко превзошла все остальные страны, и если бороться с империализмом, то, казалось бы, китайским коммунистам следовало бы обратить свой взор раньше всего на север, а не на запад.

И они стали это делать, хотя и исключительно за кулисами. Открыто, публично пропаганда направлялась против Запада и поддерживала во всем советскую политику. Но за кулисами китайцы требовали, и с каждым

месяцем все более настойчиво, чтобы советские войска были уведены из Маньчжурии, чтобы советские инженеры держали себя вежливо и прилично с китайским народом, чтобы были распущены смешанные общества, которые фактически были созданы как крепости советского политического влияния в Китае. Китайцы требовали доступа в Монголию, которая, как я уже упоминал, была раньше китайской провинцией, но была совершенно закрыта для китайцев при Сталине. Они требовали влияния в Корейской Народной Республике, которую они «спасли» своими войсками от разгрома, и в которой они держат и сейчас армию в двести тысяч человек. Наконец, почему мириться с тем фактом, что «Корейская Народная Республика» является советским сателлитом и подчиняется Москве, в то время, как их прямой сосед Китай отстранен от управления делами?

Давление со стороны Китая было постоянное, хоть и закулисное. Летом 1954 года Хрущев и Булганин совершили свое путешествие в Китай. Эти вожди, уже без того престижа и той силы, которыми обладал только Сталин, должны были сделать целый ряд больших уступок Китаю и принять целый ряд китайских требований. Этот процесс отступления перед китайским коммунистическим напором продолжается до настоящего дня и является важнейшим событием в истории Дальнего Востока в настоящее время.

За последние несколько лет советское правительство должно было увести свои военные силы из Маньчжурии, передать маньчжурские железные дороги в руки китайцев, распустить советско-китайские смешанные общества. Во Внешнюю Монголию открыт доступ китайским специалистам, рабочим и инженерам, и китайское правительство, опять копируя советские образцы, хоть и не имея излишков ученых и техников, поспешило послать сотни своих «спецов» во Внешнюю Монголию, чтобы публично афишировать свое равноправие, не-сателлитное положение, свое проникновение во все бывшие китайские области, свои новые амбиции, свои новые программы и свои большие надежды.

Что касается Северной Кореи, то ситуация сложилась следующая. Фактическим корейским правительством является, конечно, Политбюро Корейской коммунистической партии в Пхеньяне. Но своеобразное положение в этой партии состоит в том, что в ней существуют, рядом друг с другом, два как бы особых течения: корейские вожди, которые в японское время были эмигрантами в Китае и остались тесно связанными с китайскими коммунистами, и просоветские коммунисты, которые ездили в Советский Союз, жили в Советском Союзе и которые и сейчас теснее связаны с Москвой. Под давлением Китайской коммунистической партии, китайского посольства в Пхеньяне и большой китайской армии, достигнут был компромисс, который состоит в том, что в высших партийных учреждениях, а следовательно и в Политбюро, 65% мест отведено просоветским коммунистам, но 25% предоставлено прокитайским элементам.

Такая же картина наблюдается и в Японии. Японская коммунистическая партия, которая была очень тесно связана с советской миссией в течение многих лет после войны, которая получала от нее и указания, и поддержку, теперь связывается уже с Пекином и часто представители японской коммунистической партии едут в Пекин для совещаний и получения указаний.

Также и северный Вьетнам сделался полностью китайским сателлитом на все или почти на все сто процентов. Хотя он и зависит в большой степени от советской помощи во внешней политике и, особенно, в снабжении оружием, но его географическое положение таково, что Китаю, а не Советскому Союзу, приходится постоянно оказывать ему помощь, давать указания и посылать инструкторов. Таким образом, Китай в последние годы приобрел сам спутника. Недавно еще сателлит Советского Союза, он уже сам обзавелся своим собственным сателлитом.

Сильно жаловались китайские коммунистические вожди на поведение так называемых советских советников, которые держали себя подчас слишком высокомерно по отношению к китайскому населению. А в мае 1956 г. пекинское правительство учредило особое «Бюро Иностранных Экспертов» для того, чтобы наблюдать за иностранными советниками, которые, конечно, на 90% советские. Одновременно — и это очень типично для роста китайских коммунистических амбиций — было учреждено такое же «Бюро Китайских Экспертов», представители которого направляются в другие страны, например, в Монголию. Этим опять подчеркивается как бы равенство советского Китая с Советским Союзом. Такие жесты, подчас слегка комичные, типичны для взаимоотношений Китая с Советским Союзом.

Отмечая разногласия между Пекином и Москвой и растущее давление Китая на советское правительство, я хотел бы предупредить, однако, против преувеличенного представления о тех темпах, которыми может пойти развитие этих разногласий. Не следует ожидать в ближайшем будущем столкновения между Пекином и Москвой даже в тех размерах, как это было в отношениях между Москвой и Белградом в 1948 году. Коммунистический Китай все еще слишком слаб, чтобы рискнуть пойти на дуэль с советским гигантом; он скорее будет действовать закулисно, медленно, хоть и настойчиво; он будет действовать тихой «сапой», а не открытым бунтом. Наконец, не надо забывать, что интересы Советского Союза и коммунистического Китая параллельны в их взаимоотношениях с Японией. Что касается более отдаленного будущего, то дела не могут не принять другой оборот. Наступательная мощь китайского коммунизма, встречая не менее упорную экспансионистскую тенденцию со стороны Советского Союза, не может не разорвать завесы, скрывающей от внешнего мира действительное взаимоотношение обоих правительств, и не может не привести к конфликту между ними. Здесь будет действовать известный исторический закон, что две империи, настойчиво проводящие политику постоянного расширения, не могут, на известной ступени этого развития, не вступить в борьбу — борьбу дипломатическую или военную — между собою. И если конфликт вспыхнет между этими двумя странами, он будет развиваться с той страстью и ненавистью, на которую только большевизм, с первых дней его зарождения, был способен по отношению к «изменникам» «истинному» делу коммунизма.

И вот, если мы подведем теперь итоги сказанному о международном положении Советского Союза в Европе и Азии, мы увидим новую физиономию, которую приобретает советская империя в последнее время. Кризис в Европе сказывается в охлаждении к Москве, в ослаблении советского престижа, в росте тенденций к независимости, к отделению, к разложению империи. На Дальнем Востоке, наоборот, коммунистическое движение растет, оно еще не перешагнуло вершину, но его рост и успехи идут теперь

не столько на пользу советскому, сколько китайскому коммунизму. У советской физиономии европейская щека бледнеет и опадает, в то время как азиатская сторона обнаруживает болезненное набухание.

5.

Ближний Восток

В последний год советское правительство произвело большой дипломатический маневр на Ближнем Востоке; ход и исход этой операции помогают правильному пониманию советской внешней политики.

Обратили ли вы внимание на то, что настойчивая и усиленная советская экспансия, проводимая из Москвы, была очень удачна на Западе, в центральной Европе, и очень удачна на Востоке, в странах Азии, но она оказалась совершенно неудачной на юге и юго-западе, по отношению к странам Ближнего Востока. Как будто эти слабые, малые, отсталые страны, которые, казалось, так легко и быстро становятся колониями, превратились в железный барьер.

Первой попыткой Сталина после войны проникнуть в Средиземное море и на Ближний Восток были его переговоры с Рузвельтом и Черчиллем в 1945 г. в Ялте. Сталин требовал, чтобы старый Константинополь, теперешний Стамбул, был превращен в крепость, которая будет находиться совместно в советских и турецких руках; его собеседники, конечно, понимали, что это равнозначно советской крепости при входе в Проливы. Это означало бы, что Дарданеллы будут в советских руках и выход из Дарданелл в Средиземное море будет принадлежать советскому правительству. Несмотря на то, что это были времена самого тесного союза между тремя союзниками, несмотря на то, что по множеству других вопросов Рузвельт и Черчилль шли навстречу Сталину, в данном случае они отказались удовлетворить требование Сталина, и ему пришлось ретироваться.

Он стал искать других путей. Второй его попыткой прорваться на юг была операция в Иране в 1946 г. Вы помните эксперимент «правительства» в Тавризе под водительством персидского коммуниста Пешевари и полный его провал после того, как Англия и Америка очень твердо и настойчиво потребовали полного увода советских войск. Правительство в Тавризе было распущено, Пешевари бежал в Советский Союз, где он погиб при так называемой «автомобильной катастрофе».

Третья попытка была сделана в Греции, путем восстания, которое развивалось до 1948 г. Его кормила Москва, потом его поддерживали и Коминформ, и Белград, и София. Если бы этот эксперимент был удачен, открылась бы прямая дорога Москвы к Средиземному морю, греческие порты сделались бы советскими базами, советский флот стоял бы в греческих водах и Средиземное море было бы, по крайней мере в восточной его части, полно советских миноносцев, крейсеров и подводных лодок. Но в 1948 году пришлось оборвать и этот эксперимент в связи, с одной стороны, с доктриной Трумана, с другой — с так называемой изменой Тито.

Четвертая попытка была сделана в Иране при памятном премьерере Моссадыке, между 1951 и 1953 гг. Иранская коммунистическая партия, так называемая Трудовая партия («Трудэ») вступила, под прямым руководством Москвы, в союз с крайней националистической группой иранцев, и этот союз, поощряемый и временно руководимый Моссадыком, добился, как

будто, больших успехов. Национализирована была нефтяная промышленность, отношения с Англией испортились, дипломатическая связь была прервана, отношения с Москвой были наилучшие. Затем, когда безработица в стране начала расти и безвыходность положения сделалась ясной и кагда так называемая Трудовая партия стала готовиться к захвату власти и аресту или казни Моссадыка, совершен был переворот и вся эта эпопея закончилась ничем. Иран опять вышел из под влияния Москвы. Моссадык был арестован, судим, и присужден к трем годам тюрьмы.

Пятая попытка — и последняя по счету до настоящего дня — была сделана в последнем году. Развитие Суэцкого конфликта свежо в памяти, и, я не стану останавливаться на отдельных его фазах. Лишь общие линии советской политики должны быть отмечены. Советская политика на Ближнем Востоке развивалась в последние годы на фоне растущего арабского национализма, который порой принимал воинственные формы, который бушевал ненавистью к Западу, к Англии и Франции и отчасти к Америке. В Египте усиливалась власть полковника Нассера, его антизападная ориентация приобретала все более отчетливый характер. Антизападную позицию заняли и Саудовская Аравия, и малые арабские государства, но наиболее отчетливо она сказалась в Иордании, откуда изгнали командира Арабского легиона, англичанина Глабб Пашу, и заменили его проегипетскими вождями. Летом прошлого года Москва предложила Египту, на очень приемлемых финансовых условиях, чехословацкое оружие, — и это был поворотный момент. В Москве считали, что этим маневром приоткроется для советского правительства дверь в мусульманский мир, и эта операция должна была, наконец, после ряда неудач открыть Средиземное море и врата Ближнего Востока морским, сухопутным, дипломатическим и политическим силам Советского Союза. Мы видели здесь сочетание тех тенденций, которые за три года до того решали судьбу другой ближневосточной страны, Ирана. Это был союз воинствующего национализма, окрашенного порой в фанатически-религиозные цвета, с советским коммунизмом.

Самое важное в этом конфликте было разделение великих держав на три части: на одной стороне были Англия и Франция; на другой — СССР, союзник и покровитель Египта; особняком стояли Соединенные Штаты Америки. С того момента, как заключен был и этот фактический союз между Москвой и Каиром, началась полоса бурного развития последнего. Мощь Советского Союза окрылила Египет и побудила его на решительный шаг против Англии. Последовала национализация Суэцкого канала, затем военные операции Франции и Англии и большое охлаждение между Америкой и ее европейскими союзниками. Пока Америка не участвовала в военных действиях, в фактическом единоборстве между Москвой, с одной стороны, и Лондоном и Парижем, с другой, — побеждала Москва. Египетская пресса, да и вся арабская пресса, сделались целиком просоветскими, а правительства этих стран обратили острие свое против Запада. В ноябре и декабре Советский Союз был в зените своей славы. Но тут, после того, как элиминированы были Англия и Франция, началось фактическое единоборство Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Сравнительно нетрудно было добиться успеха против Лондона и Парижа, обвиняемых в агрессивности, колониализме и империализме. Другое дело было бороться с Америкой. Соединенные Штаты Америки — не колониальная держава, они не стремятся к территориальным захватам, не требуют себе привиле-

гий, и всему арабскому миру было видно, как отрицательно отнесся Вашингтон к военным экспедициям Англии и Франции. Под конец, Москве пришлось потерять свой ореол покровителя арабского мира и свой престиж.

Москва хотела, чтобы наступление продолжалось, чтобы Египет усиливал и развивал все дальше свою антианглийскую и антифранцузскую политику, осложнив ее еще к тому же антиамериканскими чертами. Москва хотела, чтобы Сирия была превращена в подлинную советскую базу. Если Египту удастся объединить вокруг себя и слить в одно большое государство все элементы арабского мира, то Москва делается вождем и покровителем этой новой большой державы.

Но тут начали действовать те факторы, которые Москва часто упускает из виду, а именно факторы экономические. И Египет, и другие арабские страны сильно пострадали от политических пертурбаций. Нищета, и без того очень большая на Ближнем Востоке, сделалась невыносимой. Торговля падала. Разрыв отношений с Англией и Францией привел арабский мир на край пропасти. Необходимо было восстановить судоходство по Суэцкому каналу, необходимы были средства, необходимо было для этого примирение с Западом, необходимо было принять известные пожелания Америки, словом, надо было положить конец этому циклу больших международных осложнений и нормализовать отношения. И вот тут эта волна антизападного движения, о которой я говорил выше, пришла к концу. Вместо нее началось движение прозападное, в пользу соглашения и сближения с Западом. В этом деле, не скрывая того, американская дипломатия была очень активной и, по моему мнению, оказалась очень успешной. Король Саудовской Аравии был приглашен и посетил Вашингтон. Затем Иордания повернулась лицом к Западу. Под конец и сам Египет заколебался, и одна лишь Сирия осталась маленьким просоветским островом в большом арабском море. И хотя это новое движение, по существу антисоветское и прозападное, далеко еще не дошло до своего конца, хотя возможны рецидивы, но, в основном, эта полоса, повидимому, закончена.

Мы видим здесь, в арабском мире, то же явление, которое мне пришлось изучать по книгам, газетам и беседам в Иране эры Моссадыка. Покуда развивается в ближневосточной или какой-либо другой отсталой стране «антиимпериалистическое» движение, движение против «колонизаторов», когда оно принимает крайние формы, начинает носить буйный, страстный характер, то оно тянется к союзу с Москвой и Москва охотно протягивает ему руку в своих собственных затаенных интересах. Но в стране «атиимпериалистическое» движение, движение против «колонизаторов» ну вот мы освободились от гнета колонизаторов, ну вот мы национализировали нефть или Суэцкий канал или банки. А дальше что? Мы добились политических результатов, мы прогнали британского посла, мы разорвали дипломатические отношения, мы грозим кулаком всем нашим бывшим «хозяевам». А дальше что? Страна разрушена, хозяйство разбито, и сейчас задача уже не столько в новых антиимпериалистических победах, сколько в восстановлении нормальной жизни. А восстановить ее можно в союзе не с Москвой, а с Западом. Пока жаждут столкновения, можно идти на союз с Кремлем. Когда нужны хозяйственные успехи, надо обратиться лицом на Запад. Так Суэцкая операция оказалась неудачной для советского правительства. Она принесла известные успехи Египту и арабскому миру, но, с

точки зрения Москвы, с точки зрения проникновения к Средиземному морю и на Ближний Восток, она оказалась неудачной.

6.

Разоружение

Надо остановиться в заключение на самом больном вопросе мировой политики настоящего времени — вопросе о разоружении. Здесь как бы в один узел сплелись большие проблемы — и нейтрализация Германии, и испытание атомного оружия, и размещение военных сил в чужих странах, и чрезвычайное напряжение бюджетов всех держав в связи с производством максимального количества наилучшего оружия. Удастся ли достигнуть соглашения о разоружении?

Соединенные Штаты Америки ставят соглашение в зависимость от возможности контроля и инспекции, от возможности наблюдения за тем, как каждая отдельная страна, в частности Советский Союз, выполняет свои обязательства о разоружении. До недавнего времени московское правительство категорически отказывалось идти на серьезные уступки в вопросе о контроле и инспекции; лишь недавно Москва дала понять, что в некоторой, довольно ограниченной форме, контроль будет допущен. Соединенные Штаты Америки этим не удовлетворяются; не согласны также Англия и Франция. В своем интервью, которое он дал американским журналистам в июне, Хрущев говорил, что «нельзя ведь смотреть друг на друга как на грабителей» и что надо иметь некоторое доверие друг к другу; он говорил: «нельзя заглядывать через окно в спальню своего соседа». Он никого не убедил. Нет ни одного правительства, которое решится пойти по пути разоружения, поверив на честное слово или приняв за реальность подпись другого правительства. Если бы речь шла даже не о таком правительстве, как советское, которое нарушало столько своих договоров и обещаний, то и тогда такую рискованную политику, как разоружение, не стали бы строить на столь зыбком фундаменте. Требуется твердая, бесспорная гарантия, что разоружение не окажется роковым и не поведет к потере позиций в мировой политике. Поэтому, вопреки совету Хрущева, в таком деле, как разоружение, надо смотреть с подозрением на своих контрагентов и нельзя полагаться на честное слово.

Конечно, бремя вооружений тяжело и, конечно, есть люди в Москве, например, в хозяйственных учреждениях, которые рады были бы сократить это бремя. Однако эти настроения и эти лица не являются решающими в политике Москвы. Политику определяют большие цели, которые всякое коммунистическое правительство продолжает себе ставить, а не соображения об экономии и военной опасности. Мы должны помнить, что для Москвы решающим является один мотив — догнать и перегнать Америку в вооружении. В общей форме о стремлении догнать и перегнать Америку в индустрии и сельском хозяйстве говорится со времен Ленина почти ежедневно; но никогда открыто не говорится, что еще важнее эта задача в области вооружения. Догнать Америку в отношении вооружения, по мнению Москвы, явилось бы решающим фактором в мировой политике. Поэтому вопрос о разоружении, как и очень много других аналогичных вопросов, решается в зависимости от того, как соглашение с Америкой о разоружении отразится на соревновании с ней по количеству и качеству вооружения.

Надо отдать себе отчет в том, как идет эта работа. Советское правительство имеет свою информацию о производстве вооружения в главных странах Запада. Эта информация основывается на докладах, донесениях, официальных — от военных атташе за границей, и неофициальных — из прессы, из наблюдений и, конечно, от разведки. В результате большой, кропотливой и трудной работы, составляются ежемесячно, или еженедельно или более редко, сводки о том, каково производство того или иного рода оружия в западных странах. Есть доклады о положении с бомбовозами, о производстве танков, об атомном оружии, о подводных лодках, об управляемых снарядах. И есть соответствующие отделы в министерствах, в Министерстве обороны, Министерстве оборонной промышленности и др. В каждом из соответствующих советских отделов известны цифры о производстве тех же родов оружия в таких же департаментах американской, английской и французской промышленности; эти цифры как бы горят огнем. Идет напряженное, никогда не прекращающееся соревнование, тихое, никому во-вне не видное. Величайшей гордостью для этих отделов советских военных и военно-промышленных учреждений является возможность доложить, что наконец «мы» в той или другой области достигли американских уровней; и величайшим поражением и позором является признание в том, что «мы» в этом месяце или в этом полугодии опять отстали от американских уровней...

Есть очень большая группа людей, которая полностью захвачена этой работой — и с политической стороны, и с чисто профессиональной, и с производственной. Начиная от некоторых членов Президиума партии, от министров, и охватывая сотни инженеров — производственников и техников, соревнование с Америкой является и смыслом жизни, и источником заработка. И эти вот настроения более влиятельны в смысле направления советской политики, чем настроения тех скромных хозяйственников, которые хотели бы сократить бюджет, понизить налоги, уничтожить запасы оружия и т. д.

Поэтому, если соглашение о разоружении обсуждается, если оно даже будет подписано, то для этой большой группы советских вождей вопрос стоит так: какие есть щели в этом договоре? Как можно, не нарушая договора, тем не менее сравнительно усилить свою военную мощь? Если установить вооружение Америки и Советского Союза на одном уровне, то каковы будут последствия в том случае, если срок этого договора окончится и каждая страна будет опять свободно вооружаться? Что будет, если договор будет денонсирован или нарушен? Кто скорее тогда сделает прыжок вперед и чей прыжок будет больше? Окажется ли Советский Союз впереди, если через год, два, или пять, или семь лет начнется новое соревнование? Ведь надо быть готовым к конфликту при всех условиях и во всякое время, и договоры о разоружении не должны этому мешать. И есть советские просторы, есть Сибирь, есть союзный Китай. Скрыть процесс вооружения, а в особенности склады готового оружия, в том числе и атомные бомбы, легче на евразийском, чем на любом другом континенте.

Десятки других вопросов встают постоянно перед Вашингтоном, Лондоном и Парижем, когда приходится обсуждать вопрос о разоружении. В этих вопросах сказывается вся неустойчивость нынешнего международного положения, ненадежность советского правительства как партнера, недоверие к советскому правительству; есть ощущение того, что соревнование в

деле вооружения — обязательный и постоянный элемент в советском коммунизме. Поэтому с большой осторожностью, недоверием и скептически приходится отнестись к перспективам международного разоружения.

Если советская политика потерпела неудачи в той или другой области в последние годы, они были не такого размаха, чтобы ее радикально перестроить. Она остается попрежнему экспансионистской и воинственной, и она развивается по сталинским принципам: Сталин остается самым адекватным выражением коммунистической политики. Всякое политическое движение имеет таких вождей, каких оно заслуживает. Вопреки тому, что ныне ошибочно называется «культом личности», — Сталин потому и направлял курс советского корабля в течение четверти века, что его личность была и остается самым подлинным выражением коммунизма. В частности, в сфере внешней политики его наследники мало в чем отклонились от пути, начертанного покойным учителем.

И тем не менее сталинская империя вступила, как мы видим, в полосу кризиса — и в Европе, и в Азии, и на Ближнем Востоке. Медленно и постепенно недомогания вырастают в болезни, щели вырастают в пропасти. Мир вступает в новую эпоху, в которой процесс распада империй перенесется и на новейшую, самую крупную из исторических империй, — когда освободятся завоеванные страны, когда забудется позорное имя «сателлитного народа», когда нации, сбросив чуждое бремя, заживут независимой, свободной жизнью.

Выступление **Н. Я. Галая**

по докладу д-ра **Д. Ю. Даллина**.

Из-за ограниченности времени, я не могу остановиться на ряде практических проблем советской внешней политики, затронутых докладчиком, которые позволяют несколько иную трактовку, нежели это сделал м-р Даллин. Например, решение советского правительства силой подавить венгерское восстание объясняется не только стремлением сохранения венгерского плацдарма, как плацдарма для наступления. В первую очередь в данном случае было опасение той «цепной реакции», которую могли вызвать события в Венгрии в отношении других сателлитов и самого СССР. Думаю, что в этом была главная побудительная причина, заставившая советских руководителей силой вмешаться в венгерские события.

Дальше, м-р Даллин, вероятно по недостатку времени, пропустил в интереснейшем своем анализе положения на Ближнем Востоке один очень существенный момент. В 1946 г., при разделе итальянских колоний, на совещании министров иностранных дел Молотов предъявил советские претензии, потребовав мандата на Ливию. Вот с какого времени уже началась попытка проникновения на Ближний Восток и в Средиземноморский бассейн!

Вопрос с китайских событиях затронут м-ром Даллиным с исключительной полнотой и компетентностью. Не буду останавливаться на некоторых положениях, которые требуют иной трактовки, в отношении, главным образом, нарастающих осложнений во взаимоотношениях Советского Союза и Китая, особенно в геополитическом аспекте этой проблемы. Она станет, вероятно, актуальной еще не завтра, а через сравнительно долгий промежуток времени. Остановимся поэтому на тех дополнениях, которые я считал бы нужным внести в прагматический, практический анализ докладчика.

Разбирая, в частности, те отличия во внешнеполитической тактике, которые были характерными для разных групп в коллективном руководстве, нужно отметить одну методологическую неточность докладчика, — он относит к внешней политике Советского Союза взаимоотношения последнего с сателлитами. Хотя в государствах так называемой «народной демократии» имеются внешние атрибуты суверенности, по сути дела их взаимоотношения с СССР приходится относить к внутренней политике большой советской империи. Отпадение Тито в 1948 году, растущая эмансипация Китая — являются кризисами на гранях советской внешней и внутренней политики. Требование национал-коммунистов о «собственных путях к социализму» является по сути дела стремлением перенести эти отношения, до сих пор бывшие в области внутренней политики, в сферу внешних отношений «равноправных» коммунистических государств. Этот кризис не разрешен и лишь временно отсрочен подавлением венгерского восстания. Хотя этот кризис настолько резок, что отношения Советского Союза с рядом «народных демократий», например, с Польшей и с Китаем, не говоря уже о Югославии, протекают в настоящее время уже не только в сфере внутренней политики, но затрагивают и внешнеполитическую сферу, тем не менее преждевременно еще относить методологически эти отношения в область внешней политики Советского Союза. Это преждевременно, если даже поражение Молотова и означает провал принципа трактовки взаимоотношений с сателлитами по линии внутренней политики, — так как победа Хрущева не свидетельствует еще о принципиальном решении перенести отношения с сателлитами в сферу внешней политики Советского Союза. Хотя для Польши и для Китая тактическим оппортунистом Хрущевым «воленс-ноленс» и признано право на некоторый самостоятельный путь к социализму, то его же тактика в Чехословакии указывает, что у власти им оставлены там как раз сталинисты, и никаких перемен он производить не потребовал. Таким образом, сохранение неэмансипировавшихся народных демократий в их прежнем состоянии, наряду с признанием «де-факто» эмансипации для части сателлитов, уже вставших на этот путь, является определенной линией, обозначающей во внешней политике нового владыки в Кремле. Можно с уверенностью предвидеть, что им будут сделаны попытки сохранить послушных сталинистов и в Восточной Германии, и в Болгарии, и в других сателлитах, если те сами, как поляки и венгры, не попытаются изменить свою судьбу.

Другое уточнение, связанное с важной проблемой сущности нейтралитета в советских понятиях, придется внести в данную докладчиком советскую схему классификации разных стран. По отношению к Советскому Союзу эта схема совершенно верна, но она не закончена. После того, как советские руководители дифференцировали все страны на отмеченные док-

ладчиком пять классов, они провели, так сказать, интегрирование. В настоящее время они разделяют эти страны на две большие группы — «лагерь поджигателей войны» и «лагерь мира». В лагерь мира они включают и так называемые нейтральные страны. В феврале 1955 г., в своей внешнеполитической речи, Молотов говорил о «лагере мира», насчитывающем 900 миллионов человек. На XX съезде Микоян и Хрущев говорили о том же «лагере мира» в полтора миллиарда человек. Это не случайное явление. За это время не была коммунизирована ни одна страна. Откуда же взялись 600 миллионов? 600 миллионов — это и есть те нейтральные, которых они включили, не спрашивая, что они об этом думают, в «лагерь мира». Докладчик очень верно обрисовал метод, каким они намерены практически производить эту «передвижку» — из лагеря капитализма в «лагерь мира»: сначала — в нейтральные, а потом уже в «социалистический лагерь». Но это не только практика. Есть и теоретическое обоснование этой проблемы. Оно дано рядом советских государствоведов. Так, профессор государственного права Раппопорт говорит, например: «Что такое нейтралитет? Это не длительное и не постоянное состояние, а лишь стадия, когда агрессивным силам (под которыми он подразумевает свободный мир. — Н. Г.) ограничивается возможность влияния на ту или иную страну и этим создается возможность постепенного перехода соответствующей страны из военного лагеря капитализма в мирный лагерь социализма».

Советские теоретики приоткрывают и другую завесу, когда говорят, как они смотрят на обязанности нейтральных стран в случае войны. Например, теоретик государственного права Лысовский заявил в 1955 году, что «нейтральные страны обязаны оказывать активную и реальную помощь жертве, т. е. стороне, подвергшейся агрессии». Если мы учтем, что по советской теории Советский Союз может вести только «справедливые» войны, и это никакими ревизиями сталинизма не опровергнуто, то, значит, «справедливая» война будет всегда вестись Советским Союзом, и нейтральные страны обязаны оказывать ему поддержку. Известно высказывание по этому поводу и Булганина, — его диссертация в 1945 году, в академии Фрунзе, характеризует оценку им понятия «нейтралитет». В большой будущей войне, — заметил Булганин, — нейтральных вообще не будет. Если некоторые нейтральные страны и смогут, благодаря нахождению «на периферии», сохранить себя от прямого участия в боевых действиях, — они все равно будут или втянуты в лагерь побеждающей стороны или разделять судьбу побежденных. Можно считать, что включение понятия нейтралитета, как орудия «сапы», в советскую внешнюю политику не является вообще новым. Но сталинскими наследниками, в значительной степени самим Хрущевым, оно сделано одним из главных и отточенных орудий советской внешней политики.

Наконец, приходится отметить третью важную проблему — сосуществование двух систем. Говоря о советской трактовке принципа сосуществования, докладчик определил его, как стремление Советов сохранить «статус-кво». Оно означает, однако, больше, чем это. Сосуществование объявлено принципом ленинизма. Это, конечно, — величайшая фальсификация. Можно перерыть все труды Ленина, и нигде ничего вы у него о сосуществовании не найдете, как и самого этого термина. Есть только одно интервью, данное в 1920 г. американскому журналисту «Нью-Йорк Ивнинг Джернал», где Ленин говорит о мирном сожительстве народов «без купцов и капита-

листов», о мирном сожительстве с рабочими и крестьянами других наций. Термин «сосуществование» введен Сталиным. Цитировать его высказывания по этому поводу я не имею времени. Смысл их сводится к следующему: временное равновесие сил предопределяет полосу мирного сожительства с капитализмом на некоторый период времени, пока равновесие не будет изменено в пользу страны социализма. Ничего нового в это понимание не внесли и наследники Сталина. Слова Хрущева о том, что, если две системы существуют на одной планете, то сосуществование их является фактом, — равносильны, строго говоря, признанию абстрактной констатации, что совместный путь мясника и овцы по дороге с базара на бойню тоже является их сосуществованием.

В дискуссии по докладу д-ра Д. Ю. Д а л л и н а приняли, кроме того, участие следующие лица: доц. В. П. М а р ч е н к о (Канада), проф. Б. Н. М а р т о с, д-р С. Т о р о с я н (Германия), проф. С. И. Г о л ь д е л ь м а н (Израиль).

Заключительное слово

Директора Института по изучению СССР **В. С. Мерцалова.**

Тема, которую мы избрали для этой нашей Конференции — «40 лет советской власти» — продиктована самой жизнью. 40 лет — внушительный срок в развитии человеческого общества, — это почти два поколения.

Событие это — я имею в виду 40-летие существования советской системы в такой гигантской стране, как СССР — заставляет задуматься и поразмыслить не только эмигрантов, но и весь Западный мир.

В самом деле, как могла удержаться и уже скоро 40 лет продолжает удерживаться власть, находящаяся в постоянном конфликте с народом? Как удержалась власть, в силу которой мало кто верил и скорую гибель которой предрекали многие виднейшие государственные, политические и общественные деятели?

Как видим, все они ошиблись. Мне кажется, что ошиблись они в своих пророчествах именно потому, что не знали природы коммунистической власти, не знали ее методов, приемов, средств, не знали и не понимали ее конечных целей, не умели поэтому правильно оценивать ее мероприятия, маневры, заявления, декларации и давали вводить себя в заблуждение, а тем самым невольно, не сознавая этого, помогали антинародной власти жить, развиваться и укрепляться.

Теперь все это уже позади, но вместе с тем это прошлое требует своего анализа, так как на его ошибках учатся не делать новых таких же ошибок в будущем. Свободный мир стремится ныне все шире и серьезнее заняться изучением коммунистического «феномена», чтобы, постигнув и разгадав его, можно было бы сделать необходимые выводы и построить к нему какое-то свое отношение. Целью нынешней нашей Конференции было в меру сил помочь ему в этом.

В результате нашего живого опыта, а также систематического последующего изучения положения в СССР по данным из различных источников мы можем утверждать, что советский государственно-политический организм, несмотря на теперешнюю его силу, очень болен. Он разъедается внутренними противоречиями. Народ и власть находятся в постоянной и непрерывной войне между собой. Власть держится, в конечном счете, насилем. Преследуя чуждые народу цели и нарушая вместе с этим законы общественного развития, она проводит нужные ей мероприятия, жестоко угнетая и эксплуатируя людей.

Мы знаем, однако, что никакое насилие не может продолжаться вечно и что никакая власть не может вечно держаться насилем. Либо власть должна в корне измениться, либо неизбежно наступит взрыв и никакие

марксизмы, ленинизмы, сталинизмы со всеми их хитроумно запутанными теориями «творческого развития», «усовершенствования» и пр. не помогут. Мы знаем также, что разъедается внутренними противоречиями и сам коммунизм.

Здесь, на Конференции, мы и попытались вскрыть эти внутренние противоречия и указать одновременно на те будущие судьбы коммунистической власти, которые этими противоречиями предопределяются. Как это нам удалось, пусть судят об этом наши слушатели. Хочется думать, что некоторый вклад в познание коммунистической власти и определение ее будущих судеб мы здесь, на Конференции Института, сделали.

От всей души благодарю всех докладчиков, всех участников, а также организаторов Конференции и, в частности, комиссию по созыву Конференции во главе с И. И. Бакало.

Перед закрытием Конференции председатель Организационной Комиссии, доц. **И. И. Бакало**, благодарит всех докладчиков, содокладчиков (оппонентов), а также всех, принявших участие в дискуссии по докладам, за их ценный труд, содействовавший успеху Конференции.

От имени участников Конференции **И. И. Бакало** благодарит также и своих ближайших коллег — членов Комиссии по устройству Конференции, а также всех сотрудников Института по изучению СССР, которые приложили немало сил, чтобы обеспечить ученым-советоведам и различным общественным деятелям Западного мира возможность на основе научных данных обсудить и проанализировать такую важную и комплицированную проблему наших дней, как 40-летие существования советской системы, советской власти.

СОДЕРЖАНИЕ

От Комиссии по созыву IX Конференции Института по изучению СССР 3

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель Ученого Совета Института по изучению СССР Мирза Бала: приветственное слово	5
Директор Института по изучению СССР В. С. Мерцалов: приветственное слово	5

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Д-р Ричард Врага: доклад «Идеологические основы большевизма и их изменения»	7
Ред. И. В. Майстренко: выступление по докладу д-ра Ричарда Врага	26
Проф. д-р Рейнгардт Маурах: доклад «Сорокалетие национальных прав народностей СССР»	31
Проф. А. В. Юрченко: выступление по докладу проф. д-ра Рейнгардта Маураха	44
Проф. д-р Н. Н. Поппе: доклад «Национальная политика Советов»	47
Д-р С. И. Станкевич: выступление по докладу проф. д-ра Н. Н. Поппе	63
Проф. Фредерик Ц. Баркгорн: доклад «Марксистская идеология и советская действительность»	68
Проф. А. Г. Зоргенфрей: выступление по докладу проф. Фредерика Ц. Баркгорна	77

ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Проф. А. А. Адамович: доклад «Общие контуры сорокалетней истории литературы и искусства в СССР»	81
Проф. Л. Д. Ржевский: выступление по докладу проф. А. А. Адамовича	118
Проф. Н. М. Васильев: доклад «Сорок лет советской экономической системы»	122
Доц. Ю. А. Таскин: выступление по докладу проф. Н. М. Васильева	142
Д-р Д. Ю. Даллин: доклад «Главные черты советской внешней политики в послевоенные годы»	146
Н. Я. Галай: выступление по докладу д-ра Д. Ю. Даллина	162
Директор Института по изучению СССР В. С. Мерцалов: заключительное слово	166

ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
41	14 снизу	1940	1941
101	2 сверху	представлял собой оппозиционную...	представляла собой оппозицию
159	12 снизу	стране «атиимпериалистическое» движение, движение против «колони-	ступает момент в развитии этого движения, когда оно подходит к тупику.

